

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д.пол.н., проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

Штоль В. В. — д.пол.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2021. — № 2. — 172 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2021. – № 2. – 172 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА:

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ К 100-ЛЕТИЮ ИНИЦИИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КУРСА НЭПА

Орлов И. Б. НЭП как антикризисная политика	9
Телицын В. Л. Политические настроения крестьянства в первые годы новой экономической политики: гражданский мир или новый виток противостояния с властью?	23
Араловец Н. А. Традиционная семья в годы НЭПа: особенности трансформации семейных ценностей	33
Абрамова М. Г., Попова А. В., Горохова С. С. Проект женской эмансипации Александры Коллонтай как гендерное «расширение» марксизма	44

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Алексеев К. А. Ранние миграции индоевропейцев через степи Евразии: к разрешению тохарской проблемы	55
Соловьев К. А. Троицкий Михайло-Клопский мужской монастырь – одна из промосковских обителей Новгородского государства	69
Ольшанская Л. В. Периодическая печать второй половины XIX в. о купеческом элементе в торговых судах России	83
Горлов В. Н. Американская национальная выставка в Сокольниках в 1959 г. как демонстрация достоинств капитализма	95
Колокольчикова Р. С., Погорелый А. П. Иностранные радиовещательные станции как средство информационной войны Запада против СССР в 1970-е – первой половине 1980-х гг.	105
Иерусалимский Ю. Ю., Рудаков А. Б. Вопросы образования, науки и культуры в деятельности Всемирного русского народного собора в конце XX столетия	117

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ашрафьян К. Э., Безносков М. «Черная легенда» как инструмент геополитической борьбы в XVI в. и её интерпретация сегодня: очернение страны-врага и современная стратегия «демонизации»	125
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

Егоров Д. И. Эмансипация истории по К. Дженкинсу	139
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аксеничев А. О. Особенности современного этапа германо-французских отношений	149
---	-----

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

У. Баджот ЦЕЗАРИЗМ. КАКИМ ОН БЫЛ В 1865 ГОДУ 159

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Фукс А. Н., Сухов В. В., Ковригин В. В. Новое учебное пособие по истории. Рецензия на книгу:
Хронотоп. Хронологическая карта истории Евро-Азиатского пространства (300–1914) /
под общ. ред. А. В. Муравьева. М.: Има-пресс, 2019. 165

К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СМОЛЕНСКОГО 169

CONTENT

NEW ECONOMIC POLICY: IDEOLOGICAL, SOCIAL AND SOCIO-CULTURAL DIMENSIONS TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE NEP POLICY

I. Orlov. NEP as an Anti-Crisis Policy	9
V. Telitsyn. The Political Mood of the Peasantry in the First Years of The New Economic Policy: Civil Peace or a New Round of Confrontation with the Authorities?	23
N. Aralovets. Traditional Family in the Years of the NEP: Features of the Transformation of Family Values	33
M. Abramova, A. Popova, S. Gorokhova. Alexandra Kollontai's Women's Emancipation Project as a Gender "Extension" of Marxism	44

NATIVE HISTORY

K. Alekseev. Early Migrations of Indo-Europeans Across the Steppes of Eurasia: Resolving the Tocharian Problem	55
K. Soloviev. Trinity Mikhailo-Klopsy Monastery as One of the Pro-Moscow Cloisters of the Novgorod State	69
L. Olshanskaya. Periodicals of the Second Part of the Nineteenth Century About the Merchant Law in the Russian Commercial Courts	83
V. Gorlov. American National Exhibition in Sokolniki In 1959 as a Demonstration of Capitalism's Virtues	95
R. Kolokolchikova, A. Pogorely. Western Broadcasting Stations as a Means of Information War of the West Against the USSR in the 1970S – Early 1980S	105
Yu. Ierusalimskiy, A. Rudakov. Issues of Education, Science and Culture in the Work of the World Russian People's Council at the End of the Twentieth Century	117

GENERAL HISTORY

K. Ashrafyan, M. Beznosov. "Black Legend" as a Tool of the Geopolitical Struggle in the Sixteenth Century and Its Interpretation Today: the Denigration of the Enemy-Country and the Strategy of "Demonizing" the Enemy	125
--	-----

POLITOLOGY

D. Yegorov. Emancipation of History by K. Jenkins	139
--	-----

POLITOLOGY

A. Aksenichev. Features of the Current Stage of German-French Relations	149
--	-----

**MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT:
FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

W. Bajot. Caesarism. As It was in 1865 159

SCIENTIFIC LIFE

Fuks A. N., Sukhov V. V., Kovrigin V. V. A New Textbook on History. Book Review. Chronotop.
A chronological map of the history of the Euro-Asian space (300–1914). Ed. by A. V. Muravyov,
Moscow: IMA-PRESS, 2019. 12 P. 165

To the jubilee of Nikolai Ivanovich Smolensky 169

ТЕМА НОМЕРА: НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ К 100-ЛЕТИЮ ИНИЦИИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КУРСА НЭПа

Новая экономическая политика (НЭП) представляет интерес как возможная, но исторически не реализованная альтернатива. Вызов надвигающейся войны побудил большевистское руководство взять ориентир на форсированную индустриализацию, которая предполагала усиление государственно-мобилизационных механизмов организации экономики.

Сегодня мнения в отношении этой замены и потенциалов НЭП расходятся. Одна позиция заключается в том, что на платформе НЭП подготовиться должным образом к войне СССР бы не мог. Согласно другому подходу, модель НЭП была более экономически сбалансированной, и отступление от неё, а равно и от рыночных законов, привнесло в экономику фундаментальные противоречия.

Распространено проведение аналогий между нэповской Россией и современным Китаем: развиваясь СССР в парадигме НЭП, и страна занимала бы то место в мире, которое в настоящее время занимает Китайская Народная Республика.

В год столетия инициирования В. И. Лениным курса НЭПа целесообразно попытаться посмотреть на Новую экономическую политику в качестве исторической развилки развития России в перспективе выбора стратегических альтернатив.

Новая экономическая политика, хотя самым названием и заявляет о политике в экономике, в качестве важнейших составляющих имела идеологическое и культурное измерения. Колебания между коммунистическими идеалами и отступлениями назад к капиталистическому укладу зависело от динамики революци-

онного движения и перспектив мировой революции. Вероятно, значимым фактором в свертывании нэповской модели стало развитие сталинского концепта о возможности построения социализма в одной стране. Без учёта бурной дискуссии среди марксистов в России и мире о том, по какому пути идти к социализму, нельзя адекватно понять инициирование, зигзаги, а затем и свертывание нэповской политики.

Культурное измерение НЭПа выводит на очень болезненную для коммунистического движения 1920-х гг. тему отношения к «нэпманам». Столкновение нэпмановской и левой субкультур в этот период – одна из наименее изученных, несмотря на свою очевидность, тем советской истории. С ней же соотносится общая установка провозглашаемой большевистским руководством борьбы с мелкобуржуазным сознанием, имевшим самые разнообразные и, зачастую, противоположные проявления.

Принципиальное значение в исследовании НЭПа имеет социальное портретирование советского общества. Трансформация семьи, демографические показатели развития, как и сегодня, – одно из наиболее индикативных выражений этого портрета. Социальные, зачастую переходящие в политические, протесты – это то, что может изменить политику, и, как считается, оказало своё влияние (по некоторым оценкам – решающее) при переходе к НЭПу.

В ракурсе этих и других измерений предпринимается попытка рассмотрения феномена Новой экономической политики в тематическом выпуске «Вестника МГОУ».

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22

НЭП КАК АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА

Орлов И. Б.*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление причин и факторов трансформации новой экономической политики из антикризисной модели в кризисную.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ основных экономических и финансовых кризисов 1920-х гг. с позиций восстановительной модели экономического развития. При проведении исследования применены факторный анализ и компаративистский метод.

Результаты. По итогам исследования автором сделан вывод о том, что кризисы периода нэпа имели структурный характер.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в понимание причин свертывания нэпа. Автору удалось показать взаимосвязь объективных и субъективных факторов при введении, функционировании и свертывании новой экономической политики.

Ключевые слова: новая экономическая политика, кризисы, рынок, настроения реванша, восстановительная модель, мобилизация

NEP AS AN ANTI-CRISIS POLICY

I. Orlov*National Research University Higher School of Economics
11 Pokrovsky bul'var, Moscow 109028, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the causes and factors of the transformation of the New Economic Policy (NEP) from an anti-crisis model to a crisis one.

Methodology. The main content of the study includes the analysis of the main economic and financial crises of the 1920s from the standpoint of the recovery model of economic development. The research was conducted using factor analysis and the comparative method.

Results. The crises of the NEP period prove to have a structural character.

Research implications. The findings contribute to the understanding of the causes of the NEP curtailment. The research shows the relationship between the objective and subjective factors in the introduction, functioning and curtailment of the NEP.

Keywords: New Economic Policy, NEP, crises, market, revanche sentiment, recovery model, mobilization

Введение

Современные исследования нэпа органично вписываются в ключевые проблемные области постсоветской историографии. Но виден и определённый историографический поворот в исследовании нэповской проблематики. С середины 2000-х гг. изучение экономических и политических аспектов всё больше заменяется исследованиями в области бытовых практик, повседневной истории и массового сознания. Снижение удельного веса работ общесоюзного масштаба сопровождалось резким ростом региональных исследований и складыванием ряда региональных школ «нэповедения» [30]. Одновременно снизился интерес к историографическим работам по проблематике нэпа. Современные историографические исследования по большей части посвящены региональным сюжетам и отдельным аспектам новой экономической политики. Попытки переосмыслить итоги изучения нэпа в 2000–2010-е гг. имели единичный характер [28; 31; 40].

Для современного этапа нэповской историографии, при всём тематическом разнообразии, характерен довольно слабый интерес к изучению собственно нэповской модели. На сегодняшний день лишь частично сохраняется разделение исследователей в объяснении причин свёртывания нэпа на «субъективистов» и «объективистов» (или «оптимистов» и «пессимистов»). Если для первых решающее значение имели волевые действия сталинского руководства, то их противники считают, что слом нэпа был неизбежным из-за нарастания к концу десятилетия непреодолимых внутренних противоречий и, прежде всего, отсутствия политических реформ. Но мейнстрим современных исследований завершающей стадии нэпа лежит в «умеренно-оптимистическом» русле. Это проявляется, с одной стороны, в признании факта обострения противоречий по мере выдвижения на первый план задач мо-

дернизации экономики страны. С другой стороны, ущербность рынка с самого начала позволяла принимать экономические решения политическим путём.

Исходя из этого, автор статьи ставит своей целью выявление причин и факторов трансформации новой экономической политики из антикризисной модели в кризисную. Это подразумевает решение ряда задач:

- показ сложности и противоречивости процесса формирования нэповской политики;
- изучения основных экономических и финансовых кризисов 1920-х гг.;
- выявление их связи с социальными и политическими кризисами;
- определение влияния итогов кризисов на свёртывание нэпа.

В рамках методологии институционализма при проведении исследования использованы факторный анализ и компаративистский метод, позволяющие уловить общий тренд развития новой экономической политики от антикризисной к кризисной модели.

Нэп – программа выхода из тотального кризиса власти

При всех историографических разногласиях относительно сущности и итогов новой экономической политики не вызывает сомнений, что по окончании Гражданской войны страна оказалась в глубоком политическом, экономическом и социальном кризисе. К 1921 г. на оставшихся от империи территориях сельскохозяйственное производство сократилось почти наполовину, а промышленное, по разным данным, в 5–7 раз. Не хватало предметов самой первой необходимости, но особенно сильно пострадала тяжёлая индустрия: в сравнении с 1913 г. валовая продукция металлообработки и машиностроения составляла 7,4%, производство чугуна – 2,5–3%, а добыча железных руд – 1,7%. Нараставший с конца 1920 г. топливный кризис в январе 1921 г. при-

вёл к остановке движения на ряде железнодорожных направлений и закрытию многих крупных машиностроительных и металлургических заводов. С конца февраля начались антиправительственные волнения в столице, а к весне забастовки охватили многие города республики. Протесты, наряду с быстрыми темпами деклассирования пролетариата, лишали «диктатуру рабочего класса» социальной основы.

Крестьяне на продразвёрстку и дефицит промышленных товаров ответили сокращением посевных площадей (на 35–60% по разным регионам) и возвращением к натуральному хозяйству. Вооружённые крестьянские восстания на Тамбовщине, Украине, Дону и Кубани, в Поволжье и Сибири (около 140 тыс. выступлений весной 1921 г.) поставили большевистское руководство перед необходимостью признать неизбежность поворота в экономической политике. Последней каплей стало Кронштадтское восстание, когда против большевиков выступили бывшие до этого оплотом режима матросы Балтийского флота и крепости. Таким образом, нэп можно рассматривать как своеобразную реакцию партийного руководства на угрозу утраты власти [6, с. 29; 13, с. 121; 26, с. 22].

При этом, несмотря на то, что в октябре 1921 г. на московской партийной конференции Ленин утверждал, что партия приняла нэп «совершенно единогласно», по мнению хорошо информированного заместителя главного редактора «Торгово-промышленной газеты» Н. Валентинова, никакого единодушия при принятии нэпа в РКП(б) не было. По словам члена коллегии наркомпрода А. И. Свицерского, в высших эшелонах власти с Лениным полностью согласны были только Л. Б. Красин и А. Д. Цурюпа, а все остальные молчали или сопротивлялись. На одном из заседаний Ленин даже угрожал подать в отставку с постов председателя Совнаркома и члена Политбюро [5, с. 26–28]. Л. Троцкий свидетельствовал, что

«перед введением нэпа и в первый период его у многих из нас было немало разговоров с Лениным о термидоре. Самое слово это было у нас в большом ходу»¹. По мнению А. Хаммера, сопротивление нэпу было столь велико, что если бы эту программу предложил другой лидер, его бы расстреляли². Споры в руководстве партии не прекратились и после решений X съезда партии, так как далеко не все разделяли ленинские расчёты, опасаясь, что свободная торговля станет возвратом к капитализму. На местах признавали «только те декреты, которые им нравятся»³, а местные партийные бонзы связывали реабилитацию рыночных отношений с вопросом: «Кто кого» [17, с. 5].

Сначала Ленин и его единомышленники считали нэп «временным отступлением», тактическим манёвром в ожидании мировой революции. Характерно, что от решения X съезда РКП(б) о замене продразвёрстки продналогом до возрождения рыночного механизма прошло около года. Ни резолюция X съезда РКП(б) «О замене развёрстки натуральным налогом», ни декреты ВЦИК о замене продразвёрстки продналогом и о размере продналога на 1922 г. не содержали даже приблизительных намёток аграрной политики, не говоря уже об экономической политике в целом. Директивы X съезда, как и работы Ленина мая 1921 г., намечали восстановить крупную промышленность с помощью контролируемого товарообмена⁴. Именно с этим было связано расширение с мая этого же года сферы деятельности посевкомов, в июне были переведённых в подчинение СТО.

К осени 1921 г. стало ясно, что произведённых уступок недостаточно, так как крестьяне на рынках отказывались от товарообмена, требуя плату за про-

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 4. М.: Терра, 1990. С. 14.

² Коммунист. 1988. № 2. С. 65.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 4. Д. 240. Л. 32–33.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 333–335; Т. 44. С. 207.

дукты деньгами. Поэтому «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. содержал рекомендации не ограничиваться рамками местного оборота, а «переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена»¹. 17 октября 1921 г., выступая с докладом на II Всероссийском съезде политпросветов, Ленин признал, что ради выживания Республики надо дать возможность развиться капитализму². Тем не менее, 23 декабря 1921 г., выступая с докладом «О внутренней и внешней политике республики» на IX Всероссийском съезде Советов, Ленин в очередной раз отметил, что нэп «мы проводим всерьёз и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда»³.

Ленин понимал опасность возрождения капитализма для советской власти, но исходил из того, что меру допущения рыночных отношений устанавливала сама власть, сохранившая в своих руках т. н. командные высоты экономики. В силу этого он постепенно отказался от взгляда на нэп как кратковременное тактическое отступление и стал рассматривать его как магистральный путь к социализму. В марте 1922 г. он пришёл к убеждению, что «экономически и политически нэп вполне обеспечит нам возможность постройки фундамента социалистической экономики», что «из России нэповской будет Россия социалистическая»⁴. Одновременно, убеждённый в том, что новая экономическая политика «является достаточно и ясно установленной»⁵, Ленин на XI съезде партии выступил с важным политическим заявлением о прекращении отступления и выдвинул задачу подготовки наступления на частный капитал. Резолюция XII съезда партии (апрель 1923 г.) «О промышленности» уточняла,

что переход к нэпу не вносит принципиальных изменений в соотношение функций собственника средств производства и хозяйствующего субъекта в лице пролетарского государства⁶.

Нэп не был переходом от коммунизма к капитализму, от политики обобществления и государственного регулирования к рыночной экономике. Он, скорее, был легитимным опытом рыночных реформ в условиях специфической советской системы, одной из тенденций в политике и одним из элементов в экономике. По своим целям нэп представлял собой антикризисную модель, призванную, в первую очередь, снять политическое и социальное напряжение в стране. Сохранение «командных высот» в экономике, по замыслу «архитекторов» нэпа, позволяло использовать опыт рыночного хозяйства с минимальными для власти политическими и социальными издержками. Но на пересечении процесса возрождения рыночных отношений и активного, но малокомпетентного вмешательства партийно-государственного руководства во все сферы жизни общества рождалась вереница новых кризисов. Например, острая потребность в оборотном капитале (прежде всего, на зарплату рабочим), породила в конце 1921 г. – начале 1922 г. острый финансовый кризис. «Период разбазаривания промышленности» характеризовался выходом трестов на рынок с палатками розничной торговли. В итоге госпромышленность положила в карман частного посредника только за первый год нэпа, по разным оценкам, от 150 до 300 млн. зол. рублей [18, с. 190]. Только в феврале 1923 г. государственным организациям было запрещено заключать сделки между собой с использованием частных посредников.

Сформировалась многоукладная и неустойчивая экономическая структура, породившая несколько серьёзных эко-

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 247.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 156–169.

³ Там же. С. 310–311.

⁴ Там же. С. 60, 77–78, 213.

⁵ Там же. С. 356.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политиздат, 1984. С. 61, 63.

номических и финансовых кризисов. В свою очередь, «кризисная модель» стимулировала расширение административных методов управления, особенно в отношении «командных высот». Находясь на острие внутрипартийной борьбы, проблема кризисов постепенно политизировалась и приобретала идеологическую окраску. В свою очередь, принимаемые меры по преодолению очередного кризиса способствовали дальнейшему сужению нэповских свобод и параллельному формированию административно-мобилизационной системы.

В нэпе было много пережитков военного коммунизма: сохраняющийся до 1924 г. натуральный налог; огосударствление кооперации; децентрализация управления промышленностью только на уровне трестовского хозрасчёта и пр. Отсутствовал рыночный механизм во взаимоотношениях между тяжёлой и лёгкой промышленностью, тяжёлая индустрия работала на госзаказах и дотациях. В основу *хозяйственной модели* восстановительного периода была положена практически полностью огосударствленная промышленность, система управления которой была рассчитана, прежде всего, на выполнение политических команд власти. Незыблемыми оставались принципы диктатуры пролетариата и «ведущей роли» рабочего класса, а рыночные механизмы с самого начала были «инфицированы» вирусами командного управления экономикой¹. Попытка выработать основанную на оптимальном сочетании государственной и частной собственности модель экономики на практике наткнулась на сильные колебания политики советской власти и дифференциацию подходов к разным секторам экономики. Своеобразие экономики заключалось не столько в борьбе плана и рынка, сколько в том, что в этот период не сложились ни рыночные, ни плановые механизмы регулирования. В этих условиях широко-

масштабное вмешательство государства носило характер прямого администрирования, что и рождало острые противоречия [19, с. 101].

Допустив многообразие форм деятельности и собственности в экономике, правящая партия пыталась компенсировать это в политической сфере. Программа РКП(б) не была пересмотрена при переходе к нэпу, а работа по обобщению опыта формирования основ нового хозяйственного механизма контролировалась специальной комиссией ЦК РКП(б) и СНК под председательством Л. Б. Каменева. В литературе выделяются несколько точек «доктринального напряжения» (весна и осень 1921 г., весна 1922 г., осень 1924 г., весна и зима 1925 г.), когда господствующие представления о модели политического действия входили в противоречие с реальностью и нуждались в развитии доктрины [43, с. 19]. Но не всегда из этого следовали адекватные выводы.

Логику нэпа невозможно понять без учёта доминирующего фактора партийного руководства в различных сферах жизни общества. Интерес сохранения и укрепления власти был определяющим на всём протяжении указанного периода, ограничивая преобразования идеологическими рамками «переходного периода к социализму» и «строительства социализма в одной стране». Времени и возможности для подготовки и проведения глубоких стратегических перемен не оставляла и развернувшаяся внутрипартийная борьба. Следует признать, что у партийного руководства отсутствовала цельная концепция нэпа. При выработке стратегии и тактики новой экономической политики доминировали настроения реванша. Управленческая схема была довольно простой: решения Политбюро превращались правительством в государственные акты, автоматически одобрявшиеся ВЦИК / ЦИК СССР.

¹ Советская товарная биржа: 20-е годы. Документы и материалы. М.: Дело, 1992. С. 6.

На пути к структурному кризису

Задумка нэпа как ограниченной по времени и специфической по методам программы выхода из тотального кризиса 1920–1921 гг. во многом определила серьёзный структурный кризис, ставший неотъемлемой частью нэповской реальности. Кроме того, мы имеем дело с кризисом пространственного развития новой экономической политики. Если для Центральной России нэп означал допущение свободы хозяйственной деятельности и частного капитала после эпохи военного коммунизма, то в Сибири и на Дальнем Востоке переход к нэпу был попыткой поставить рыночную стихию под партийно-государственный контроль. Впрочем, центральные губернии демонстрировали не менее пеструю и противоречивую картину. Например, в Пензенской губернии отсутствие стратегически важного для государства производства способствовало широкому развитию практически всех форм предпринимательства, особенно кустарного производства, где роль частного колебалась от 50% в рогожном промысле до 91% в пуховязальном [35, с. 2, 15–16]. В Туле созданию обширного слоя кустарей способствовала незначительность земельного надела: кустарная промышленность давала подсобный заработок для пригородного крестьянства [34]. В Якутии в первой половине 1920-х гг. общая хозяйственная неразвитость усугублялась почти полным отсутствием промышленности и денежного обращения [44, с. 3].

Одним из наиболее деструктивных факторов, определявших перманентную кризисность нэповской модели, было сохранение очагов Гражданской войны: до конца 1922 г. военное положение сохранялось в 39 губерниях и автономных республиках РСФСР. Непоследовательность и силовые способы проведения нэповских преобразований вызвали весной-осенью 1921 г. волну массовых казачьих и крестьянских восстаний на Северном Кавка-

зе и в Сибири, где крестьянство смирилось с методами нэпа лишь к концу 1923 г. В Горской республике вооружённая борьба велась до мая 1924 г. В Саратовской, Самарской и Ульяновской губерниях крестьянские военно-политические формирования были ликвидированы в 1922 г., но борьба с отдельными отрядами продолжалась до 1925 г. Антисоветское движение в Якутии также было подавлено к осени 1922 г.¹, но последние повстанческие движения были разгромлены только к началу 1926 г. На Дальнем Востоке антисоветские вооружённые формирования продолжали борьбу до 1925 г. [46, с. 24, 26, 30–31, 35–37].

Негативное влияние на процесс формирования новой экономической политики оказали голод 1921–1922 гг. и его последствия. В регионах, охваченных голодом, речь шла об элементарном выживании, а в других районах голодная конъюнктура искривляла нэповские преобразования до неузнаваемости.

Одним из ведущих факторов медленного и противоречивого процесса формирования рынка стала политика советского государства, что определяло ограниченность сферы действия рыночных механизмов в экономической модели 1920-х гг. [23, с. 5; 26, с. 22, 29]. При довольно тесной связи укладов речь шла о сосуществовании нескольких рынков, через которые шло распределение товарной продукции – государственной, кооперативной и частной торговли. Товарно-денежный оборот также складывался из нескольких потоков – государственного планового, государственного товарного, частного потребительского и частного капиталистического. Несмотря на наличие бирж труда, на практике шло формирование государственной системы найма. Созданная в мае 1922 г. при СТО Комиссия по внутренней торговле подменила ценовое регулирование установлением предельных торговых накидок и твёрдых

¹ Автономное строительство. Якутск, 1923. № 1. С. 1, 11.

цен. К осени 1922 г. регулирование цен осуществлялось по всему спектру потребительских товаров, а с осени 1923 г. власти перешли к прямому установлению цен [43, с. 8–10]. Не удивительно, что для рынка периода нэпа было характерно: отсутствие достаточных товарных запасов; разрушение транспортной, складской и торговой сети; нарушение свободного обращения между внутренним и внешним рынками [16; 20; 21].

Государственная промышленность не справлялась с задачей формирования собственного рынка путём вовлечения в него других укладов. Трестовский хозрасчёт имел весьма ограниченный характер, так как тресты не имели частного интереса и имущественной ответственности, переложившей на плечи государства. Но главная проблема трестирования заключалась в том, что тресты представляли собой случайное объединение национализированных предприятий, сгруппированных по территориальному и производственному признакам под управлением органов, возникших ещё в годы военного коммунизма [33, с. 108].

Основная часть промышленной продукции потреблялась в самом государственном секторе, тогда как деревня удовлетворяла свои потребности с помощью крупной индустрии лишь на треть. Впрочем, единое рыночное пространство не сложилось и для крестьянского хозяйства. Особенно неблагоприятно на рыночные связи влияли неравноправные отношения с государством: деревня служила донором для городской индустрии.

Противоречивая структура рынка способствовала тому, что к концу 1923 г. он стал играть дестабилизирующую роль, что подтолкнуло государство к форсированному вмешательству в экономику. К концу 1923 г. нэповская система в общих чертах сложилась, поэтому т. н. «кризис сбыта» проявился как системный. Трудности сбыта коснулись в большей степени сельскохозяйственных машин и инвентаря. Но так как главной проблемой

того времени была «смычка» города и деревни, то кризис стал оцениваться как «кризис сбыта»¹. Но наблюдалось два явления. С одной стороны, «кризис сбыта», который определялся не только снижением покупательной способности деревни, но предпочтением более дешёвой продукции кустарно-ремесленной промышленности. С другой стороны, товарный голод, во многом связанный с несовершенством и просчётами торгового аппарата. Негативную роль сыграло резкое (в 3 с лишним раза) сокращение с сентября 1923 г. банковских кредитов². В итоге в октябре–ноябре торговая депрессия охватила все регионы (особенно центральные, северные и восточные) и все группы товаров, наиболее остро проявившись на рынке промтоваров.

В основе кризиса лежали причины как структурного характера (отсутствие нормальных связей с мировым рынком и резкий разрыв между городом и деревней), так и субъективного порядка (промахи руководства партии, занятого борьбой за власть). Так как в основу антикризисной программы было положено узкое понимание кризиса как «кризиса сбыта», это определило курс на ликвидацию «заминок» в быте любой ценой. Борьба за «овладение рынком» опиралась, главным образом, на политику низких промышленных цен, чтобы выдавить частника с крестьянского рынка. Но снижение отпускных цен промышленности почти не доходило до потребителя: происходила перекачка средств из промышленности в торговлю. Использование методов «военного маневрирования» (завоз промышленных товаров в сельские магазины к моменту сбора урожая) привело к возникновению дефицита товаров в сырьевых районах Нечерноземья и в крупных городах. Да и тресты находили способы обходить декреты о снижении цен путём ухудшения качества продукции, сокра-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 4984. Л. 24.

² Там же. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 4984. Л. 33.

щения производства ходовых товаров, на которые распространялась политика нормированных цен, и расширения производства неходовых. В этом плане именно «кризис сбыта» осени 1923 г. стал начальной точкой отхода от нэповских принципов.

Хотя денежная реформа 1922–1924 гг. в стратегическом плане была успешной [41, с. 111], но вывод совзнака из обращения начался в условиях дефицита бюджета и неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры. Спорна бездефицитность бюджета 1924/1925 хоз. года, который покрывался кредитными операциями (госзаймами, вкладами населения и общественных организаций в сберкассы, фондами государственного имущества и личного страхования и т. п.). Уже осенью 1924 г. покупательная способность червонца снизилась в связи с неурожаем, увеличившим затраты на импорт продовольствия, и идущим с весны наступлением на частную торговлю. Состояние денежного рынка стало нарушаться с мая 1925 г., чему способствовали рост цен на сельхозпродукты и не обеспеченные ресурсами планы промышленного развития 1925 г. Но главная причина скрывалась в специфике созданной в ходе реформы кредитно-денежной системы, сочетавшей традиционные черты мировой денежной системы (конвертируемость валюты, поддержание валютного паритета и пр.) с чертами, присущими советскому хозяйству (планирование обращения и кредита, монополия внешней торговли, централизованное ценообразование и т. п.).

Кризис 1925 г. удалось преодолеть только за счёт замораживания практически всего нового строительства, сокращения золотовалютных резервов, роста косвенных налогов и продажи вино-водочной продукции. Кризис 1925 г. выявил и ряд других проблем, препятствовавших осуществлению планов индустриализации. Финансово-производственные программы верстались нередко

в соответствии не с производственными возможностями, а с наличными заказами. Срыв плановых заданий на одном участке вёл к лавине срывов по всей индустриальной сфере.

Превращения многоукладной экономики в смешанную не произошло из-за усиления государственного вмешательства. Государственное регулирование всё больше охватывало процессы заготовки сырья, условия производства и продажи промышленной продукции в общественном, кооперативном и частном секторах экономики. Расчёты советского правительства на создание барьера развитию частнохозяйственной активности с помощью «командных высот» не оправдались. То есть нэповская политика дала результаты диаметрально противоположные тем, которые планировались её конструкторами и проводниками. Например, акционерные общества, которые первоначально были рассчитаны на привлечение частного капитала, уже к концу 1925 г. представляли собой преимущественно объединения государственного, кооперативного или смешанного капитала. Крестьяне даже в кооперации видели отросток государственного аппарата, которому чужды рациональные мотивы экономического поведения. Судя по письмам, идеи «кооперативного социализма» вряд ли широко владели крестьянскими умами: «... современная кооперация будет плохим фундаментом для социализма», – писал в 1926 г. М. Калинину крестьянин Ярославской губернии Н. Пастухов¹.

Несмотря на все попытки реорганизации «командных высот», проблема качества выпускаемой продукции оставалась крайне острой. Рельсы, из которых треть не проходила испытания; железобетон, выдерживающий напряжение на 30% меньше нормы; галоши, которые носят два месяца, – такими характеристиками изделий отечественной промышленности пестрели страницы советской прес-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 61. Д. 223. Л. 3–4 об.

сы [38, с. 376]. По подсчётам английского инженера, в 1924 г. используемый на строительстве завода в Нижнем Новгороде стальной прокат местного производства обошёлся бы в два раза дешевле (даже с учётом транспортных издержек) при поставках из Великобритании [42, с. 79]. Почти полностью прекратился импорт капиталов, были утеряны и традиционные рынки российского экспорта [11, с. 21; 15, с. 315; 29, с. 159].

Хозяйственные успехи 1926/1927 хоз. года не могут быть доказательством эффективности реконструкции народного хозяйства на базе нэпа. Эти успехи были итогом использования последних резервов восстановительного периода (прежде всего, возможностей эффективной загрузки имевшегося основного капитала) [8, с. 35]. При сохранении дореволюционной структуры экономики усилилась и межотраслевая диспропорциональность [14, с. 64].

Нэп versus мобилизационная экономика

В 1927 г. был достигнут потолок в извлечении средств обычными способами. Начавшиеся работы по новому строительству были плохо подготовлены: не хватало строительных материалов и машин, инженеров и рабочей силы. Реформа в сфере госпромышленности не завершилась до конца и тем более не сформировала рыночный хозяйственный механизм. Борьба за рентабельность производства сопровождалась построением механизма перекачки средств в тяжёлую промышленность под флагом «первоначального социалистического накопления».

Восстановительный рост обеспечивал воссоздание промышленных мощностей лишь на техническом уровне начала XX в. Овладение новыми технологиями требовало строительства промышленного строительства. К 1927 г. износ оборудования в промышленности составлял около 40% [37, с. 370]. В 1926–1928 гг. Советский Союз удовлетворял потребно-

сти в металлорежущих, металлодавящих станках и паровых турбинах на 60–90% за счёт импорта. В 1927 г. добыча нефти в СССР превзошла уровень 1913 г. в значительной степени за счёт использования американских технологий: бурения скважин с помощью вращающегося бура, применения «глубоких насосов» и установок для улавливания естественного нефтяного газа и переработки его на бензин [42, с. 33–35, 67]. Но даже в 1928 г. из-за небольших объёмов экспорта СССР смог ввезти лишь половину импорта оборудования дореволюционной России. Даже в 1929 г. основным источником алюминия для советских авиазаводов были либо импортные поставки, либо раскопки на заводских свалках [25, с. 144].

Поэтому необходимость индустриализации никем в руководстве СССР не оспаривалась. Споры шли по поводу того, в какие сроки и в каких формах индустриализацию следует осуществлять [1, с. 80–88; 9, с. 46–48; 45]. Ситуация осложнилась в связи «военной тревогой» 1927 г. Вследствие обострения международной обстановки, наученное горьким опытом военного лихолетья население бросилось закупать впрок товары первой необходимости. В результате резервный фонд промтоваров не «дожил» до осенней хлебозаготовительной кампании, а срыв заготовок хлеба ставил под угрозу снабжение городов и армии. К 1928 г. объективно складывалась ситуация экономического застоя и военно-технического бессилия.

Заключение

Исследования последних десятилетий показывают, что экономический и социальный кризис нэпа был более глубоким, чем это представлялось в 1990-е гг., и корни его были гораздо более основательными, чем отступление Сталина от бухаринской политики в 1928–1929 гг. [2, с. 113–114; 4, с. 26; 6, с. 29–30; 7, с. 4; 11, с. 133; 12, с. 4; 22, с. 189; 24, с. 149–152; 27, с. 72, 79; 32, с. 6; 39, с. 23; 43, с. 16]. Если рас-

смагивать 1925–1927 гг. как единый период перерастания экономического кризиса в кризис социально-политический, то правительственные меры 1927 г. в области ценообразования и кредита, рост расходов на оборону и прочее стали логическим завершением нового широкомасштабного наступления как на частника, так и на хозрасчётные права трестов. Но самое главное – то, что власть зимой 1927–1928 гг. нарушила исходный принцип нэпа – формально свободное распоряжение крестьян продуктами своего труда. Очевидно, что отказ от нэпа был вызван как субъективными, так и объективными причинами. Кризис хлебозаготовок зимы 1927–1928 гг. следует рассматривать только как повод для очередного наступления на нэп. С одной стороны, руководство страны не желало (да и было неспособно) прогнозировать дальнейшее развитие нэпа, рассматривая последний в качестве временной меры переходного периода от капитализма к социализму. С другой стороны, нэп быстро из антикризисной модели превратился в постоянно сотрясаемую кризисами экономику. Негативные процессы в экономике (рост хозяйственных диспропорций, инфляции и безработицы, перебои в снабжении, спекуляция и коррупция, прекращение конвертируемости рубля в 1926 г. и пре-

вышение в 1927 г. импорта над экспортом и т. д.), интерпретируемые с идеологических позиций, как бы подтверждали мнение руководства, что рыночная экономика в России неосуществима. То есть падение нэпа в значительной степени являлось результатом социально-политической нестабильности. Но не только. «Военная тревога» 1927 г. положила начало созданию государственного оборонного комплекса как системы государственных мобилизационных органов. В свою очередь, повышенные планы военного ведомства стали одним из решающих факторов давления на цифры первого пятилетнего плана. Курс на создание системы мобилизационной подготовки входил в противоречие с основными установками нэпа. Разворот экономики на рельсы широкомасштабной мобилизационной подготовки подразумевал отказ от экономической стратегии нэпа, ставившей на первый план вопросы прибыльности и рентабельности. Кроме того, вопрос о возможности сохранения нэпа можно считать риторическим с учётом низкой степени способности власти и населения разрешать назревшие противоречия в изначальных условиях нэповских ограничений.

Статья поступила в редакцию 12.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Р. С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 389 с.
2. Бокарев Ю. П. Денежная политика середины 20-х годов и крушение рынка // Нэп: приобретение и потери. М., 1994. С. 113–120.
3. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 350 с.
4. Быстрова И. В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. № 3. С. 19–34.
5. Виноградов С. В. Начальный период новой экономической политики: теоретические дискуссии и практические результаты (март–декабрь 1921 г.) // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2 (30). С. 24–31.
6. Гимпельсон Е. Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 29–43.
7. Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М.: МНИИПУ, 1991. 94 с.
8. Горинов М. М. Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 31–47.

9. Грегори П. Экономическая политика сталинизма. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.
10. Дегтярев Г. П. Нэп: идеологические тупики реформы // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 4. С. 13–27.
11. Дегтярев Г. П. Нэп: идеологические тупики хозяйственной реформы // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 126–138.
12. Дмитренко В. П. «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. 1990. № 3. С. 3–26.
13. Долгов Л. Н. Нэп: между экономическим прагматизмом и революционным экстремизмом // Очерки по отечественной истории. Комсомольск-на-Амуре, 1993. С. 120–133.
14. Дроздов А. В. Итоги новой экономической политики в современной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3 (68). С. 62–67.
15. Дэвис Р. У. Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернатив // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 311–318.
16. Захарова Н. М. Рынок труда в СССР в годы НЭПа // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 1992. № 2. С. 32–38.
17. Кабаков. К очередным задачам // Авангард. 1925. № 1. С. 5–11.
18. Канторович В. Я. Советские синдикаты. М.: Издательство Наркомторга СССР и РСФСР, 1928. 234 с.
19. Киселев А. Ф., Чураков Д. О. Бюрократия и нэп // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 110–116.
20. Крюкова С. Опыт становления рынка в период нэпа // Вопросы экономики. 1991. № 2. С. 145–152.
21. Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д., Федоровская Е. С. Государственная собственность и рынок: опыт нэпа // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 98–107.
22. Лелюхина Н. Д. Нэп и его роль в формировании хозяйственного механизма в СССР (за «круглым столом» Института экономики АН СССР) // Новая экономическая политика: уроки хозяйственных реформ : сборник. М., 1989. С. 182–200.
23. Мамонтова Э. А. Социально-экономические аспекты новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии 1921–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 21 с.
24. Мау В. Реформы и догмы. 1914–1929. М.: Дело, 1993. 254 с.
25. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
26. Никулин В. В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб.: Нестор, 1997. 194 с.
27. Носова Н. П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство советской России (1917–1929). М.: Издательство Московского университета, 1993. 345 с.
28. Оришев А. Б., Тарасенко В. Н. Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа: историографический анализ: монография. М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 147 с.
29. Орлов И. Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М.: Государственный университет гуманитарных наук, 1999. 193 с.
30. Орлов И. Б. НЭП в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33–54.
31. Орлов И. Б. Современная историография нэпа (к вопросу о составлении «исследовательской карты») // Харківський історіографічний збірник. Вип. 13. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. С. 85–96.
32. Предисловие / Н. Я. Петраков, В. Л. Перламутров, Л. Е. Тропаревская, Т. П. Володина // НЭП и хозрасчет. М., 1991. С. 3–26.
33. Пумпянский Л. М. Организация и работа советских трестов // Нэп: взгляд со стороны : сборник / сост. и авт. предисл. В. В. Кудрявцев. М., 1991. С. 107–132.
34. Равич. О кустарной промышленности и кустарях // Авангард. 1925. № 2. С. 44–45.
35. Рассказова Н. В. Предпринимательская деятельность в Пензенской губернии в годы нэпа. 1921–1927 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 21 с.
36. Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери: сб. ст. М., 1994. С. 139–149.
37. Роголина Н. Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 366–384.

38. Россия неповская / под ред. С. А. Павлюченкова. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.
39. Саначев И. Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке (1922–1925). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1993. 180 с.
40. Сенинский А. С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: политические, экономические, социокультурные аспекты. М., 2006. С. 5–25.
41. Симонов Н. С. Из опыта финансово-экономической реформы 1922–1924 гг. // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 99–113.
42. Худяков П. К. Развитие советской промышленности в первое десятилетие. М.: Государственный политехнический музей, 1928. 124 с.
43. Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: Россия молодая, 1994. 186 с.
44. Широких А. Вопросы совстроительства в Якутии // Автономное строительство. 1923. № 1. С. 2–3.
45. Эрлих А. Дискуссия об индустриализации в СССР (1924–1928). М.: Дело АНХ, 2010. 247 с.
46. Яблочкина И. В. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 38 с.

REFERENCES

1. Allen R. S. *Ot fermy k fabrike. Novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii* [From farm to factory. New interpretation of the Soviet industrial revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 389 p.
2. Bokarev Yu. P. [Monetary Policy in the Mid-20s and the Market Crash]. In: *Nep: priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Moscow, 1994, pp. 113–120.
3. Bordyugov G. A., Kozlov V. A. *Istoriya i kon'yunktura: Sub'yektivnyye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva* [History and business environment: Subjective notes on the history of Soviet society]. Moscow, Politizdat, 1992. 350 p.
4. Bystrova I. V. [State and economy in the 1920s: the struggle of ideas and reality]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1993, no. 3, pp. 19–34.
5. Vinogradov S. V. [The Initial Period of the New Economic Policy: Theoretical Discussions and Practical Results (March – December 1921)]. In: *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Kalmyk University Bulletin], 2016, no. 2 (30), pp. 24–31.
6. Gimpel'son Ye. G. [Political System and NEP: Inadequacy of Reforms]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1993, on. 2, pp. 29–43.
7. Goland Yu. *Krizisy, razrushivshiye nep* [Crises that destroyed NEP]. Moscow, International Research Institute for Management Problems Publ., 1991. 94 p.
8. Gorinov M. M. [Soviet country in the late 20^s – early 30^s]. In: *Voprosy istorii* [Voprosy istorii], 1990, no. 11, pp. 31–47.
9. Gregori P. *Ekonomicheskaya politika stalinizma* [Economic policy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 398 p.
10. Degtyarev G. P. [NEP: ideological dead ends of reform]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1992, no. 4, pp. 13–27.
11. Degtyarev G.P. [NEP: ideological dead ends of economic reform]. In: *Nep: priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Moscow, 1994, pp. 126–138.
12. Dmitrenko V.P. [“War communism”, NEP ...]. In: *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1990, no. 3, pp. 3–26.
13. Dolgov L. N. [NEP: Between Economic Pragmatism and Revolutionary Extremism]. In: *Ocherki po otechestvennoy istorii* [Essays on Russian history]. Komsomol'sk-na-Amure, 1993, pp. 120–133.
14. Drozdov A. V. [The results of the new economic policy in modern historiography]. In: *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University], 2010, no. 4-3 (68), pp. 62–67.
15. Devis R. U. [The development of Soviet society in the 20s and the problem of alternatives]. In: *Rossiya v XX veke: Istoriki mira sporyat* [Russia in the XX century: Historians of the world argue]. Moscow, 1994. pp. 311–318.
16. Zakharova N. M. [Labor market in the USSR during the NEP years]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Moscow University Bulletin. Episode 6: Economics], 1992, no. 2, pp. 32–38.

17. Kabakov. [To the next tasks]. In: *Avangard*. Tula, 1925, no. 1, pp. 5–11.
18. Kantorovich V. Ya. *Sovetskiye sindikaty* [Soviet syndicates]. Moscow, Publishing House of the People's Commissariat of Trade of the USSR and the RSFSR, 1928. 234 p.
19. Kiselev A. F., Churakov D. O. [Bureaucracy and NEP]. In: *Vlast' i obshchestvennyye organizatsii v Rossii v pervoy tretyi XX stoletiya* [Power and public organizations in Russia in the first third of the twentieth century]. Moscow, 1993, pp. 110–116.
20. Kryukova S. [The market formation the during the NEP period]. In: *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiky], 1991, no. 2, pp. 145–152.
21. Lapina S. N., Lelyukhina N. D., Fedorovskaya Ye. S. [State property and the market: the results of the NEP]. In: *Nep: priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Moscow, 1994, pp. 98–107.
22. Lelyukhina N. D. [NEP and its role in the formation of the economic mechanism in the USSR (at the “round table” of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences)]. In: *Novaya ekonomicheskaya politika: uroki khozyaystvennykh reform : sbornik* [New Economic Policy: Lessons from Economic Reforms: Collection]. Moscow, 1989, pp. 182–200.
23. Mamontova E. A. *Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty novoy ekonomicheskoy politiki v derevne Tambovskoy gubernii 1921–1929 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-economic aspects of the new economic policy in the village of Tambov province 1921–1929: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Voronezh, 2004. 21 p.
24. Mau V. *Reformy i dogmy. 1914–1929* [Reforms and dogmas. 1914–1929]. Moscow, Delo, 1993. 254 p.
25. Mukhin M. Yu. *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg.* [The aircraft industry of the USSR in 1921–1941]. Moscow, Nauka, 2006. 320 p.
26. Nikulin V. V. *Vlast' i obshchestvo v 20-e gody. Politicheskiy rezhim v period nepa. Stanovleniye i funktsionirovaniye (1921–1929 gg.)* [Power and society in the 20^s. Political regime during the NEP period. Formation and functioning (1921–1929)]. St. Petersburg, Nestor, 1997. 194 p.
27. Nosova N.P. *Upravlyat' ili komandovat'? Gosudarstvo i krest'yanstvo sovetskoy Rossii (1917–1929)* [To control or to command? State and peasantry of Soviet Russia (1917–1929)]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1993. 345 p.
28. Orishev A. B., Tarasenko V. N. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo cheloveka v epokhu NEPa: istoriograficheskiy analiz* [Everyday life of Soviet people during the NEP era: a historiographic analysis]. Moscow, 2015. 147 p.
29. Orlov I. B. *Novaya ekonomicheskaya politika: istoriya, opyt, problem* [New Economic Policy: History, Experience, Problems]. Moscow, State University for the Humanities, 1999. 193 p.
30. Orlov I. B. [NEP in a Regional Perspective: From Average Estimates to Diversity]. In: *NEP: ekonomicheskiye, politicheskiye i sotsiokul'turnyye aspekty* [NEP: economic, political and sociocultural aspects]. Moscow, 2006, pp. 33–54.
31. Orlov I. B. [Modern historiography of NEP (drawing up a “research map”)]. In: *Харківський історіографічний збірник. Вип. 13. X.: ХНУ імені В.Г. Каразіна*, 2014, pp. 85–96.
32. Petrakov N. Ya., Perlamutrov V. L., Troparevskaya L. Ye., Volodina T. P. Foreword to the book: *Nep i khozraschet* [NEP and self-financing]. Moscow, 1991, pp. 3–26.
33. Pumpyanskiy L. M. [Organization and operation of Soviet trusts]. In: Kudryavtsev V. V., ed. *Nep: vzglyad so storony: sbornik* [NEP: a view from the outside: a collection]. Moscow, 1991, pp. 107–132.
34. Ravich. [About the handicraft industry and artisans]. *Avangard*. Tula, 1925, no. 2, pp. 44–45.
35. Rasskazova N. V. *Predprinimatel'skaya deyatel'nost' v Penzenskoy gubernii v gody nepa. 1921–1927 gg. : avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Entrepreneurial activity in the Penza province during the NEP years. 1921–1927 : abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 21 p.
36. Rogalina N. L. [New Economic Policy and the Peasantry]. *Nep: priobreteniya i poteri : sbornik statei* [NEP: acquisitions and losses collection of articles]. Moscow, 1994, pp. 139–149.
37. Rogalina N. L. [Industrialization within the framework of the NEP and the prospects for Soviet modernization]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik* [Economic history. Yearbook], Moscow, 2006, pp. 366–384.
38. Pavlyuchenkov S.A., ed. *Rossiya nepovskaya*. [NEP Russia] Moscow, *Novyy khronograf* Publ., 2002. 446 p.
39. Sanachev I. D. *Novaya ekonomicheskaya politika na Dal'nem Vostoke (1922–1925)* [New economic policy in the Far East (1922–1925)]. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House Publ., 1993. 180 p.

40. Senyavskiy A. S. [NEP: modern approaches and perspectives of study]. In: *NEP: politicheskiye, ekonomicheskiye, sotsiokul'turnyye aspekty* [NEP: political, economic, sociocultural aspects]. Moscow, 2006, pp. 5–25.
41. Simonov N. S. [From the experience of the financial and economic reform of 1922–1924]. In: *Nep: priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Moscow, 1994, pp. 99–113.
42. Khudyakov P. K. *Razvitiye sovetskoy promyshlennosti v pervoye desyatiletiye* [Development of Soviet industry in the first decade]. Moscow, State Polytechnic Museum, 1928. 124 p.
43. Tsakunov S. V. *V labirinte doktriny. Iz opyta razrabotki ekonomicheskogo kursa strany v 1920-e gody* [In the labyrinth of doctrine. From the experience of developing the country's economic course in the 1920s]. Moscow, Rossiya molodaya, 1994. 186 p.
44. Shirokikh A. [Issues of the sovstroitel'stvo in Yakutia]. In: *Avtonomnoye stroitel'stvo* [Autonomous construction], 1923, no. 1, pp. 2–3.
45. Erlikh A. *Diskussiya ob industrializatsii v SSSR (1924–1928)* [Discussion about industrialization in the USSR (1924–1928)]. Moscow, Delo ANH Publ., 2010. 247 p.
46. Yablochkina I. V. *Antigosudarstvennyye vooruzhennyye vystupleniya i povstancheskiye dvizheniya v Sovetskoy Rossii (1921–1925 gg.): avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk* [Anti-state armed uprisings and insurgencies in Soviet Russia (1921–1925) : abstract of D. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 38 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, департамент политики и управления факультета социальных наук Высшей школы экономики;
e-mail: IOrlov@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor B. Orlov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics;
e-mail: IOrlov@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Орлов И. Б. Нэп как антикризисная политика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 9–22.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22

FOR CITATION

Orlov I. B. NEP as an anti-crisis policy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences*, 2021, no. 2, pp. 9–22.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22

УДК 94 (470) «19»

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-23-32

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ГРАЖДАНСКИЙ МИР ИЛИ НОВЫЙ ВИТОК ПРОТИВОСТОЯНИЯ С ВЛАСТЬЮ?

Телицын В. Л.*Институт всеобщей истории РАН**119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности политических настроений российского крестьянства в первые годы новой экономической политики и их воздействие на социально-политическую ситуацию в стране.

Процедура и методы. Анализ и сопоставление документальных материалов государственных учреждений (Совета народных комиссаров, Центрального комитета Российской коммунистической партии, Объединённого государственного политического управления), раскрывающих события, происходившие в России в 1921–1923 гг. в условиях начала осуществления новой экономической политики. Работа подготовлена в соответствии с принципом историзма и на основе использования системного метода исследования.

Результаты. Обосновано, что российское крестьянство не сразу и неоднозначно приняло новую экономическую политику, поскольку её составные элементы хотя и предполагалось использовать для установления гражданского мира, но произвол и вседозволенность местных властей «обесценили» этот замысел, в результате чего новую экономическую политику (1920-е гг.) можно считать лишь коротким перемирием между властями и крестьянством.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в получении оригинального по новизне научного материала, который может быть положен в основу спецкурсов по социально-экономической истории России и по истории российского крестьянства в условиях революционных кризисов.

Ключевые слова: Россия, новая экономическая политика, 1921–1923 гг., крестьянство, политические настроения

THE POLITICAL MOOD OF THE PEASANTRY IN THE FIRST YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY: CIVIL PEACE OR A NEW ROUND OF CONFRONTATION WITH THE AUTHORITIES?

V. Telitsyn*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences**32A Leninskii prospekt, Moscow 119334, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the features of the political moods of the Russian peasantry in the first years of the New Economic Policy and their impact on the socio-political situation in the country.

Methodology. The research was conducted using the analysis and comparison of documentary materials of state institutions (the Council of People's Commissars, the Central Committee of the Russian

Communist Party, the United State Political Administration), revealing the events that took place in Russia in 1921–1923 in the context of the early implementation of the New Economic Policy. The research follows the principle of historicism and based on the use of a systematic method of research. **Results.** The Russian peasantry did not immediately and ambiguously adopt the New Economic Policy, because, even though its separate elements were intended for establishing civil peace, the abuse of power by the local authorities “devalued” this plan; as a result, the New Economic Policy (1920s) can be considered only a short truce between the authorities and the peasantry.

Research implications. Original scientific material has been obtained that can be used as the basis for special courses on the socio-economic history of Russia and on the history of the Russian peasantry in the conditions of revolutionary crises.

Keywords: Russia, New Economic Policy, NEP, 1921–1923, peasantry, political sentiments

На истории политических преобразований и социально-экономических реформ 1920-х гг. в России до сих пор акцентируют внимание отечественные исследователи, поскольку изучение и обобщение управленческого и хозяйственного опыта даст возможность избежать досадных просчётов и ошибок во внутренней политике и предотвратить гипотетические политические и социальные конфликты.

Предметом статьи являются политические настроения российского крестьянства в 1921–1923 гг. – то есть на начальном этапе новой экономической политики.

Цель работы состоит в обосновании и анализе особенностей политических настроений российского крестьянства в первые годы (1921–1923 гг.) новой экономической политики.

Для её достижения необходимо: 1) рассмотреть причины, предопределявшие вектор направления политических настроений крестьянства в 1921–1923 гг.; 2) проанализировать основные тенденции эволюции крестьянских настроений в связи с развитием новой экономической политики.

Исследование поставленных задач осуществлялось на основе принципа историзма и с использованием системного метода, – всё это дало возможность осуществить скрупулезный научный анализ рассматриваемой проблемы.

К истории особенностей эволюции российского крестьянства в условиях но-

вой экономической политики (нэп) отечественные исследователи обращались неоднократно, в том числе и в самые последние годы, в частности, рассматривались и общественно-политические настроения крестьянства, и социокультурные изменения, и социальные эмоции, но – на протяжении всего нэпа и, как правило, в условиях отдельно взятого региона [1–4]. Внимание к этим и другим исследовательским аспектам свидетельствовало о том, что место и роль российского крестьянства в эпоху новой экономической политики оставалась едва ли не самой определяющей.

Однако проблема научных настроений крестьянства на начальном (1921–1923 гг.) этапе новой экономической политики до сих пор не была удостоена внимания со стороны историков, тогда как именно этот период во многом предопределил вектор дальнейшего развития взаимоотношений власти и общества, социально-хозяйственных аспектов развития страны и аграрного сектора в частности.

Чем стала новая экономическая политика для Советской России? Временем, когда военно-коммунистические методы управления сменились более-менее либеральными подходами к проблемам, существовавшим в экономике и обществе? Этот постулат был общепринят в исторических исследованиях. Считалось, что именно нэп предотвратил трансформацию Гражданской войны из столкновений «эксплуатирующих классов с эксплу-

атируемыми» в столкновение «рабочего класса с крестьянством». В доказательство тому приводятся Кронштадтский «мятеж» 1921 г., Тамбовское и Западно-сибирское восстания 1920–1921 гг.), которые можно рассматривать как начальную фазу нового витка вооружённого противостояния и которым не дали разрастись только благодаря нэпу (на самом деле – благодаря жёстким репрессиям).

Считалось также (в исторической литературе), что крестьянство на протяжении, по крайней мере, первой половины 1920-х гг. не проявляло недовольства какими-либо действиями Советской власти в экономической сфере: либо будучи «успокоенными» новым земельным кодексом 1922 г., возможностью аренды земли и найма рабочей силы, либо потому что все усилия свои направляло (крестьянство) на преодоление последствий голода начала 1920-х гг., и ему (крестьянству) было не до политических проблем.

Однако документы (письма и обращения в Совет народных комиссаров, ВЦИК, лично руководителям Советского государства, сводки ОГПУ и другие) свидетельствуют, что в крестьянской среде протестные настроения не исчезли даже после того, как многие большевистские политики заговорили весной 1921 г. о «мире с деревней».

По нашим (неполным) подсчётам, только с мая 1921 г. по конец 1923 г. в российских губерниях было зарегистрировано более 700 выступлений крестьянства (разной интенсивности: от отказа выполнять трудгужповинность до вооружённого сопротивления)¹.

В первую очередь, свою роль в том, что протестные настроения в деревне после объявления новой экономической политики и первых шагов по её реализации не исчезли, а наоборот, даже увеличились и стали острее, сыграла ситуация с нехваткой продовольствия и голодом, при-

чём именно в аграрных районах, и именно в начале 1920-х гг.

Большевики ещё до Октября 1917 г. позиционировали себя как политическую силу, способную решить продовольственный вопрос в России (обострившийся после начала мировой войны), считая, что стоит только по-новому выстроить отношения с деревней, ликвидировать товарно-денежные отношения и рынок вообще, ввести строго нормированные нормы продовольствия. И вопрос с поставками хлеба в города решится так же, как решится и вопрос поставок промышленных товаров в деревню. Но это – теория, мало имеющая общего с реальностью. Продовольственный вопрос не только не был решён, но и достиг в 1921 г. своей пиковой, кульминационной точки – голода, поразившего в различной степени десятки губерний Советской России.

Вот несколько сообщений с мест за 1921–1923 гг. Лето 1921 г.: в Симбирской губернии на почве острого недостатка продовольствия вспыхивают голодные волнения, которые угрожают перерасти в настоящий бунт, способные охватить все уезды². В Чувашии сельское население (до 85%) большинства волостей пришивало к муке траву и опилки³, что стало одной из причин неспособности в быстрые сроки справиться с развившимися в регионе эпидемией сыпного и брюшного тифа и эпидемией сибирской язвы. По данным местной статистики, смертность сельского населения в этом районе превышала рождаемость в 1S–2 раза⁴. А в Татарской республике крестьяне уже с весны 1921 г. употребляли в пищу суррогаты и траву в «сыром виде», что резко увеличило число заболевших и умерших⁵. Особо указывалось на то, что в богатом (до революции) Касимовском уезде озимые посевы выгорели от засухи, что грозило голодом не только этому уезду или

¹ Подсчитано по данным: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621, 2625, 2627–2656.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 4.

³ Там же. Л. 139.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 8.

губернии, но и ближайшим районам¹. В Рязанской губернии настроение крестьянства оценивалось как «неудовлетворительное». Это в том числе результат и того, что из-за острой нехватки продовольствия во всей губернии пришлось закрыть детские сады и больницы. Из Пензенской губернии сообщали, что в мае 1921 г. голодало до 70% крестьянского населения. Из Саратовской губернии поступала информация о настоящих массовых волнениях, которые характеризовали как «голодные». Также «голодными» характеризовали уезды Оренбургской губернии прибывшие туда за хлебом рабочие Подмоскovie². В одном из уездов губернии более 5000 крестьян, собравшись на центральной площади города, требовали от местных советских властей выдачи зерна, угрожая в противном случае разгромом волостных исполнительных комитетов. Из губернского центра был выслан отряд частей особого назначения с целью «предотвратить беспорядки». Встретив сопротивление со стороны недовольных, отряд открыл огонь на поражение. Только по официальным данным ранение получили 14 крестьян³. Но волнения в губернии на этом не прекратились. Через несколько дней в близлежащей к губернскому центру Федоровской волости был разгромлен ссыпной пункт и «расхищено» 6000 пудов зерна. Особо отмечалось, что местный губернский гарнизон «небоееспособен», так как состоит в основном из местных жителей, мобилизованных из деревень⁴.

В Череповецком уезде крестьяне питалось мхом, что повлияло на увеличение числа заболевших и, естественно, смертности. В Пермской губернии некоторые районы пришлось перевести на военное (или, как отмечалось в сообщениях с мест, «осадное») положение из-за нарас-

тающего голода (а не просто из-за нехватки продовольствия) и волнений, прокатившихся по ряду волостей. В городе Осе (та же губерния) более 250 крестьян (мужчин и женщин) из близлежащих волостей, собравшись у исполкома, угрожали убийством заместителю председателя последнего (который вышел их увещевать, обещая решить вопрос с продовольствием) и разгромом ссыпных пунктов⁵.

Не изменилась ситуация и осенью 1921 г., после сбора урожая. Так, в Костромской губернии крестьяне продолжали, как и летом, питаться суррогатами⁶. В уездах Вятской губернии вследствие недоедания развивалась эпидемия сыпного и возвратного тифа (в неделю заболевало не менее 200 человек в каждом уезде)⁷. В деревне Тахчале Спасского кантона Татарской республики за 10 дней октября умерло 45 детей и 6 взрослых. В 150 близлежащих деревнях ситуация складывалась примерно также. Общее число голодающих в Татарии достигло 70%⁸. Смертность детей резко подскочила и в Оренбургской губернии⁹.

Особенно тяжёлыми оказались зимние и весенние месяцы 1922 г. Известия о массовых смертях поступали из Актюбинской области («дороги устланы трупами»)¹⁰, из Лабинского и Новороссийского округов¹¹. Суррогаты в пищу употреблялись уже повсеместно в Донецкой и Ставропольской губерниях¹². Голодающих крестьян по губерниям исчисляли уже миллионами, а настроения их оценивали как «весьма тревожные»¹³. В Пермской и Уфимской губерниях у крестьян закончились даже суррогаты¹⁴, был переведён на мясо практически весь

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 17, 139.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1251. Оп. 1. Д. 5. Л. 212-212 об.

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 27

⁴ Там же. Л. 29

⁵ Там же. Л. 82.

⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2625. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 31.

⁸ ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 4. Д. 26. Л. 37-38; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2625. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 78.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² Там же. Л. 9, 10, 43.

¹³ Там же. Л. 52.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 73.

крупный рогатый скот и лошади. В голодающих предуральских деревнях (Пермская и Вятская губернии) население питалось «ботвой, рябиной, глиной, сосновой корой и липовыми опилками»¹. Среди демобилизованных из Красной армии крестьян (в Пермской и Екатеринбургской губерниях) отмечалось желание вернуться на военную службу, где, по крайней мере, кормили². В плодородной, производящей до революции с избытком зерна Уфимской губернии весной 1922 г. были зафиксированы открытые выступления крестьян, выдвигавших единственное требование – «хлеба»³.

В Самарской губернии, где голод в конце весны 1922 г. дошёл «до ужасных размеров», крестьянство употребляло в пищу всё, что можно было есть. Отмечались и случаи людоедства (в некоторых сёлах, по словам представителей местных властей, оно «принимает массовые формы»)⁴. Соседние губернии огораживались вооружёнными кордонами, не пропуская голодающих на «свою» территорию.

В Башкирии, как и в Татарии, отмечались факты вымирания весной 1922 г. целых деревень⁵. В Северной Ингушетии голодало тогда же более 40% населения. Крестьяне бежали в города, продавая свои дома всего за 2–3 пуда кукурузы⁶, которые тут же уходили в оплату продовольственного налога.

И весной 1923 г. голод стоял на первом месте среди проблем крестьянского населения России. Так, в ряде районов Карелии у крестьян зерновых запасов совсем не осталось, и они питались соломой и суррогатами. В ряде волостей крестьяне приходили со своими детьми в волостные исполкомы и просили оказать им помощь, получив отказ, бросали детей на пороге советских учреждений⁷.

В то же время отмечалось, что продналога собрано свыше 100%⁸. В результате, продналог, который должен был сменить продразвёрстку и «способствовать миру между властью и крестьянством», вызывал не меньшее раздражение, и протесты, чем голод.

Летом–осенью 1921 г. на Кубани прокатились волнения среди крестьян из-за взимания продналога. Волнения эти были настолько серьёзными, что власти для контроля над ситуацией применяли вооружённую силу⁹. В Вятской губернии отношение к продовольственному налогу, который превосходил продовольственную развёрстку, было резко отрицательным¹⁰.

В Ставропольской губернии с крестьянских хозяйств, урожай которых составил по 150 пудов зерна, требовали по продналогу 175 пудов. В ответ крестьяне, отчитавшись перед продорганами (возмущавшихся арестовывали или накладывали штрафы), в массовом порядке бросали хозяйство и уезжали в уездные центры в поисках любой работы¹¹.

Осенью 1921 г. ситуация не изменилась. В Архангельской губернии крестьяне отказывались выполнять продналог из-за его объёмов. В Вологодской губернии сельские жители затягивали сдачу продналога, считая, что он способствует «возрождению кулачества»¹². На Кубани крестьяне просто прятали зерно, чтобы уберечь его от сдачи по продналогу¹³. Власти в ответ пошли на репрессии, организовав выездные сессии ревтрибуналов¹⁴ и вновь двинув в деревню вооружённые (и наделённые большими полномочиями) продовольственные отряды. В начале 1922 г.: в Новониколаевском уезде и в Ордынском районе Новониколаевской губернии продотрядники производи-

¹ Там же. Д. 2628. Л. 27.

² Там же. Д. 2627. Л. 97.

³ Там же. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 107.

⁵ Там же. Д. 2628. Л. 98.

⁶ Там же. Д. 2634. Л. 99.

⁷ Там же. Д. 2649. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 41.

⁹ Там же. Д. 2621. Л. 49.

¹⁰ Там же. Л. 52.

¹¹ Там же. Д. 2643. Л. 15.

¹² Там же. Д. 2625. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 7.

ли аресты не выполнивших заданий по продналогу крестьян, содержали их в холодных сараях, применяя к несогласным с политикой и действиями советской власти аресты, обыски и порки. Уполномоченные губпродкома требовали у крестьян подписку о выплате 100% продовольственного налога¹.

Всё это не решило, а лишь усугубило ситуацию. Дошло до того, что против продналога выступили коммунисты, которые в знак протеста выходили из партии (такие случаи отмечались в Татарской республике)². В Одесской губернии крестьянам для внесения продовольственного налога и из-за страха перед возможными репрессиями, пришлось покупать зерно на рынке³. В Тульской губернии крестьяне из-за необходимости сдачи продналога продавали свои дома и хозяйственные постройки, скот, семенной материал⁴. Подобные факты отмечались в Тамбовской и Омской губерниях, соответственно, и отношение к продналогу были таким же, как и к продразвёрстке – резко отрицательным⁵. В Омской губернии крестьян подвергали избиениям и арестам. Крестьяне, бросая хозяйства, уходили целыми семьями в тайгу. Особенно «отличились» в той же губернии 3-й продовольственный отряд и 156-я продовольственная дружина, которые ради выполнения плана по сбору продналога применяли самые жёсткие меры – избиения, аресты, обыски, запугивания, издевательства (так, в одной из волостей Омского уезда не выполнивших обязательств по продналогу крестьян заставили бежать с красным знаменем 20 вёрст, отстающих избивали прикладами, упавших расстреливали)⁶. И это при том, что в Омской губернии голодало по разным уездам от 25 до 65% крестьянского населения.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 13.

² Там же. Л. 34.

³ Там же. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 127.

⁵ Там же. Л. 130.

⁶ Там же. Д. 2628. Л. 76, 107.

Продналог не собирался, а «выкачивался» из деревни насильно (добавим конфискации, реквизиции и гарнцевый сбор). В результате крестьяне продавали скот, инвентарь, постройки – всё, чтобы выплатить продналог, а затем уходили в город, рассчитывая избежать в дальнейшем давления со стороны советских продовольственных структур. У оставшихся в деревнях настроение оценивали уже как «враждебное». Отмечались случаи не только утаивания хлеба или подкупа должностных лиц, сокращения и утаивания размеров посева, но и убийства продинспекторов, а также случаи открытых выступлений, принятия общими собраниями крестьян лозунга «Долой Советскую власть, да здравствует свобода». В то же время специальные губернские комиссии, которые расследовали деятельность местных продработников, «не находили злоупотреблений и состава преступления». В ответ на подобные решения наблюдался выход крестьян-коммунистов из партии⁷. А в Кокачинском уезде Омской губернии на беспартийной крестьянской конференции было принято предложение прекратить сбор продналога, в случае отказа обратиться напрямую к Ленину⁸.

То есть, продналог не стал тем спасательным кругом, который смог бы спасти социальную ситуацию, помилив город и деревню, крестьянина и пролетария. Каждый из них считал, что только он выступает основой государства, а потому в условиях провозглашённого социализма настаивал на послаблениях только в свою пользу.

Но больше всего возмущение крестьян вызывал произвол власти – и местной, и центральной, и не только в связи с продналогом, но в связи с желанием чиновников поставить крестьян на то «место», которое им было определено марксистской теорией. В результате, правда, желание это выливалось в откровенный произвол и репрессии⁹.

⁷ Там же. Л. 77.

⁸ Там же. Д. 2629. Л. 6.

⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 98. Д. 2. Л. 90-91; Оп. 96. Д. 760.

Уже летом 1921 г. отношение крестьянского населения уездов Пермской губернии к советской власти характеризовалось как «враждебное». В начале 1922 г. настроение сельского населения Самарской губернии оценивалось в целом как «возбуждённое», к коммунистам – «недоброжелательное», и отмечалась причина подобной ситуации – крестьянству совершенно не оказывается никакая помощь¹.

И в конце весны 1922 г. ситуация мало изменилась. Так, настроение даже беднейшего крестьянства Тамбовской губернии оценивалось как «недовольное», т. к. не доставало зерна для обсеменения полей, что влекло за собой сдачу земли в аренду и уменьшение урожая осенью².

В октябре 1922 г. из Архангельской губернии поступали сообщения о росте «бесчинства» коммунистов, которые, в частности, появляясь в пьяном виде в общественных местах (как правило, на беспартийных крестьянских конференциях), устраивали стрельбу из револьверов³, что не могло не вызвать резко отрицательное отношение к РКП(б) со стороны местного крестьянского населения, воспитанного на иных традициях. «Неудовлетворительным» характеризовалось настроение крестьянского населения в Ярославской губернии. Здесь, в деревенской среде, распространялись слухи о скорой войне с Англией, о мобилизации всех возрастов, о насильственном устранении от власти Ленина и о падении в ближайшем будущем Советской власти. А потому, считая, что власть скоро падёт и поддерживать её не стоит, крестьяне решали не сдавать продналог⁴.

В январе 1923 г. оставалось «неудовлетворительным» настроение крестьян и в Омской губернии (из-за действий про-
длинспекторов, представителей властей на

местах)⁵. То же наблюдалось и в Тюменской губернии в феврале того же года, где на беспартийных крестьянских конференциях делегаты в один голос заявляли: «Мы коммунистам не верим...»⁶.

В Семипалатинской области в марте 1923 г. недовольства крестьян вызывались исключительно действиями местных властей и большевистских ячеек⁷. А на сельском сходе сёл Троицкой волости Конского уезда Красноярской губернии в мае 1923 г. советскую власть оценивали «хуже колчаковской»⁸.

В совокупности, отношение советской власти к решению продовольственного вопроса, борьбы с голодом, сдачи продовольственного налога, к злоупотреблению на местах и прочее, не могло не сказаться и на отношении крестьянства в начале 1920-х гг. к новой экономической политике как к таковой.

В июне 1921 г. во Владимирской губернии новая экономическая политика истолковывается крестьянством как подготовка коммунистов к передаче власти иным политическим группам⁹ (но к каким, на это крестьяне ответить, естественно, не могли).

В январе 1922 г. в Омской губернии было отмечено участие коммунистов в «уголовных бандитских шайках». Арестованные объясняли своё поведение неприятием новой экономической политики¹⁰. В Ярославской губернии в феврале 1922 г. отмечался массовый выход крестьян-коммунистов из партии из-за несогласия с новой экономической политикой¹¹. В Томском уезде из-за неприятия новой экономической политики из партии вышли 60% деревенских коммунистов. Та же ситуация наблюдалась и в Новгородской и Саратовской губерниях¹².

⁵ Там же. Д. 2649. Л. 12.

⁶ Там же. Д. 2652. Л. 38.

⁷ Там же. Д. 2653. Л. 61.

⁸ Там же. Д. 2656. Л. 79.

⁹ Там же. Д. 2621. Л. 73.

¹⁰ Там же. Д. 2627. Л. 121.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2645. Л. 143.

¹² Там же. Д. 2630. Л. 87; Д. 2631. Л. 16.

Л. 4-4 об.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2627. Л. 51.

² Там же. Д. 2633. Л. 87.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 98. Д. 2. Л. 53-53 об.; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2646. Л. 22.

⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2645. Л. 60.

Летом 1922 г. отрицательным оставалось отношение к нэпу как у коммунистов, так и у беспартийных крестьян Татреспублики¹. Осенью 1923 г. подобные настроения сохранялись в Новониколаевской губернии и среди крестьян Алтая². (Но к началу 1923 г. среди крестьян-коммунистов наблюдалось стремление к частному предпринимательству³, что можно расценивать как интерес к тем возможностям, который предоставлял нэп.)

Представляет интерес «Обзор политико-экономического состояния РСФСР по данным государственного политического управления за май и июнь 1922 г.», который, правда, во многом отличался от той ситуации, что складывалась, согласно сообщениям с мест, в провинциальных уездах в это время.

Относительно политических настроений в крестьянстве в обзоре указывалось, что конец весны – начало лета 1922 г. можно считать «переломным» в настроениях крестьянства. «Перелом» этот определялся несколькими моментами.

Во-первых, правильным подходом к хозяйственным взаимоотношениям между городом и деревней и оптимально-взвешенным подходом властей к проблеме налогов с деревни, учитывая достаточно большой урожай зерновых.

Во-вторых, важным фактором, предопределившим спад социальной напряжённости в российской деревне, считалась «выявившаяся остановка роста цен» (при этом, правда, не упоминалась разница в материальном положении и покупательной способности той или иной крестьянской семьи)⁴.

В-третьих, крестьянство, «утомлённое революциями и войнами» смогло получить возможность обратить своё внимание на собственное хозяйство, учитывая, в первую очередь, легализацию таких экономических институтов, как аренда

земли, наём рабочей силы, да и всей системы товарно-денежных отношений.

В-четвёртых, считалось (по мнению авторов обзора), что голод к лету 1922 г. «сломлен».

В обзоре отмечалось, что одной из причин, вызывавших волнения в крестьянской среде в начале 1920-х гг., стало проведение во время посевной страды трудгужповинности (добавим к страде ещё и тот факт, что количество лошадей в крестьянских районах сократилось с 1914 г. с 90% до 25%)⁵. Среди иных причин недовольства в обзоре указывались денежные налоги и поборы, а также налог на масло и яйца. Отрицательную роль сыграл и общегосударственный налог в пользу голодающих, т. к. его собирали с крестьян, обнищавших за прошедшие 5–8 лет⁶.

Но в обзоре не говорилось ни слова о произволе власти на местах, о ставке власти исключительно на силу при решении социальных конфликтов, о том, что новую экономическую политику не везде и не все приняли однозначно одобрительно, считая её (даже в коммунистической среде) отступлением от марксистских принципов. Далеко не всё в обзоре соответствовало истине, далеко не все причины крестьянского недовольства были отмечены или объяснены.

Анализируя имеющийся в нашем распоряжении документальный материал, констатируем, что причины протестных настроений в крестьянской среде можно разбить на несколько блоков.

Экономические. Продовольственный налог в первый год нэпа был больше, чем продразвёрстка времён военного коммунизма. Крестьянство оставалось в недоумении: власть декларирует смену социально-экономических отношений между городом и деревней, а на деле всё усложняется и деревня вновь оказывается «в проигрыше».

Социальные. Безразличное отношение властей к крестьянскому хозяйству, ко-

¹ Там же. Д. 2635. Л. 17 об.

² Там же. Д. 2643. Л. 36; Д. 2644. Л. 11; 2648. Л. 80.

³ Там же. Д. 2651. Л. 46.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 55-56 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 760. Л. 8 об.

⁶ РГАСПИ. Ф.5. Оп. 1. Д. 2659. Л. 38-39.

торое не изменилось со времён военного коммунизма, к крестьянским запросам и проблемам. Соответствующим был и отклик на подобное отношение крестьянства.

Отношение власти к религии и к традиционным семейным ценностям. Гражданская война расколола крестьянскую семью, и даже во времена нэпа раскол только увеличился. Кстати, в упомянутом выше обзоре говорится, что крестьянство равнодушно реагировало на изъятия ценностей из церквей, т. к. согласно основным целям этой кампании, всё изъятное должно было идти на помощь голодающим. Это не так, отмечались многочисленные случаи, когда крестьянство той или иной деревни, той или иной волости выступало в защиту своих местных церквей и своих местных священнослужителей. И дело не ограничивалось только увещеваниями со стороны властей, были и открытые вооружённые стычки. Справедливости ради надо сказать, что отмечались случаи, когда крестьяне сами изымали церковную утварь, а сопротивляющихся церковных служителей подвергали насилию, не останавливаясь и перед убийством.

Борьба с голодом. Власть, по мнению крестьян, не оказывала достаточной помощи голодающим. Действенную помощь в большей степени (и власти это сами признавали) оказывали международные организации.

Конечно, начало 1920-х гг. не было отмечено такими всплесками крестьянского недовольства, какое наблюдалось в первые послереволюционные годы, но протестное настроение не исчезло. Оно проявлялось повсеместно, и зачастую в очень острых формах. Да, властям удавалось сбить накал протеста (применялись все доступные методы – и экономические, и социальные, и силовые), но высту-

пления крестьянства в условиях «поиска гражданского мира» свидетельствовали о явном невнимании и недоучёте причин, вызывавших недовольства.

Свою роль в изменениях (исключительно количественных) недовольства крестьян сыграла и возможность заняться собственным хозяйством, и возможность привлекать недостающую в хозяйстве землю (за счёт аренды) и рабочую силу (за счёт найма), возможность расширять своё хозяйство за счёт иных промыслов, наращивать достаток благодаря легализации товарно-денежных отношений – всё это (и многое другое) успокаивало страсти в деревне.

Выстраивание взаимоотношений с государством продолжалось до 1926–1927 гг., но в крестьянской среде протестные настроения никогда не утихали полностью, поскольку деревня всегда оставалась антиподом городу, а крестьянство – пролетариату. И особенно ярко это проявлялось во времена социальной нестабильности и общественно-политических кризисов.

Мира между крестьянством и властью, деревней и городом в годы новой экономической политики не получилось, можно говорить лишь о кратковременном перемирии (но и к нему шли, не считаясь с жертвами): власть шла на определённые уступки, и крестьянство шло на подобного рода уступки, но не более того. Уже во второй половине 1920-х гг. можно говорить о новом нарастании противоречий, связанных с ограничениями нэпа, со ставкой большевистского руководства на иные ценности, на иные социально-экономические институты, на иных лидеров хозяйственного блока, на (несколько обновлённую) военно-коммунистическую идеологию.

Статья поступила в редакцию 25.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социально-культурные изменения). Брянск: БГИТА, 2004. 330 с.
2. Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932. М.: РОССПЭН, 2010. 344 с.
3. Митрохин А. В. Крестьянство и сельские коммунисты в Рязанской губернии в годы НЭПа // Ключевские чтения – 2008: отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 2008. С. 440–444.
4. Хришкевич В. Т. Отношение крестьянства Псковской губернии к советской власти (по материалам секретных сводок ОГПУ 1920-х гг.) // Земля Псковская, древняя и современная. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1999. С. 177–183.

REFERENCES

1. Kulachkov V. V. *Krestyanstvo Sapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. (sozialno-kulturnye ismeneniya)*. [The Peasantry of the Western region of Russia in the 1920s (socio-cultural changes)]. Bryansk, Bryansk State Engineering and Technological University Publ., 2004. 330 p.
2. Livshin A. Ya. *Nastroeniya i politicheskie emozii v Sovetskoi Rossii. 1917–1932*. [Moods and political emotions in Soviet Russia. 1917–1932]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 344 p.
3. Mitrokhin A. V. [The peasantry and rural Communists in the Ryazan province in the years of the NEP]. In: *Klyuchevskie chteniya – 2008: otechestvennaya istoriya i kultura: edinoe prostranstvo v past, present and future* [Klyuchevsky readings – 2008: Russian history and culture: a common space in the past, present and future]. Moscow, Publishing house of the Moscow State Pedagogical University, 2008, pp. 440–444.
4. Hrishkevich V. T. [The attitude of the peasantry of the Pskov province to the Soviet government (based on secret reports of the OGPU of the 1920s)]. In: *Semlya Pskovskaya, drevnyaya i sovremennaya* [Pskov land, ancient and modern]. Pskov, Pskov State United Historical, Architectural and Art Museum-Reserve Publ., 1999, pp. 177–183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН;
e-mail: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim L. Telitsyn – Dr. Sci. (History), Prof., Leading Researcher, Scientific center «XX century: socio-political and economic problems», Institute of World history of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Телицын В. Л. Политические настроения крестьянства в первые годы новой экономической политики: гражданский мир или новый виток противостояния с властью? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 23–32. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-23-32

FOR CITATION

Telitsyn V. L. The political mood of the peasantry in the first years of the New Economic Policy: civil peace or a new round of confrontation with the authorities? In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences*, 2021, no. 2, pp. 23–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-23-32

УДК 314.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-33-43

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ В ГОДЫ НЭПА: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Араловец Н. А.*Институт российской истории РАН**117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение новых взглядов на брачно-семейные ценности и их влияние на добрачное и брачное поведение населения, внутрисемейные отношения и демографические параметры семьи.

Процедура и методы. На основе законодательных и нормативно-правовых, статистических и социологических источников рассмотрена трансформация в РСФСР традиционных взглядов на возраст вступления в брак, его мотивацию, характер взаимоотношений между мужем и женой, родителями и детьми, старшими и младшими детьми. Проанализированы возникшие противоречия между новыми и традиционными семейными ценностями, кризисные явления в традиционных брачно-семейных отношениях, особенности демографического развития семьи. В исследовании использовались историко-сравнительный, историко-хронологический, демографический, статистический методы.

Результаты. Показано распространение в РСФСР новых взглядов на брачно-семейные отношения, что способствовало изменению брачного, семейного и демографического поведения населения, распространению простых семей, сокращению величины и детности семьи. Рассмотрены особенности взглядов населения на ценности здоровья и их влияние на демографическое развитие семьи. Отмечено, что в 1920-е гг. семья, несмотря на заметные изменения, оставалась преимущественно традиционной. Исследование показало соответствие изменений в формировании и развитии российской семьи демографическому переходу с характерным для этого периода снижением показателей рождаемости и смертности населения. Отмечено, что в 1920-е гг. в РСФСР, несмотря на снижение рождаемости и смертности, их показатели оставались высокими, что отвечало характеру традиционного типа воспроизводства населения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование расширяет изучение демографического перехода, показывает особенности его развития в годы нэпа.

Ключевые слова: ценности, брак, семья, демографические параметры, внутрисемейные отношения

TRADITIONAL FAMILY IN THE YEARS OF THE NEP: FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES

N. Aralovets*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences**19 ul. Dmitry Ulyanov, Moscow 117292, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study new views on marriage and family values and their impact on the premarital and marital behavior of the population, intra-family relations and demographic parameters of the family during the New Economic Policy (NEP).

Methodology. Using legislative and normative-legal, statistical and sociological sources, the research analyzes the transformation in the RSFSR of traditional views on the age of marriage, its motivation, the nature of the relationship between husband and wife, parents and children, older and younger children in the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR). Particular attention is paid to the contradictions between the new and traditional family values, the crisis phenomena in the traditional marriage and family relations, the peculiarities of the demographic development of the family. The research was conducted using historical-comparative, historical-chronological, demographic and statistical methods.

Results. The spread of new views on marriage and family relations in the RSFSR contributed to a change in the marital, family and demographic behavior of the population, the spread of simple families and a reduction in the size and number of children of the family. The features of the population's views on the values of health and their impact on the demographic development of the family are considered. Despite the significant changes in the 1920s, the Russian family remained mainly traditional. The changes in the formation and development of the Russian family corresponded to the demographic transition with the decline in the birth rate and mortality rates characteristic of this period. Nevertheless, these indicators still remained high, which reflected the nature of the traditional type of population reproduction.

Research implications. The study expands the study of the demographic transition, and shows the features of its development in the years of the NEP.

Keywords: values, marriage, family, demographic parameters, intra-family relations

Введение

Интерес к изучению древнейшего института – семьи – отмечался у исследователей разных специализаций: этнографов, психологов, социологов, демографов, историков, философов и др. Их исследования дали возможность выявить основные закономерности развития семьи, особенно нужные для научной разработки и проведения демографической и семейной политики. Важность этой политики заметно усиливается в условиях кризисных явлений в обществе.

Выявление закономерностей развития семьи невозможно без демографического осмысления их особенностей в разные исторические периоды. Представляется важным изучение российской семьи в 1920-е гг. Тяжелейшие экономические, социальные, демографические последствия Первой мировой и Гражданской войн, потери мужского населения, с одной стороны, переход к нэпу и оживление деятельности буржуазии и мелких собственников, изменение законодательной основы семьи – с другой, оказали заметное влияние на трансформацию традиционных семейных ценностей и

брачно-семейных отношений в целом. Проблема ценностных семейных установок населения и их влияние на брачно-семейные отношения изучена недостаточно. Эти проблемы были поставлены и рассмотрены преимущественно в современной отечественной историографии [1; 5; 9; 12]. Однако влияние изменений традиционных семейных ценностей на демографическое развитие семьи освещалось мало. В статье на основе законодательных и нормативно-правовых, статистических и социологических источников рассматриваются особенности новых семейных ценностей, их влияние на возраст и мотивы вступления в брак, продолжительность брачной жизни, внутрисемейные отношения, демографическое развитие семьи.

Поставленная в статье проблема основывается на концепции демографического перехода, объяснявшая процесс смены типов воспроизводства населения¹.

¹ В 1909–1934 гг. была впервые разработана французским демографом А. Ландри и введена в научный оборот под термином «демографическая революция». В 1945 г. американский исследователь Ф. Ноутстайн, изучая это явление, ввёл термин «демографический переход». См.: Народонасе-

В изучении влияния новых семейных ценностей на брачное, семейное и демографическое поведение населения использовались историко-сравнительный, историко-хронологический, демографический, статистический методы исследования.

Изменение традиционных семейных ценностей

В конце XIX – начале XX вв. в России отмечались изменения традиционной семьи. Эти явления были особенно характерны для крупных промышленных городов. Первая Мировая и Гражданская войны способствовали дальнейшим изменениям брачно-семейных отношений. Огромное влияние на семью оказала Октябрьская революция 1917 г.

Отмена частной, особенно крупной собственности, её национализация, ликвидация эксплуататорских классов, численное сокращение буржуазии города и деревни в годы Гражданской войны имели существенные последствия для брака и семьи.

Революция устранила, прежде всего, прежнюю законодательную основу брачно-семейных отношений. В октябре 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачности, семейном и опекунском праве РСФСР. По принятому Кодексу юридическую силу в РСФСР имел исключительно гражданский брак, а не церковный, как было ранее. Однако церковные браки, заключённые до 20 декабря 1917 г. с соблюдением всех действовавших в дореволюционной России гражданских законов, сохраняли силу зарегистрированных. Женщины получали юридическую свободу, они имели право распоряжаться собственностью, самостоятельно принимать решения, в т. ч. о вступлении в брак и о его расторжении и т. д. Кодекс зафиксировал равноправное положение супругов в обществе и семье. Расторжение брака, максималь-

но усложнённое по российскому дореволюционному законодательству, существенно упрощалось. Вступление в брак имело добровольный характер. В Кодексе признавалось единобрачие. Брачные и внебрачные дети уравнивались в правах. В то же время, как и до революционных событий, вступление в брак разрешалось мужчинам с 18 лет, женщинам – с 16 лет¹. Таким образом, в революционной России законодательно устранялись практически все существовавшие ранее в семейном законодательстве социальные и сословные, национальные и религиозные запреты. Их устранение изменяло традиционные представления о ценностях брака, семьи, детей, взаимоотношений супругов, родителей и детей и т. д.

В годы нэпа оживление буржуазии, мелких собственников сохраняло социальную основу традиционной семьи и традиционных семейных установок. В то же время в новых социально-политических условиях развивались иные ценности брака и семьи.

В 1920-е гг. в РСФСР наиболее широкое распространение получили взгляды А. М. Коллонтай о брачно-семейных отношениях. Она считала, что брак – это союз, прежде всего, равноправных и свободных мужчин и женщин. Отношения в таком союзе основаны на взаимных чувствах, на духовной и физической близости, уважении прав друг друга и поддержки, а также общности интересов. Именно такие отношения признавались нравственными. А. М. Коллонтай критиковала устаревший и нуждавшийся, по её мнению, в пересмотре накопленный моральный багаж женщин. Тем более, что в российском обществе вступление в брак обычно рассматривалось расчётливо, как на возможность реализовать экономические, материальные, карьерные и другие интересы, главным образом, родителей и родственников. Чувства вступающих в брак, их желания редко принимались во

ние: энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 108–109.

¹ Советское узаконение (СУ). 1917. Ст. 152, 160; 1918. С. 818.

внимание. Чувственный элемент в супружестве имел второстепенное значение и определялся деторождением.

Важно отметить, что А. М. Коллонтай поддерживала моногамный брак, но подчёркивала неизбежность его расторжения, развода. Вместе с тем отрицала возможность социального вмешательства в брак или социального контроля над брачным союзом [3, с. 1–38].

В 1920-е гг. в РСФСР были популярны взгляды, отрицавшие возможность социального контроля над браком. 15 ноября 1925 г. в Политехническом музее обсуждался проект брачного законодательства о возможности признания государством фактического брака, не зарегистрированного в органах ЗАГС (государственный орган записи актов гражданского состояния: рождения, смерти, брака, развода). В ходе его обсуждения отрицание возможности социального контроля над браком активно высказывалось и имело поддержку. Так, Н. В. Крыленко считал необходимым устранение вмешательства никем не уполномоченных лиц в брачные отношения. Кроме того, многие юристы и правоведа, участвовавшие в дискуссии, рассматривали регистрацию брака как пережиток буржуазных отношений, как временное явление, которое со временем исчезнет. Всё это способствовало принятию нового брачного законодательства. В 1926 г. новый Кодекс о браке, семье и опеке был утверждён ВЦИК, с 1 января 1927 г. – введён в действие. В Кодексе, основанном на ранее выработанных принципах добровольности, равноправия супругов, единобрачия, признавалась юридическая сила за не зарегистрированными в органах ЗАГС брачными союзами, т. е. за фактическими браками. По принятому положению лица, состоявшие в незарегистрированном, фактическом браке, имели такие же права на имущество, выплату алиментов на ребёнка, получение материального содержания в случае нетрудоспособности по состоянию здоровья, безработицы, беремен-

ности и послеродового периода, как и в зарегистрированном браке¹.

Принятый Кодекс оказал заметное влияние на разрушение традиционной российской семьи. Признание юридической силы за незарегистрированными в органах ЗАГС браками способствовало распространению фактических брачно-семейных отношений, особенно среди молодёжи, неполных семей, состоявших в большинстве случаев из матери и её ребёнка (или детей), усилению нестабильности зарегистрированного и фактического браков, снижению ответственности за принимаемые решения и поступки. Кроме того, ощущалась нехватка информации о численности браков, брачном состоянии вступавших в брак и их возрасте, продолжительности брачной жизни, мотивах брака и развода, распространении повторных брачных союзов и т. д.

В 1920-е гг. высказывались взгляды на брак и семью, не совпадавшие с традиционными этическими нормами. Их изучение показало, что отдельные деятели партии выступали за «многожёнство» и «многомужество» [6, с. 271].

В эти годы были сформулированы основные принципы новой пролетарской этики – коллективизм, организация, активизм, диалектический материализм. Врач-психиатр А. Б. Залкинд пришёл к выводу о доминировании в жизни мужчин и женщин общественных интересов, повышавших производственное творчество, чувства коллективизма и т. д. Он считал, что и сексуальные, брачные отношения мужчины и женщины прежде всего должны определяться классовыми интересами пролетариата. Наряду с этим А. Б. Залкинд не рассматривал биологические основы жизни человека, не учитывал его морально-психологические потребности [4, с. 133–134].

Однако в российском обществе активно распространялись взгляды о преобладании в жизни человека интересов коллектива, общества. Эти взгляды, от-

¹ Собрание кодексов РСФСР. М., 1927. Ст. 3, 11, 15.

крывавшие пред рабочим человеком новые возможности, иные соотношения между коллективом и его членами, обществом и человеком, были близки многим деятелям партии и государства. Однако их преобладание в обществе заметно усиливало общественный контроль за жизнью человека, способствовало возрастанию противоречий между общественными и личными, а также семейными интересами. К тому же в условиях сохранения в обществе традиционных ценностей семьи упор на общественные интересы часто приводил к семейным конфликтам, неустойчивости брачно-семейных отношений и личным драмам.

Отстранение церкви от государства и государства от церкви, активная атеистическая пропаганда среди населения способствовали переосмыслению религиозных традиций при заключении брака. Такое переосмысление наиболее ярко проявлялось у молодёжи. Юноши и девушки, вступавшие брак, руководствовались возникшими чувствами и часто пренебрегали религиозными традициями и предписанными правилами поведения. Молодёжь вступала в брак во время постов, что церковь категорически запрещала. Из данных текущей статистики ЗАГСов видна более равномерная помесечная регистрация браков. Коэффициент изменчивости брачной регистрации достигал в 1911–1913 гг. в Петербурге 59,6%, в 1929 г. в Ленинграде – 7,5%. Тем не менее такое явление было больше распространено в крупных городах, чем в провинциальных и, особенно, в сельской местности [10, с. 350–351].

В 1920-е гг. российское общество постепенно переходит от обсуждений разных точек зрения на брачно-семейные ценности к формированию общих взглядов на брачные отношения как на свободные, независимые от социального положения людей, вступавших в брак, а также их национальной и религиозной принадлежности, равноправные, связанные взаимными чувствами и не подде-

жавшие социальному и государственному контролю. Широкое распространение получили взгляды о примате общественных интересов над личными. Важно отметить, что в эти годы традиционные ценности брачно-семейных отношений, особенно в сельской местности сохранялись и продолжали играть значительную роль. Сочетание новых и традиционных ценностей отражалось при вступлении в брак и создании семьи.

В новых экономических, социальных, политических условиях 1920-х гг. многие юноши и девушки стремились учиться, проявить себя в труде, общественной жизни. Данные явления обусловили сокращение числа ранних браков и повышение возраста вступления в брак. Однако увеличение возраста вступления в брак проявлялось у мужчин заметнее, чем у женщин, прежде всего в городах. В 1920-е гг. в российских городах мужчины наиболее активно вступали в брак в возрастных группах от 25 лет до 44 лет, женщины – от 20 лет до 24 лет. Мужчин, вступивших в брак в возрасте 25–44 года, было 50% и выше, женщин – 20–24 года – 42–46%¹. Следует также отметить, что в эти годы в сельской местности чаще, чем в городах, вступали в ранние браки, особенно женщины.

Учёба, работа, общественная жизнь заметно увеличивали контакты молодёжи, что способствовало, в т. ч. вступлению в брак. В 1920-е гг. изменялась мотивация брачного выбора и вступления в брак. Данные исследования городской молодёжи показали преобладание морально-психологических мотивов брачного выбора. Большинство юношей и девушек связывали вступление в брак с взаимными чувствами, а не с расчётом, особенно экономическим. Тем не менее браки по расчёту сохранялись. Доминирование в обществе коллективных ценностей способствовало отказу некоторых юношей и девушек от вступления в брак и

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.; Л.: ЦСУ СССР, 1931. Т. 51. С. 2–3.

создания семьи. Это явление проявлялось в распространении в молодёжной среде добрачных сексуальных связей, снижению уровня брачности, изменению традиционного репродуктивного поведения.

В РСФСР в новых условиях были расширены демографические, социальные, национальные рамки брачного выбора. Холостые мужчины могли вступать в брак не только с девицами, как было принято ранее, но и с вдовами, и с разведёнными женщинами. Это явление также было обусловлено численным сокращением мужчин и увеличением женщин в составе населения РСФСР в результате Первой мировой и Гражданской войн. Заметную роль играло и облегчение процедуры бракоразводного процесса. Однако в эти годы сохранялось традиционное заключение браков в рамках одной или близкой группе брачного состояния: холостые вступали в брак с девицами, вдовцы с вдовами, разведённые мужчины с разведёнными женщинами. Важно также отметить, что численное повышение в РСФСР овдовевших и разведённых, главным образом женщин, заметно нарушало прежнюю всеобщность брака с низким числом не состоявших в браке мужчин и женщин.

В 1920-е гг. в РСФСР, несмотря на расширение социальных границ брачного выбора, вступавшие в брак мужчины и женщины тяготели к его заключению в одной социальной группе. Социально смешанные брачные союзы фиксировались между рабочими и служащими, но не имели в целом заметного распространения. Этому явлению также способствовало оживление нэпманской буржуазии [1, с. 176–179, 189; 10, с. 351].

В эти годы, прежде всего в крупных городах РСФСР, распространялись межэтнические браки. Такие брачные союзы в основном отмечались у черемисов, латышей, поляков, белорусов. Тем не менее сохранение в российском обществе низкого уровня образования и культуры, многочисленных предрассудков, обосо-

бленность проживания многих этносов способствовали доминированию однонациональных браков. В 1925 г. в европейской части РСФСР их было у калмыков – 98,5%, башкир – 97,9%, татар – 97,9%, марийцев – 97,5% и т. д.¹. Это явление оставалось характерным также для Украины, Белоруссии, Армении и других советских республик.

Таким образом, в 1920-е гг. демографические, социальные, национальные рамки брачного выбора населения расширялись. В то же время доминировали брачные союзы, заключаемые в рамках одного или близкого брачного состояния, социального положения, этноса. Эти явления оказывали влияние на демографические параметры семьи: тип, величину, детность.

Демографическое развитие семьи

В 1920-е гг. в РСФСР отмечалось сокращение числа больших патриархальных семей и увеличение простых. Одним из факторов их увеличения было дробление больших патриархальных семей и выделение из их состава простых. Это явление было характерно и для городских, и для сельских семей. Однако в городах РСФСР распространение простых семей происходило быстрее, чем в сельской местности. В российских городах доминировали простые полные семьи, состоявшие из супружеской пары без детей или из супружеской пары с детьми. В 1926 г. простые семьи составляли в городах РСФСР 75,3% (от всех типов семей), в Москве – 73,9%, в Ленинграде – 74,1%. Значительные потери мужчин в условиях Первой Мировой и Гражданской войн, упрощение процедуры разводов повлияли на численное увеличение неполных семей (семьи с детьми без брачной пары главы семьи) с женщинами во главе соответственно – 11,7%, 11,2, 12,0%. В большинстве случаев это были семьи вдовых и разведённых женщин. Влияние войн

¹ Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1929. С. XLIX.

и социальных катаклизмов сказались на распространении семей, во главе которых вместо умерших или погибших родителей стоял один из детей (семьи без брачной пары и без детей главы семьи) – 11,6%, 13,9%, 13,2%. Большие патриархальные семьи были малочисленны – 1,3%, 0,7%, 0,5%. В сельской местности также отмечалось сокращение числа больших патриархальных семей.

В 1920-е гг. величина простых семей сокращалась. В российских городах простая семья в среднем состояла из 3–4 человек (в конце XIX в. – начале XX в. простые семьи состояли из 5–6 человек), сложная – из 6–7 человек. Следует отметить, что сложные семьи, состоявшие из 8 человек, наиболее часто встречались у буржуазии. В 1928 г. крестьянские семьи в среднем имели 5–6 человек (в конце XIX в. – 6–7 человек).

Сокращение величины семьи также объяснялось демографическими факторами. В 1920-е гг., как отмечалось, значительное влияние на брачно-семейные отношения оказывало распространение разводов. Рост их числа сокращал продолжительность брачной жизни, особенно у женщин. Важно отметить, что в 1920-е гг. в отличие от конца XIX в. – начала XX в. разводимость населения намного сильнее смертности сказывалась на типе и величине семьи. В эти годы в РСФСР показатели нестабильности брака были высокими. В 1925 г. – на 1000 браков (41 губерния) было 132 зарегистрированных развода. Кроме того, неустойчивость браков заметно сильнее проявлялась в городах, чем в сельской местности¹.

Значительное влияние на тип и величину семьи оказывала смертность населения. В 1920-е гг. в РСФСР улучшились жилищные и санитарно-гигиенические условия жизни, а также медицинское обслуживание населения, качество питания, особенно по сравнению с военными

годами. Эти изменения способствовали снижению уровня смертности населения. В РСФСР – на 1000 человек населения умерло в 1924 г. – 24,2, в 1926 г. – 21,5. Улучшение медицинской помощи населению, особое внимание к состоянию здоровья женщин и детей повышало в обществе ценности здоровья. Это явление способствовало снижению показателей заболеваемости и смертности населения, что сказывалось на демографических параметрах семьи.

Тем не менее смертность населения сохраняла высокие показатели. Следует отметить, что в эти годы в Германии уровень смертности составлял соответственно – 12,4 и 11,7, во Франции – 17,0 и 17,5.

Понижение уровня смертности населения повышало продолжительность жизни населения, особенно в городах. В 1926–1927 гг. в городах европейской части РСФСР (36 городов) и Белоруссии мужчины в среднем жили 41 год, женщины – 49 лет (в 1896–1897 гг. соответственно – 28 лет и 32 года)².

Увеличение продолжительности жизни мужчин и женщин удлиняло и продолжительность их жизни в браке. Однако продолжительность жизни женщин была выше, чем мужчин. К тому же, в условиях послевоенной диспропорции полов, численного уменьшения мужчин и увеличения женщин в возрастно-половом составе населения, повышалось число вдов, разведённых и одиноких женщин, а также неполных семей во главе с женщинами. Всё это способствовало тому, что жизнь в браке у мужчин в целом была продолжительнее, чем у женщин.

В РСФСР сокращение величины семей было также обусловлено уменьшением числа детей в семьях. В 1920-е гг. в семьях самое большое число детей (в среднем – 3 детей) было в городах и го-

¹ Статистическое обозрение. 1929. № 3. С. 104; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М.: ЦСУ РСФСР, 1928. С. 111–112.

² Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. XXXI; Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926–1927: табл. смертности. М.; Л.: Планхозгиз, 1930. С. XII–XIII, XL, 31.

родских посёлках в случае совместного проживания супругов 21–23 года. В Москве и Ленинграде семьи в среднем имели 2 детей¹. В сельских семьях также видно уменьшение числа детей. Однако в городских семьях число детей было в среднем меньше, чем в сельских [7, с. 15–17; 8, с. 180; 11, с. 128–132].

Сокращение числа детей в семьях определялось разнообразными факторами. Нестабильность брачно-семейных отношений, широкое распространение разводов, вовлечение женщин в трудовую и общественную жизнь, запрещение использования детского труда изменяли репродуктивные ценности и репродуктивное поведение населения, что ослабляло ранее выработанные в российском обществе нормы многодетности. Заметное влияние на изменение репродуктивного поведения оказала легализация аборт². 18 ноября 1920 г. Наркомздрав и Наркомюст приняли специальное постановление «Об охране здоровья женщин» о снятии наказания за производство аборт³. В РСФСР аборты получили широкое распространение преимущественно у женщин наиболее репродуктивных возрастов – 20–29 лет. Из данных статистики видно значительное число аборт⁴ в городах. В 1926 г. аборты в общей численности живорождённых составляли в Москве – 46,4%, в Ленинграде – 42,4%, в губернских городах – 32,0, в сельской местности – 2,1%⁵. В эти годы распространение аборт⁶ свидетельствовало о трансформации традиционных брачно-семейных и репродуктивных ценностей.

Трансформация репродуктивного поведения обусловила сокращение уровня рождаемости населения по преимуществу в городах. В 1926 г. на 1000 насе-

ния родилось: в городах – 34,6, в сельской местности – 46,4, в РСФСР – 44,3. Вместе с тем в РСФСР в условиях сохранения и морально-психологической ценности деторождения, и хозяйственно-экономической, в призма взгляда на детей как на помощников семьи, уровень рождаемости населения был традиционно высоким⁴.

К тому же в РСФСР показатели младенческой смертности (до 1 года) оставались высокими. Однако принимаемые советским государством меры охраны здоровья детей обусловили снижение уровня младенческой смертности [2, с. 50–58]. К середине 1920-х гг. это явление было зафиксировано в данных статистики. На 100 родившихся умерло в 1924 г. (47 губерний, области, автономные республики) в РСФСР – 22,3, в 1926 г. (43 губернии, области, автономные республики) – 18,7; в городах – 17,9 и 17,2, в сельской местности – 22,9 и 19,0⁵. Тем не менее уровень младенческой смертности оставался значительным. Изменение репродуктивного поведения населения, при сохранении традиционного типа рождаемости и высоких показателях младенческой смертности, несмотря их снижение, сказывались на уменьшении числа детей в семье.

Трансформация внутрисемейных отношений

Изменение семейных ценностей сказывалось на внутрисемейных отношениях. В 1920-е гг. семья оставалась в целом традиционной, авторитарно-патриархальной, с характерным непререкаемым авторитетом, в большинстве случаев, отцов, строгим подчинением всех её членов главе-мужчине, жены – мужу, детей – родителям, младших детей – старшим и т. д., обязательным исполнением воли роди-

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.; Л.: ЦСУ СССР, 1931–1933. Т. 56, вып. 1–3. С. 9–13, вып. 2. С. 9–13, вып. 3. С. 9–13 (подсчёты автора).

² СУ РСФСР. 1920 Ст. 471

³ Аборты в 1925 году. М.: ЦСУ СССР, 1927. С. 40; Аборты в 1926 году. М.: ЦСУ СССР, 1929. С. 8; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928. С. XIX, XXVI–XXVII.

⁴ Имеется в виду сохранение в эти годы в обществе ценности деторождения как фактора сохранения традиционно высокого уровня рождаемости.

⁵ Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 21–22, XIX, XXIII, XXXIII; Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. М.: ЦСУ СССР, 1928. С. XXXII.

телей. В условиях нэпа в городах такие отношения проявлялись в предпринимательских семьях (хозяева с наёмными рабочими, хозяева, работавшие только с членами семьи или товарищества, рантье, а также мелкой буржуазии (хозяева-одиночки, помогавшие члены семьи). Однако наиболее ярко авторитарно-патриархальные отношения были характерны для крестьянских семей и, особенно, сельской буржуазии. В семьях рабочих и служащих отношения складывались демократичнее, чем в семьях буржуазии.

Вместе с тем в эти годы наряду с авторитарно-патриархальными отношениями в семье формировались новые правила поведения её членов. Это явление было обусловлено изменениями взглядов населения на традиционные семейные ценности, на роль женщины в семье и обществе, на отношение к личности, в т. ч. к ребёнку. В семьях преимущественно молодых супругов возрастала потребность в психологической близости, в уважительном отношении к взглядам, интересам, решениям друг друга. Распространение в российском обществе коллективистских ценностей, признание юридического равноправия женщин, вовлечение их в трудовую и общественную жизнь увеличивали внесемейные установки и интересы практически всех членов семьи. В то же время доминирование коллективистских установок ослабляло семейные ценности материнства, воспитания детей, семейных забот в целом. Всё это способствовало изменению традиционных внутрисемейных отношений.

Наряду с этим в 1920-е гг. в РСФСР сохранялись традиционное отношение к женщине как к хозяйке дома и воспитательнице детей. К тому же, замужние женщины обычно не работали, а вели дом, занимались детьми. Вовлечение женщин в производственную и общественную жизнь увеличивало нагрузки и заметно усложняло их семейные обязанности. Мужчины в большинстве случаев оставались главами семей. Авторитар-

ные начала проявлялись и в отношениях между родителями и детьми. Отношения между мужьями и жёнами, родителями и детьми сохраняли авторитарные проявления.

Существование в семье и традиционных, и новых ценностей порождало новые противоречия и конфликты: между юридическим и фактическим равенством мужчин и женщин, между традиционными и новыми общественными и семейными обязанностями, между общественными и личными интересами членов семьи и др. Возникшие противоречия заметно усиливали внутреннюю нестабильность брачно-семейных отношений и часто были причиной их распада. Эти явления свидетельствовали о дестабилизации традиционной семьи.

Заключение

Изменение в 1920-е гг. в РСФСР традиционных семейных ценностей, распространение новых семейных установок оказали значительное влияние на возраст, мотивацию вступления в брак и создания семьи, внутрисемейные отношения, их стабильность, репродуктивные установки. Новые семейные ценности трансформировали традиционные брачно-семейные отношения. Однако в эти годы существование в обществе и семье как традиционных, так и новых семейных установок, их столкновение порождало острые противоречия и конфликты, сказывалось на стабильности брака и семьи. Столкновение старых и новых семейных ценностей порождало кризис традиционной семьи.

В РСФСР борьба с высокой заболеваемостью и смертностью, охрана здоровья населения, особое внимание к здоровью женщин и детей повышали ценности здоровья и способствовали изменению показателей рождаемости и смертности, в т. ч. младенческой, продолжительности жизни населения, что привело к изменению типа величины, детности и демографического развития семьи в целом.

Отмечавшиеся в эти годы изменения в формировании и развитии российской семьи соответствовали демографическому переходу, выражавшемуся в снижении уровня рождаемости и смертности населения. Вместе с тем в российском обществе сохранялись традиционные ценности брака и семьи. Российская семья оставалась в целом традиционной

с отсутствием фактического равенства женщин и мужчин, авторитарными внутрисемейными отношениями. В РСФСР показатели рождаемости и смертности, несмотря на их снижение, оставались высокими, что соответствовало традиционному типу воспроизводства населения.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Араловец Н. А. Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 270 с.
2. Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 223 с.
3. Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК Советов Р, К и К. Депутатов, 1919. 61 с.
4. Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на берёзке. М.: ОГИ, 1997. 464 с.
5. Кропачев С. А. Проблемы демографического развития российских этносов в 1920-е годы // Русская старина. 2020. № 11 (1). С. 59–70.
6. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы. СПб.: Нева : Летний Сад, 1999. 316 с.
7. Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1990. 100 с.
8. Население России в XX веке: ист. очерки : в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.
9. Никулин В. В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. Вып. 7-8. С. 159–160.
10. Паевский В. В. Вопросы демографии и медицинской статистики: избранные произведения. М.: Статистика, 1970. 467 с.
11. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964. 325 с.
12. Циткилов П. Я. Процессы институциональной стабилизации семьи в Советской России в 1920-е гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 1. С. 73–83.

REFERENCES

1. Aralova N. A. *Gorodskaya sem'ya v Rossii, 1897–1926 gg.: istoriko-demograficheskii aspekt* [Urban family in Russia, 1897–1926: historical and demographic aspects]. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2019. 270 p.
2. Zhiromskaya V. B., Aralova N. A. *Rossiiskie deti v kontse XIX – nachale XXI v.: istoriko-demograficheskie ocherki* [Russian children in the late XIX–beginning of the XXI century: historical and demographic essays]. Moscow, St. Petersburg, Center for humanitarian initiatives, 2018. 223 p.
3. Kollontai A. M. *Novaya moral' i rabochii klass* [New morality and the working class]. Moscow, 1919. 61 p.
4. Kon I. S. *Seksual'naya kul'tura v Rossii: klubnichka na berezke* [Sexual culture in Russia: strawberry on the birch tree]. Moscow, 1997. 464 p.
5. Kropachev S. A. [Problems of demographic development of Russian ethnic groups in the 1920s]. In: *Russkaya starina*, 2020, no. 11 (1), pp. 59–70.
6. Leбина N. B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920–1930 gody* [Daily life of the Soviet city: norms and anomalies, 1920–1930]. St. Petersburg, Neva, Summer Garden Publ., 1999. 316 p.
7. Mokerov I. P., Kuzmin A. I. *Ekonomiko-demograficheskoe razvitiye sem'i* [Economic and demographic development of the family]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 100 p.

8. *Naselenie Rossii v XX veke: ist. ocherki : v 3 t. T. 1* [The population of Russia in the XX century: historical essays : in 3 vol. Vol. 1]. Moscow, ROSSPEN, 2000. 463 p.
9. Nikulin V. V. [Evolution of the institution of marriage in Soviet Russia: from the death of marriage to the conservative family (1917–1920-ies)]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Humanities series], 2016, vol. 21, issue 7-8, pp. 159–160.
10. Paevsky V. V. *Voprosy demografii i meditsinskoj statistiki: izbrannye proizvedeniya* [Questions of demography and medical statistics: selected works]. Moscow, Statistika Publ., 1970. 467 p.
11. Kharchev A. G. *Brak i sem'ya v SSSR: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Marriage and family in the USSR: sociological research]. Moscow, Mysl Publ., 1964. 325 p.
12. Tsitkilov P. Ya. [Processes of institutional stabilization of the family in Soviet Russia in the 1920*]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2019, no. 1. pp. 73–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;
e-mail: aralovetz@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Aralovets – Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: aralovetz@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Араловец Н. А. Традиционная семья в годы нэпа: особенности трансформации семейных ценностей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 33–43.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-33-43

FOR CITATION

Aralovets N. A. Traditional family in the years of the NEP: features of the transformation of family values. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences*, 2021, no. 2, pp. 33–43.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-33-43

УДК 323.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-44-54

ПРОЕКТ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ АЛЕКСАНДРЫ КОЛЛОНТАЙ КАК ГЕНДЕРНОЕ «РАСШИРЕНИЕ» МАРКСИЗМА

Абрамова М. Г.¹, Попова А. В.^{2,3,4}, Горохова С. С.²

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, Российская Федерация

³ Башкирский государственный университет
450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, Российская Федерация

⁴ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать историко-философские концепции А. М. Коллонтай, истинная заслуга которой как социального философа-новатора состоит в том, что в период НЭПа она смогла расширить марксизм «женским» содержанием, соединяя базовые идеи марксизма и феминизма.

Процедура и методы. Использован дескриптивный метод, историко-философский анализ литературно-публицистического наследия А. М. Коллонтай.

Результаты. Анализ основных работ А. М. Коллонтай показал, что она предложила не только включить женщин в процесс политического управления, но и добиться кардинального социально-психологического изменения мужчин, чтобы они перестали видеть в женщине лишь объект и начать относиться к ней как к самостоятельной и независимой личности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Актуальность проекта А. М. Коллонтай в том, что в центре него стоит кропотливая работа каждой отдельной личности по преобразованию вначале семейных, а потом и социальных взаимоотношений в целом. Именно такое понимание гендерного подхода может стать эффективным в условиях современного общества.

Ключевые слова: А. М. Коллонтай, марксизм, феминизм, гендер, новая женщина, личность, преобразование

ALEXANDRA KOLLONTAI'S WOMEN'S EMANCIPATION PROJECT AS A GENDER "EXTENSION" OF MARXISM

M. Abramova¹, A. Popova^{2,3,4}, S. Gorokhova²

¹ Moscow State Lomonosov University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky prospect, Moscow 12599, Russian Federation

³ Bashkir State University
32 Zaki Validi ul., Republic of Bashkortostan, Ufa 450076, Russian Federation

⁴ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation
82 Vernadsky prospect, Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the historical and philosophical concepts of A. M. Kollontai, whose true merit as a social philosopher-innovator lies in her ability to expand Marxism with a “female” content, combining the basic ideas of Marxism and feminism during the New Economic Policy’s period.

Methodology. The research was conducted using a descriptive method, historical and philosophical analysis of the literary and journalistic heritage of A. M. Kollontai.

Results. The analysis of the main works of A. M. Kollontai shows that she proposed not only to include women in the process of political governance, but also to achieve a radical socio-psychological change of men, so that they would stop seeing women only as an object and begin to treat them as independent persons.

Research implications. A. M. Kollontai’s project centers around the careful work of each individual in transforming first the family and then the social relationships as a whole. This understanding of the gender approach can prove especially effective in the contemporary social reality.

Keywords: A. M. Kollontai, Marxism, feminism, gender, new woman, personality, transformation

Без коренного перевоспитания нашей психики – проблемы пола неразрешимы.

Ал. Коллонтай. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919

Введение

Отмечая столетний юбилей Новой Экономической Политики (далее – НЭП), следует обратить внимание не только на её экономическую составляющую, но и на новые идеологические, философские и социально-нравственные нарративы, появление которых было вполне закономерным следствием хозяйственных преобразований того периода.

Так, несмотря на то, что в результате прихода к власти 25 октября (7 ноября) 1917 г. Российской коммунистической партии большевиков (далее – РКП(б)) женщины освободились от экономической эксплуатации и обрели социальные и политические права, женский вопрос как метафизическая проблема продолжал и даже до сих пор продолжает оставаться в политико-правовом дискурсе современной России. Более того, сейчас он имеет тенденцию к обострению именно в той парадигмальной константе, которая была так важна в истории Советской России 1920-х гг., когда главной целью провозглашалось создание «нового человека».

Российские женщины, приняв участие в революционных событиях начала XX в.,

заявили о себе как о новом политическом акторе [14]. Их выход на политическую арену был стремительным и активным, что объяснялось целым комплексом причин экономического, социального, культурного и другого характера, среди которых важнейшим являлся запрос на обретение правовой субъектности.

Одной из выразительниц этого запроса стала Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952). Её творческое наследие часто трактуется ошибочно и прямолинейно – только как поддержка особого рода сексуальной революции 1920-х гг., провозглашавшей равенство мужчины и женщины в сексуальных отношениях, объясняя их простой физиологической потребностью человека и сравнивая её с желанием выпить «стакан воды» [5].

Однако пройдя определённую эволюцию своих взглядов от политического активизма времён Октябрьской социалистической революции 1917 г., А. М. Коллонтай в годы НЭПа пришла к выводу, что изменившиеся общественные условия теперь переносят акцент общественно-го развития на самосовершенствование человека как личности. А. М. Коллонтай новаторски предлагает и особый инструмент такой культурно-психологической эволюции – «любовь-товарищество, которая основывается на равенстве мужчины и женщины, взаимоуважении и признании прав другого на основе това-

рищеской чуткости к суждениям и желаниям других, умении слышать и признавать работу души близкого и любимого человека»¹. Получая такой опыт, люди преодолевают свой эгоизм, преобразовываются, меняют свою сущность, и такие новые личности должны составить социальную структуру коммунистического будущего. Таким образом, выдвинутый А. М. Коллонтай в период НЭПа проект чрезвычайно полно отвечает гендерным вызовам современного общества и может стать основой выработки новых подходов к решению женского вопроса в XXI в.

Бунт против буржуазной морали

В 1911 г. в Германии вышла книга одной из основательниц феминистского движения Греты Майзель-Хесс «Сексуальный кризис: критика нашей сексуальной жизни»², что стало началом нового этапа политической дискуссии по женскому вопросу. А. М. Коллонтай мгновенно ответила на это статьёй «Любовь и новая мораль», где она впервые выступила с критикой буржуазной морали с революционных позиций, и в которой, в частности, пишет: «Современная мораль ведёт человечество по пути неуклонного вырождения»³. Критикуя вслед за Г. Майзель-Хесс три известные формы взаимоотношения между женщиной и мужчиной – проституцию, официальный брак и сожительство, А. М. Коллонтай полагает, что допускающая эти формы буржуазная мораль по сути своей лицемерна и служит только одной цели – обосновывать «безраздельное владение» одного супруга другим, подтвердить права собственности мужчины на женщину.

Г. Майзель-Хесс, а за ней и А. М. Коллонтай, приходят к заключению, что капитализм как формация эксплуататорская, по сути, навсегда ставит женщину в подчинённое положение, тем самым «извращая человеческую душу, разбивая всякую надежду на длительное и прочное счастье, глубоко-человеческое общение душ»⁴.

Следует отметить, что уже в своей первой работе она не ограничивается только классовым подходом к решению женского вопроса: именно здесь впервые появляется новый термин *Эрос*, который станет позже центральным в её концепции периода НЭПа и будет носить комплексный характер. Особое внимание уделялось психологической основе: А. М. Коллонтай увидела механизм достижения реального равенства полов в пересмотре психического отношения мужчин и женщин своих прав и обязанностей. Затяжной характер «сексуального кризиса», по её мысли, не преодолеть без «коренного перевоспитания психики» – включающего, в том числе, изменение правосознания (*добавлено нами.* – М. Г. Абрамова, А. В. Попова, С. С. Горохова). Перевоспитание психики определялось ею как основа для «более любовных, более близких, а следовательно, и более счастливых отношений между полами»⁵. Такие изменения должны были стать следствием кардинальных преобразований социально-экономических отношений, характерных для НЭПа и являвшимися переходным периодом к коммунистическому обществу. По сути, это можно считать предтечей современной трактовки гендерного подхода, который в рамках теории социального конструктивизма понимается как «заданная биологическими критериями социально одобренная и принятая определённости» [10, с. 25].

¹ Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. https://www.marxists.org/russkij/kollontai/winged_eros.htm (дата обращения: 23.03.2021).

² Meizel-Hess G. Die sexuelle Krise. Eine sozialpsychologische Untersuchung, 1909. URL: <https://archive.org/details/b28071426/page/n15/mode/2up> (дата обращения: 23.03.2021).

³ Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК Советов р., к. и к. депутатов, 1919. С. 37.

⁴ Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК Советов р., к. и к. депутатов, 1919. С. 37.

⁵ Коллонтай А. Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. Пг.: Государственное издательство, 1919. С. 38. URL: http://az.lib.ru/k/kollontaj_a_m/text_1912_lubov_i_novaya_moral.shtml (дата обращения 23.03.2021)

Феминизм или классовая борьба?

В российской традиции социалистического учения трактовка феминизма заключалась в том, что женщина в буржуазном типе семьи вынуждена «продавать» себя (быть женой, содержанкой, рожать детей и вести хозяйство) так же, как рабочий класс продаёт свои трудовые способности капиталистам [8, с. 175; 9]. Её положение было сродни эксплуатируемой категории населения, находящейся под двойным гнётом: и господствующих классов, и собственного мужа. Поэтому освобождение женщины так же, как освобождение пролетариата, объявлялось целью социалистической революции. А. М. Коллонтай вспоминала, что именно особое отношение к «женскому вопросу» в марксизме и привлекло её к социалистическим идеям [7, с. 371].

Она твёрдо стоит на марксистских позициях критики буржуазного общества, в соответствии с которыми неравенство полов объяснялось отчуждением женщины от общественного производительного труда и экономическим господством мужчины, которое должно быть устранено вместе с обществом, его породившим [15]. Первая задача состояла в восстановлении роли женщины в системе разделения труда, что было возможно лишь после победы социалистической революции. Классики марксизма на этом и останавливались, считая, что потом социализм автоматически решит и женский вопрос.

В связи с этим идеологи российской социал-демократической партии считают женский вопрос второстепенным. В конце XIX в. ни большевики, ни меньшевики не поддерживали А. М. Коллонтай в её стремлении создать женские секции, и лишь после учреждения Государственной Думы практически все политические партии, действовавшие в тот период времени, стали заниматься женским вопросом [12, с. 14]. В политическую конкуренцию за поддержку женского электората

включились не только партии, но и феминистские организации, которые рассматривались тогда социал-демократами только как буржуазный идеологический проект. А. М. Коллонтай полагала необходимым использовать эти организации в политической борьбе за новую власть, и ей с большим трудом удалось убедить руководство большевистской партии применить опыт немецкой социал-демократии по политическому использованию женских клубов и обществ. Но до создания самостоятельной женской организации в тот момент дело так и не дошло.

Марксистский подход противостоял феминизму, который воспринимался революционерами как оппортунистическая идеология, ибо призывал всех женщин, без учёта классовых различий, к совместным действиям в борьбе за равноправие с мужчинами в рамках буржуазного строя [1; 2]. Именно поэтому за буржуазными феминистками закрепилось презрительное название «равноправки». А. М. Коллонтай сама противопоставляет феминизм и марксизм, так как женщины отделены своим социально-классовым статусом, а опираться надо, прежде всего, на классовые интересы.¹ Однако в целом ей так и не удалось достичь равновесия, и она осталась как бы «чужой среди своих»: революционеры-большевики воспринимали её как феминистку и обвиняли в «женском» уклоне, а феминистки, напротив, видели в ней пролетарскую революционерку.

Таким образом, борьба за освобождение пролетариата являлась приоритетной задачей и рассматривалась как предпосылка всего социального освобождения женщин. Для ортодоксальных революционеров на этом решение женского вопроса заканчивалось, они оставались «слепыми к полу». Однако А. М. Коллонтай этим не ограничивается, а выдвигает дело освобождения женщины от буржу-

¹ Коллонтай А. М. К истории движения рабочих в России; Борьба рабочих за последние годы. Харьков: Всеукр. изд-во, 1920. С. 14.

азной семьи и домашнего труда на первый план, предлагает общие столовые, общее воспитание детей и т. д. При этом чаще всего А. М. Коллонтай представляют одновременно как сторонницу социализации женщин и в целом радикального подхода, выражающегося в отрицании семьи [6]. Между тем истинная заслуга А. М. Коллонтай как социального философа-новатора состоит в том, что она не остановилась на внешних аспектах освобождения женщины, смогла посмотреть глубже, расширяя марксизм «женским» содержанием, развивая одновременно и марксизм, и феминизм, и соединяя их базовые идеи [13; 17].

Идеал новой женщины

В силу того, что во времена А. М. Коллонтай просто не существовало термина «гендер», исследователи чаще всего связывают её творчество с особым пониманием феминизма в том смысле, что она преодолела ту «слепоту к полу», которая была характерна для марксизма и большевизма времён Октябрьской революции [16]. А. М. Коллонтай в годы НЭПа расширяет марксизм «женским» дискурсом, вводя в понятийный аппарат не только такие далекие от классового подхода термины, как *пол, секс, любовь*, но и впервые обращает внимание на личности женщины и мужчины, особенности их психологий, на ролевые социальные характеристики и взаимоотношения внутри семьи.

Именно А. М. Коллонтай впервые поставила вопрос о *роли* женщины в обществе, что, собственно, и составляет содержание *гендера*. Вопреки распространённому мнению, она в целом не отрицает институт семьи, а выступает за её внутреннее преобразование на основе «сотоварищества», взаимного уважения, обосновывая особую значимость для общественного развития умения мужчины быть внимательным к чувствам женщины, ценить её личностные качества. «Женщины всегда учились этому, а муж-

чинам не было нужды; и покуда те не разовьют в себе способности к коллективной жизни, требующей этих качеств, не может быть хорошего социалистического брака»¹. В буржуазном обществе у женщины «непрерывное пребывание друг с другом, неизбежная «требовательность» к предмету «собственности» превращают даже пылкую любовь в равнодушие, влекут за собою несносные, мелочные придирки»². Капитализм создал условия для вовлечения женщины в общественный труд, но на началах эксплуатации, что ещё более ухудшило её положение. Простой заменой женских качеств на мужские проблему не решить, т. к. незамужняя женщина как «одинокое стоящая личность» не может быть счастлива³.

Главным результатом социалистического преобразования общества для А. М. Коллонтай должно было стать появление *новой женщины*, которое было возможно только в мирное время НЭПа. Она вкладывала в это понятие такие характеристики, как включение женщин в общественное разделение труда, их профессиональный рост, раскрытие творческих способностей, образование и научные достижения. «По мере того, как женщина всё чаще и чаще вовлекается в круговорот социальной жизни, и как она является действующей пружинкой в механизме народного хозяйства, горизонт её раздвигается, стенки её дома, заменявшего для неё мир, падают, и (...) любовь перестаёт составлять содержание её жизни, любви начинает отводиться то подчинённое место, какое она играет у большинства мужчин»⁴.

По мере такого вовлечения «новой женщины» в общественное производство будет меняться и её психология, считает А. М. Коллонтай. «Рядом с сознанием своей личности, своего права,

¹ Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК Советов р., к. и к. депутатов, 1919. С. 14.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 24.

зарождается и прививается новой рабочей женщине чувство коллективности, чувство товарищества. Эмоция, которая лишь слабо развивается у новой женщины других социальных слоёв»¹. То, что веками составляло сущность женского (пассивность, эмоциональность, подчинённость, зависимость), должно остаться в прошлом. На смену этим уходящим в прошлое общественным ролям женщины идут новые, дорогу которым дала Октябрьская социалистическая революция, провозгласившая освобождение женщины, её равноправие с мужчиной во всех сферах общественной жизни. Женщина нового общества не эмоциональна, но имеет самообладание, она ценит “добытую” ею свободу и независимость от мужчины, она имеет право на “земные” радости, любовные переживания. Она больше “не самка и тень мужчины”, она – личность, “Человек – Женщина”»².

Таким образом, А. М. Коллонтай увидела, что социалистическая эмансипация несла в себе возможность более глубокого, гендерного (как мы можем определить его сейчас) освобождения женщины. Однако, оно не состоялось в начале XX в. в силу объективных причин: низкий уровень грамотности и образования российских женщин, социально-экономическое отставание страны. Помешали и Гражданская война, а позже в 1930-е гг. – выдвижение социалистического проекта мобилизации экономики как приоритетного.

А. М. Коллонтай осознала трудности этого процесса. Стремление к идеалу «новой женщины» – это не пассивное ожидание автоматического превращения в нового актора, а большая работа по личностному самосовершенствованию. Как философ-новатор, она понимала, что смена общественной роли женщин на практике будет сопровождаться сложными и противоречивыми процессами

эволюции их самосознания, психических установок, личностного изменения. По сути, речь шла о качественных изменениях самосознания, психического самовосприятия, которое должно было вести к новым практикам реализации женщинами своих прав и обязанностей. Всё это можно было осуществить через усиление политической активности женщин. А. М. Коллонтай, таким образом, разделяя идею К. Цеткин о государственной поддержке женского движения, полагала необходимым участие государства через специальные женские отделы в обучении женщин новым методам воспитания детей, отношению к семье, мужу, занятию домашним хозяйством, собственным потребностям в сексе и т. д. [4].

Кардинально изменить быт, освободить женщину от поглощающего её домашнего труда, заменить его общественными услугами – в этом А. М. Коллонтай видела главные условия эмансипации. Единственной обязанностью женщины оставалось рожать здоровых детей и вскармливать их до яслей, а потом государство должно взять на себя заботу об их воспитании и образовании. Она предлагала заключать своеобразный общественный договор между государством и женщинами: они рожают детей, а государство создаёт им все условия для развития и самореализации. Для преодоления закреплённых за женской ролью качеств эмоциональности и пассивности недостаточно просто превратить всех женщин в работниц, а нужно включить женщин в процесс политического управления, через который и начнёт изменяться её психология. «Чтобы отстоять у жизни свои ещё не завоёванные права, женщине приходится совершать над собой гораздо большую воспитательную работу, чем мужчине»³. «Коллективному» как особому мировоззрению необходимо обучать, надо его распространять и пропагандировать, и А. М. Коллонтай предлагает механизмы такой новой государ-

¹ Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК Советов р., к. и к. депутатов, 1919. С. 32.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 17.

ственной политики, поэтому её проект женской эмансипации выглядит реально осуществимым, в отличие от многих феминистских утопических концепций.

Другим важным аспектом реализации идеала «новой женщины» А. М. Коллонтай считает психологическое и социально-культурное изменение мужчин, ибо они должны перестроиться кардинальным образом, перестав видеть в женщине лишь *объект* и начать относиться к ней как к *субъекту*, что позволит добиться не формального (юридического), а реального равноправия. В условиях общественно-экономических формаций с преобладанием частной собственности и патриархальной ролью мужчины психологическими факторами существования женщины в обществе были её духовная, телесная и экономическая зависимость от мужчины, порождаемые ими ревность, эгоцентризм, неумение и, главное, нежелание заботиться ни о ком, кроме себя со стороны мужа. В новом социалистическом обществе мужчинам предстоит избавляться от этих качеств, ибо они будут препятствовать строительству жизни в условиях коллектива. Интересно заметить, что роль обучающихся А. М. Коллонтай отводила передовым женщинам-лидерам, которые, получив опыт политического управления, должны поделиться им с мужчинами, приобщив их к жизни в новом социалистическом обществе.

Куда летит «крылатый Эрос»?

В 1923 г. А. М. Коллонтай публикует свою программную статью по женскому вопросу «Дорогу крылатому Эросу!»¹. Исследователи её творчества чаще всего противопоставляют «крылатого Эроса» (любовь, сотканная из тончайшей сети всевозможных душевно-духовных эмоций, не носящая сугубо плотский характер, а представляющая собой высшее про-

явление гуманизма как любви к другому человеку, к своему единомышленнику) «бескрылому Эросу» (инстинкт воспроизводства, грубое телесное влечение) [11, с. 125–126]. Однако, к сожалению, анализ феминистских взглядов А. М. Коллонтай зачастую на этом и останавливается.

Между тем задача, которую она поставила, апеллируя к Эросу, вовсе не ограничивается взаимоотношениями полов и сексуальными аспектами. Статья недаром называется «Дорогу крылатому Эросу!», чем подчёркивается призыв открыть путь чему-то новому, желание применить Эрос для какой-то более высокой цели, как бы использовать его энергию на коллективное благо, на строительство нового идеального общества, то есть коммунизма.

В годы НЭПа ситуация, по её мнению, изменилась, поэтому настало время дать «дорогу крылатому Эросу», превратив его в особый механизм движения всего общества к коммунизму. Только тонкая психологическая любовь может изменить человека изнутри, преобразовав его в личность. В новой семье мужчина и женщина меняют свои старые психологические установки, учатся относиться друг к другу с уважением, видеть друг в друге личности, вырабатывать навыки работы в трудовом коллективе на основе абсолютно новой «сложной, переплетающейся сети духовно-душевных уз», которая определяет «дух солидарности» и осуществляет «идеал рабочего класса – товарищество и единство». Именно такая любовь – Крылатый Эрос – и есть любовь-товарищество, которая «облегчает торжество того идеала любви во взаимных отношениях между полами, которая уже оформляется и выкристаллизовывается в недрах рабочего класса» и венчает эволюцию родовой любви через любовь-дружбу к любви-супружеству. Любовь-товарищество основывается на равенстве мужчины и женщины, взаимоуважении и признании прав другого на основе товарищеской чуткости к суж-

¹ Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. URL: https://www.marxists.org/russkij/kollontai/winged_eros.htm (дата обращения: 23.03.2021).

дениям и желаниям других, умении слышать и признавать работу души близкого и любимого человека¹.

Получая такой опыт, люди преобразовываются, меняют свою сущность, и такие новые личности, по мнению А. М. Коллонтай, должны составить социальную структуру коммунистического будущего. «Крылатый Эрос» ведёт людей к идеальному общественному устройству, представляя собой единственный способ, которым можно покончить с человеческим эгоизмом. Только тогда, когда и мужчина, и женщина начнут относиться к Эросу осознанно, он преобразится в «крылатого Эроса» и превратится в силу, способную вдохновить людей на создание общего блага, подлинной коллективной жизни.

Таким образом, на наш взгляд, некорректно представлять А. М. Коллонтай лишь как советского политического деятеля, выражавшего принципиально радикальное отношение к вопросам пола, брака и семьи. Оставаясь революционеркой и большевиком до конца, она и семейно-брачный дискурс подчиняла делу строительства новой пролетарской государственности, созданию нового революционного правосознания и нового советского человека, подчинявшего всю свою жизнь делу коммунизма.

Заключение

Идеи А. М. Коллонтай по своей сути могут быть охарактеризованы как проект женской эмансипации в контексте гендерного понимания. Сама личная жизнь А. М. Коллонтай, её отношения с мужчинами были ярким доказательством этих рассуждений. Как отмечает И. В. Алфёрова, «она, человек европейского образования, мировоззрения и поведения, пре-

жде всего, выступала против “двойной морали”, существовавшей в обществе, за равные возможности творческой, профессиональной и личностной, в том числе и сексуальной, реализации не только мужчин, но и женщин, и жила в соответствии со своими убеждениями» [3, с. 256].

Концепция А. М. Коллонтай, претерпев серьёзную эволюцию – от радикализма революционной эпохи до императива личностного социально-психологического преобразования в период НЭПа – опередила своё время, приоритетным вектором развития которого в тот исторический период был мобилизационный социально-экономический и культурный проект. В нём не нашлось, но, по сути, и не могло найтись места гендерному пониманию личностного развития человека, воспитания в нём взаимоуважения и коллективизма, любви-товарищества. Вначале условия Гражданской войны, разрухи, голода, а позже свёртывания НЭПа не отвечали возможностям гендерной трансформации общественных отношений. К такому радикальному, «гендерному», подходу новая в экономическом отношении, но остававшаяся, по сути, патриархальной в политико-социальном и культурном отношении, Советская Россия была не готова объективно и субъективно. Из всех идей А. М. Коллонтай на практике была реализована только идея «трудящейся женщины-матери».

Думается, что в России именно сейчас, как никогда, актуален проект женской эмансипации А. М. Коллонтай, в центре которого стоит кропотливая работа каждой отдельной личности по преобразованию вначале семейных, а потом и социальных взаимоотношений в целом.

Статья поступила в редакцию 22.10.2020.

¹ Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. URL: https://www.marxists.org/russkij/kollontai/winged_eros.htm (дата обращения 23.03.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
2. Айвазова С. Г. К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 153–169.
3. Алфёрова А. Л. Декреты о «Социализации женщин» и большевистский взгляд на отношения между полами при коммунизме // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 1(13). С. 252–259.
4. Алфёрова И. В. Концепт «новая женщина» в интерпретации К. Цеткин: этапы становления, основные характеристики // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 9–14.
5. Бобринев К. С., Гостев Ф. А., Корышев А. С. Изменения в семейно-брачных отношениях, теории «свободной любви» в Советской России в 1920-х гг. // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 40. С. 35–41.
6. Новиков С. Г. Воспитание половой морали советской молодежи: ретроспективный взгляд на дискуссии 1920-х годов // Историко-педагогический журнал. 2012. № 3. С. 161–171.
7. Коллонтай А. Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М.: Советская Россия, 1974. 494 с.
8. Осипович Т. Е. «Новая женщина» в беллетристике Александры Коллонтай // Преображение. 1994. № 2. С. 66–71.
9. Осипович Т. Е. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174–186.
10. Рабжаева М. В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура : Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 18–31.
11. Сатоко Китаи. Эрос и революция: теория А. Коллонтай // Новый филологический вестник. 2009. № 2. С. 124–131.
12. Успенская В. И. Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: Материалы Международной научной конференции. Тверь, 2003. С. 11–29.
13. Хартман Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу / пер. А. Клоц, И. Тартаковская, К. Медведев. М.: Свободное марксистское издательство, 2016. 76 с.
14. Хасбулатова О. А. Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900–1917) // Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 5–14.
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства : В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1989. 222 с.
16. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 540 с.
17. Hartmann H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union // Women and Revolution: A Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism / ed. by Lydia Sargent. Montréal: Black Rose Books, 1981. P. 201–228. DOI: 10.1057/978023011745714.

REFERENCES

1. Aivazova S. G. *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya. Ocherki politicheskoi teorii i istorii* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on Political Theory and History)]. Moscow, RIK Rusanova Publ., 1998. 408 p.
2. Aivazova S. G. [To the history of feminism]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], 1992, no. 6, pp. 153–169.
3. Alferova A. L. [Decrees on Women Socialization and Bolshevik Viewpoint o Genderf Relations under Communism]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of SmolGU], 2011, no. 1(13), pp. 252–259.
4. Alferova I. V. [“New woman” concept in K. Zetkin interpretation: stages of formation, main characteristics]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2010, no. 2, pp. 9–14.

5. Bobrinev K. S., Gostev F. A., Koryshev A. S. [Changes in family and marriage relations, the theory of "free love" in Soviet Russia in the 1920s.]. In: *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2016, no. 40, pp. 35–41.
6. Novikov S. G. [Upbringing the Sexual Morality of Soviet Youth: A Retrospective Look at the Debates of the 1920s]. In: *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal* [Historical and pedagogical journal], 2012, no. 3, pp. 161–171.
7. Kollontai A. *Iz moei zhizni i raboty. Vospominaniya i dnevniki* [From my life and work. Memories and Diaries]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1974. 494 p.
8. Osipovich T. E. ["New Woman" in the fiction of Alexandra Kollontai]. In: *Preobrazhenie*, 1994, no. 2, pp. 66–71.
9. Osipovich T. E. [Communism, Feminism, Women]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], 1993, no. 1, pp. 174–186.
10. Rabzhaeva M. V. [Women's emancipation in Russia: experiments on gender construction]. In: Tishkin G. A., ed. *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaya kul'tura : Materialy V konferentsii, posvyashchennoi teorii i istorii zhenskogo dvizheniya* [Russian women and European culture : Proceedings of the V conference on the theory and history of the women's movement]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2001. pp. 18–31.
11. Satoko Kitai [Eros and Revolution: Theory of A. Kollontai]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological bulletin], 2009, no. 2, pp. 124–131.
12. Uspenskaya V. I. [Alexandra Kollontai's radical project of women's emancipation]. In: *Aleksandra Kollontai: teoriya zhenskoi emansipatsii v kontekste rossiiskoi gendernoi politiki : Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Alexandra Kollontai: Theory of Women's Emancipation in the Context of Russian Gender Policy: Proceedings of the International Scientific Conference]. Tver, 2003. pp. 11–29.
13. Hartmann H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a more Progressive Union (Russ. ed.: Klots A., Tartakovskaya I., Medvedev K. *Neschastlivyi brak marksizma s feminizmom: put' k bolee progressivnomu soyuzu*. Moscow, Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo Publ., 2016. 76 p.).
14. Khasbulatova O. A. [Women's movement in Russia as a factor of social progress (1900–1917)]. In: *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2017, no. 2 (83), pp. 5–14.
15. Engel's F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva : V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana* [The Origin of the Family, Private Property, and the State: In Relation to Research by Lewis G. Morgan]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 222 p.
16. Yukina I. I. *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge of our time]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 540 p.
17. Hartmann H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union. In: L. Sargent, ed. *Women and Revolution: A Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism*. Montréal, Black Rose Books. 1981, pp. 201–228.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Марианна Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: abramova-m@mail.ru

Попова Анна Владиславовна – доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры конституционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: anna0710@yandex.ru

Горохова Светлана Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: swetallana@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marianna G. Abramova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., State Policies Chair, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: abramova-m@mail.ru

Anna V. Popova – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation; Prof., Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Bashkir State University; Prof., Department of Constitutional Law, Faculty of Law, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;
e-mail: anna0710@yandex.ru

Svetlana S. Gorokhova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: swettalana@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Абрамова М. Г., Попова А. В., Горохова С. С. Проект женской эмансипации Александры Коллонтай как гендерное «расширение» марксизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 44–54.
DOI: [10.18384/2310-676X-2021-2-44-54](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2021-2-44-54)

FOR CITATION

Abramova M. G., Popova A. V., Gorokhova S. S. Alexandra Kollontai's women's emancipation project as a gender "extension" of Marxism. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences*, 2021, no. 2, pp. 44–54.
DOI: [10.18384/2310-676X-2021-2-44-54](https://doi.org/10.18384/2310-676X-2021-2-44-54)

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-55-68

РАННИЕ МИГРАЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ЧЕРЕЗ СТЕПИ ЕВРАЗИИ: К РАЗРЕШЕНИЮ ТОХАРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Алексеев К. А.

Тверской казачий технологический институт

170100, г. Тверь, Свободный пер., д. 1б, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определение конкретных механизмов и логистических цепочек тохарских миграций через степи Евразии на протяжении полутора тысяч лет.

Процедура и методы. Автором проведён комплексный анализ генетических, антропологических и археологических данных.

Результаты. Проведённый анализ показал, что носители тохарского языка мигрировали из ареала Дунайской культуры Ленггель первоначально в ареал Трипольской культуры, и только потом – в степи Евразии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложено рассматривать погребальный обряд вытянуто на спине с ориентацией на восток как специфически тохарский, на что указывают геномные коды останков. Определены хронологические рамки бытования указанного обряда в каждом из локальных регионов Великой Степи.

Ключевые слова: индоевропейцы, тохары, миграции, вытянутое трупоположение

EARLY MIGRATIONS OF INDO-EUROPEANS ACROSS THE STEPPES OF EURASIA: RESOLVING THE TOCHARIAN PROBLEM

K. Alekseev

Tver Cossack Institute of Technology

1b Svobodny prosp., Tver 170100, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify specific mechanisms and logistic chains of Tocharian migrations across the steppes of Eurasia for one and a half thousand years.

Methodology. The research was conducted using a comprehensive analysis of genetic, anthropological and archaeological data.

Results. The findings show that the Tochars migrated from the area of the Danubian culture of Lengyel primarily to the area of the Trypillian culture, and then - to the steppes of Eurasia.

Research implications. The funeral rite, when a dead body is in an elongated position and orientated to the East, can be considered as specifically Tocharian, as indicated by the genome codes of the

remains. Additionally, the findings specify the chronological framework of the existence of the specified rite in each of the local regions of the Great Steppe.

Keywords: Indo-Europeans, Tocharians, migration, elongated position of dead body

Введение

Древнеиндийские авторы называли *тохарами* жителей бассейна р. Тарим в китайском Синцзяне (Восточный Туркестан) [4, с. 178-179]. В VI-VIII вв. н. э. в бассейне Тарима распространяется тохарская письменность на двух диалектах – турфанском и кушанском [24]. К тому же периоду относятся изображения на стенах буддийских храмов в том же регионе. Не может быть сомнений, что письменность и росписи принадлежат одной человеческой популяции, а это значит, что носители тохарского языка были людьми с голубыми или зелёными глазами и светлыми волосами [15, с. 131].

При этом необходимо учесть, что тохарский язык принадлежит к западной ветви индоевропейской семьи и наиболее близок к таким древним европейским диалектам, как кельтский [23]. Античные авторы описывали антропологический тип кельтов как высоких людей с рыжими волосами и голубыми глазами [15, с. 131]. К. Кун называл подобный антропологический тип *брюннским брахицефальным*, и перед нами фактическая данность: на противоположных концах Евразии (в Ирландии и в Синцзяне) проживали носители близкородственных индоевропейских языков, обладавшие общим антропологическим типом.

Погребальные традиции тохарской популяции V в. н. э. восходят к могильнику Тинбахэ на озере Лобнор (VII I вв. до н. э.), могильнику Канбакэ у подножья Тянь-Шаня (800-400 гг. до н. э.), а от них – к **культуре Кэвругуль** (Гумугоу, некалиброванная датировка: 2000-1550 гг. до н. э.) на том же Лобноре. Культура характеризуется вытянутым труположением на спине с ориентацией на восток в могильных ямах без курганов и керамики [17, р. 908-909, 911]. В дальнейшем для простоты изложения мы будем называть

подобный погребальный обряд *кэвругульским*.

В антропологическом аспекте к насельникам Кэвругуля наиболее близки брахицефальные федоровцы (андроновцы) Казахстана [6, с. 133; 8, с. 241-242]. Относительно последних установлено, что по меньшей мере 57% федоровской популяции были светловолосыми и голубоглазыми [5, с. 122-123]. В силу археологического и антропологического континуитета исследователи сходятся во мнении, что именно будущие тохары были создателями культуры Кэвругуль. Таким образом, на исторические места обитания в бассейне Тарима тохары выходят около 2000 г. до н. э. [28].

В своё время Г. Чайлд дал вполне точное определение тохарской проблеме – довольно трудно доказать, каким образом *индоевропейцы пересекли по дороге из Европы весь Туркестан*, чтобы оказаться в самом сердце Азии [21, с. 122]. Новейшие публикации данных генетики становятся ключом к разрешению проблемы тохарского этногенеза.

Группа китайских исследователей обнаружила у насельников Кэвругульской культуры (могильник Сяохэ) митохондриальные гаплогруппы Н и К, следовательно, часть насельников Сяохэ происходила из Западной Европы. Эти выводы были поддержаны русскими специалистами, ознакомившимися с выводами китайских коллег [5, с. 123]. В ходе дальнейших исследований китайские учёные обнаружили у насельников Тарима такие mtHg, как U2e, U5a, T2 [27, р. 6].

Анализируя генетический состав ранних тохар в Синцзяне, мы пришли к выводу, что носители гаплогрупп Н, К, U5a могли мигрировать в самое *сердце Азии* только из ареала Дунайских культур – линейно-ленточной керамики и её деривативов – Ленгилея и Альфельда, – в кото-

рых аналогичные mtHg встречались в ещё неолите¹. Именно там, в ареале культуры моравской расписной керамики (район г. Брно), располагался центр брьоннской брахицефальной расы [16, с. 110], т. е. тот центр, откуда кельты начали миграции до Ирландии, а тохары – до Туркестана.

Таким образом, в силу комплекса данных лингвистики, антропологии и генетики тохарская проблема приобретает форму теоремы: некоторая популяция носителей тохарского диалекта, брахицефального антропологического типа и гаплогруппы Н, действительно приходит из ареала Дунайских неолитических культур в Синцзян через всю Великую Степь по т. н. *степному мосту* (термин Колина Ренфрю [13, с. 29]).

Однако данная тохарская теорема нуждается в детальном доказательстве, что мы и попытаемся сделать в настоящем исследовании.

Последняя остановка перед выходом на Тарим

В своё время В. Ф. Зайберт высказал гипотетическое предположение, что насельниками Ботайской культуры на территории Казахстана могли быть индоевропейцы [3, с. 176–177], однако удовлетворительных доказательств приведено не было.

Ясно, что прото-тохары не были создателями бойтайской культуры, возможно, они даже не были суперстратом и не занимали господствующего положения в обществе. Скорее всего, они были диаспорой, пришедшей в инокультурную среду, частично приняли обычаи страны пребывания, но сохранили свой язык и похоронную обрядность (кэвругульскую).

Эпонимное для культуры поселение Ботай расположено в бассейне Ишима близ Кокчетав в Северо-Казахстанской области. В 1983 г. на раскопе XIV под по-

лом жилого помещения обнаружен целый скелет мужчины (ск.3), в современных исследованиях идентифицируемый как BOT14. Согласно новейшим данным, опубликованным в Science, калиброванная датировка образца 3517–3108 гг. до н. э. [25, S. 1.1, p. 3].

Согласно отчёту о раскопках [14, с. 121, 123] индивид BOT14 был вытянут на спине головой на юго-восток, что с учётом сезонного отклонения Солнца может трактоваться как на ориентация на восток. Подобное положение предполагается и для другого мужского скелета (ск.5) из той же могилы.

Мы интерпретируем этот ритуал как кэвругульский обряд погребения, практиковавшийся тохарами ещё до прихода в Синцзян. Совпадают многие детали обрядности: согласно отчёту, в Ботайском погребении предполагается *дополнительное сооружение из жердей и шкур животных, не дошедшее до наших дней*, тогда как в могильнике Гумутоу деревянные жерди и шкуры животных явлены археологам со всей очевидностью [17, p. 908].

Первые исследователи ботайских погребений обратили внимание на характерную особенность – захоронение на территории поселения и даже на территории жилища. Ближайшую аналогию они видят в петровских древностях Андроновской общности [14, с. 125]. На наш взгляд, продуктивнее рассматривать данный обряд как наследие древнейшей традиции, присущей ранним неолитическим земледельцам не только Европы (Триполье), но также Ближнего Востока (Чатал-Хюк) [22, с. 200].

Таким образом, мы полагаем погребальный обряд Ботайской культуры, аналогичный кэвругульскому ритуалу, свидетельством проживания тохар в верховьях Ишима в период 2500–2100 гг. до н. э. (по традиционной некалиброванной датировке).

Около 2100–2000 гг. до н. э. тохары покинули Ботай и, поднимаясь вверх по Иртышу, проникли через Джунгарские

¹ См. Алексеев А. О. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 34–43.

ворота в Синцзян (как правильно предполагает А. Г. Козинцев [6, с. 133]), где и сформировали Кэвригульскую культуру.

Откуда прото-тохары пришли в Ботай? Ответ подсказывает генетика. Сравнительно недавно группа западных учёных во главе с П. де Барро Дамгаардом из Копенгагенского университета опубликовала в Science результаты исследования 74 древних геномов. Применительно к населенникам Ботайской культуры исследовано только 3 образца. Не может не радовать, что индивид BOT14, погребённый по кэвригульскому ритуалу, попал в выборку. У него обнаружена mtHg K1b2 [25, S2.14.2.2, р. 28]. Точных аналогий для этой гаплогруппы мы найти не смогли, однако субклад - K1b2a - обнаруживается в синхронной Афанасьевской культуре (Каменная пещера на Алтае, 4430+/-40 л.н.) [30].

Таким образом, мнение, высказанное Е. Е. Кузьминой и поддержанное К. Ренфрю о том, что Афанасьевская и Кэвригульская (тохарская) культура имеют общее происхождение, получает дополнительное материальное (генетическое) обоснование [13, с. 25].

На данной стадии изучения вопрос о происхождении Афанасьевской культуры как будто уже окончательно разрешён. Н. Я. Мерперт и прежде высказывал вполне обоснованное археологически суждение о происхождении Афанасьевской культуры от Волго-Уральского варианта Ямной общности [22, с. 329]. Со своей стороны, мы обнаруживаем трансляцию уникальных митохондриальных гаплогрупп T2c1a2 (Лопатино - Батени) и U5a1a1 (Лопатино и Лужки - Куюм) из Ямной культуры в Афанасьевскую [29].

Соответственно, если мы исходим из основательного генетического допущения, что носители ботайской mtHg K1b2 и афанасьевского субклада K1b2a имеют общее происхождение, то должны признать, что **прото-тохары приходят в ареал Ботайской культуры с Волги, из ареала Ямной общности, а конкретно с**

территории Самарской области, где располагались курганы Лопатино и Лужки.

Тохары на великой русской реке

Ямные древности в бассейне Волги представлены в подавляющем большинстве курганными могильниками. Поэтому в поисках тохар на Волге мы исходим из допущения, что они хоронили своих покойников по кэвригульскому обряду, но под курганами.

Обращает на себя внимание могильник Лопатино I (на р. Сок Самарской обл.), курган 31, осн. пог. 1. Для этого погребения имеется уникальный комплекс данных. Погребённый мужчина около 40 лет лежал вытянуто на спине головой строго на восток. Голени были отчленены и от середины длины бедёр положены параллельно с ними. Прижизненный рост должен был составлять всего 175 см [26, р. 29]. По костям погребённого получена радиоуглеродная дата 4432+/-66 л. н. По репинской керамике, сопровождавшей погребение, получена другая дата: 4800+/-80 л. н. [11, с. 10-11]. Погребённому в Лопатино I 31/1 был присвоен идентификатор SVP38/I0429, и для него была определена mtHg T2c1a2 [29]. Как уже было сказано, аналоги встречаются только в синхронной Афанасьевской культуре. Не исключено, что этот субклад является более точным определением той гаплогруппы T2, которую китайские исследователи обнаружили у тохар на Тариме.

По совокупности данных, мы полагаем, что памятник Лопатино I 31/1 был оставлен прото-тохарами накануне их ухода в степи Казахстана, и таким образом, на территории Самарского Заволжья они должны были обитать, по крайней мере, в период 2850-2480 гг. до н. э. (по традиционной некалиброванной датировке).

На левобережье Волги есть и другие КМ с вытянутым труположением, в частности, Быковские курганы. Ни один из них не датирован, генетический анализ останков не производился.

Проанализируем впускное погребение 8 в кургане 3 Быково II – ребёнок лежал вытянуто на спине головой на северо-восток [9, с. 35]. В силу подобной обрядности мы не можем однозначно утверждать, что погребение было оставлено прото-тохарами.

Погребению 8 предшествовало основное скорченное погребение Быково II 3/7. Смена ритуала позволяет предполагать приход нового населения, принёсшего вытянутую обрядность. На сопровождающем впускное погребение сосуде имеются ямочные вдавления вдоль венчика. Подобная технология керамического производства позволяет отнести Быково II 3/8 к определенному стратиграфическому горизонту, в керамике которого используется подобный технический приём (Верхне-Погромное 19/1, Бережновка I 32/2, наконец, Скатовка 5/3) [9, с. 61]. Из этих курганов датирована только Скатовка 5/3: 5080-4890+/-75 л. н. [10, с. 588-589].

Таким образом, приход в район Быково носителей вытянутого труположения с ориентацией на С-В мы должны отнести к периоду 3130-2940 гг. до н. э. по некалиброванной датировке.

Несомненный приход прото-тохар на Волгу знаменует появление вытянутого труположения с сугубо восточной ориентировкой в качестве основного погребения. И происходит это в период, предшествующий стратиграфическому горизонту Скатовки 5/3 (5080+/-80 л. н.) и Быково II 3/8, т. е. в период Быково II 3/7 (осн.), каковое погребение мы синхронизируем с другим основным – Быково II 2/3, в котором встречаем вытянутое труположение с восточной ориентировкой. В силу этих обстоятельств мы датировем появление носителей будущего лопатинского (кэвригульского) обряда в районе Быково II периодом 3260-3130 гг. до н. э. по некалиброванной шкале.

Позднее в период 3130-2940 гг. до н. э. сюда же приходят носители вытянутого

труположения с ориентацией на С-В. Следует предполагать вполне мирное сосуществование обеих ритуальных групп в указанный период в районе Быково II, на что указывает синхронное существование сразу двух ритуальных традиций – строго на В (п. 1 к. 2) и на С-В (к. 3 п.8).

Очевидно, лишь нехватка ресурсов в ограниченном районе Быково заставила носителей сугубо восточного обряда около 2850 г. до н. э. покинуть этот район, уйдя вверх по Волге, и осесть на Соке и Самаре на длительный период 2850-2480 гг. до н. э. Прото-тохары широко использовали культурные (в том числе керамические) традиции окружающего населения, органически вливалась в состав населения Ямной общности. При этом, как впоследствии в Ботое, прото-тохары не составляли значительной доли населения Ямной культуры – по подсчётам Мерперта, вытянуто на спине было совершено лишь 7% погребений [9, с. 45].

Откуда прото-тохары приходят на Волгу?

Н. Я. Мерперт связал Быково II 2/3 с древностями хутора Репин на Дону [9, с. 58-59]. В настоящее время отнесение Быково II 2/3 к Репинской культуре не вызывает сомнений [11, с. 586]. Таким образом, если мы хотим понять миграцию тохар по степному мосту через Евразию, то необходимо признать, что погребальная традиция Быково II 2/3 (транслирующаяся в Лопатино I 31/1) приходит на Волгу с запада – с Дона, Северского Донца или Днепра, если судить по архаичному сосуду, сопровождавшему погребение Быково II 2/3 [9, с. 34]. Аналогичный Быковскому сосуд так же при вытянутом погребении встречается в кургане у станицы Усть-Лабинской на Кубани [16, с. 193], что указывает на существование двух направлений миграций прото-тохар: с Дона – за Волгу и на Кубань. Это второе направление миграций в исторической перспективе оказалось тупиковым.

Об этнокультурном и хронологическом статусе вытянутых погребений на Дону

На Дону открыто и исследовано большое число как курганных, так и грунтовых погребений с вытянутым труположением. При этом указанный обряд бытует в регионе в достаточно узких хронологических рамках, тогда «как количество вытянутых костяков для других стадий эпохи палеометалла ничтожно мало» [20, с. 124]. Данный феномен подтверждает нашу гипотезу, что носители вытянутого обряда погребения в некоторый момент времени появляются на Дону, а потом перекочёвывают на Волгу и Кубань, в силу чего вытянутый обряд исчезает в бассейне Дона, сменяясь сугубо ямным – скорченным на спине.

Верхняя граница бытования вытянутых погребений на Дону совпадает с датой ухода прото-тохар на Волгу – около 3260 г. до н. э. по традиционной шкале. Нижняя граница появления вытянутых погребений укладывается в широкий диапазон 5 верхнего слоя Раздорского поселения, синхронного Среднему Стогу II [7, с. 87].

Более точную датировку позволяет установить Дронихинский грунтовый могильник на р. Битюг в Воронежской обл. В Деревинской фазе (датируемой в интервале 5515±90 л. н. – 4900±100 л. н.) Дрониху заселяют выходцы из ареала Среднестоговской культуры [19, с. 102]. На поселении они оставляют наиболее раннюю группу погребений, скорченных на спине, ориентированных на северо-запад [18, с. 249–250].

Исследователь Дронихинского могильника А. Т. Синюк отмечает, что раннюю группу погребений перекрывает группа более поздних погребений, вытянутых на спине и ориентированных на восток (ритуал Быково II 2/3), которые, по мнению исследователя, принадлежат своеобразной этнографической группе населения [18, с. 251].

Важно отметить, что первая группа погребений была произведена на территории поселения в один из перерывов в его функционировании, ещё до сооружения постройки [18, с. 249]. Вторая группа населения хоронила своих покойников не только на территории поселения, но и внутри (в полу) построенного жилища, что следует рассматривать как часть погребальной традиции, перешедшей потом в Ботайскую культуру. В силу совпадения обрядности (вытянутое восточноориентированное захоронение на территории жилища) мы склонны считать вторую, своеобразную этнографическую группу Дронихинских погребений (№ 5, 7–9) памятником миграции прото-тохар в восточном направлении.

Таким образом, период 3565–3260 гг. до н. э. статистически должен быть разделён на два горизонта между двумя этно-стратиграфическими группами, в силу чего среднестоговский элемент в Дронихе, как более ранний, должен быть датирован 3565–3400 гг. до н. э., а более поздний прото-тохарский – 3400–3260 гг. до н. э., т. е. самым концом Среднестоговской культуры.

Обратим внимание на погребение 9, в котором у покойного голени были отчленены и положены параллельно с бёдрами [18, с. 248], каковой обряд транслируется потом в Лопатино I 31/1, что лишний раз подтверждает культурное единство всех вытянутых восточно-ориентированных захоронений на протяжении более 800 лет на пространствах от Дона до Волги.

Укажем также на погребение двух отдельных мужских черепов (могила № 17), относящихся к верхнему горизонту Дронихи. Аналогичный обряд мы встречаем в КМ Герасимовка II 4/2 (верховья Бузулука на Оренбуржье), принадлежащем к Репинской культуре, датируемом 4480±35 л. н. [10, с. 587, 589] и составляющим ареальное и хронологическое единство с курганами на Соке и Самаре, в том числе с Лопатино I (4432±66 л. н.).

Мы полагаем парные захоронения черепов частью тохарской погребальной традиции, длившейся более 800 лет: в верхнем горизонте Дренихинского ГМ (3400–3260 гг. до н. э.) мы видим самое начало этой традиции, ставшей частью Репинской культуры. Около 2500 г. до н. э., когда будущие тохары уже покидали Волгу, чтобы уйти в степи Казахстана, они оставили по себе ритуальные знаки своего пребывания в Волго-Уральском междуречье (отчленённые голени в Лопатин, отчленённые черепа в Герасимовке).

Дренихинский ГМ фиксирует лишь факт прихода прото-тохар на Дон. Дальнейшую судьбу тохарского элемента позволяет определить другой ГМ – Дюнное I (на участке течения Дона Богаевская-Акса́й). Основными являются вытянутые на восток (и юго-восток: ботайский ритуал) погребения 19 и 20. В дальнейшем они перекрываются скорченными погребениями 21 (с руками у лица), 24, 26, 28 [2, с. 251–260].

Можно говорить, что пришлый прото-тохарский элемент врезается в среднестоговскую культурную традицию: вытянутые погребения (если они не основные) всегда следуют за скорченными; однако бытование вытянутого обряда было довольно коротким и он вновь сменяется скорченным. Подобная закономерность смены обрядности уже давно известна археологам [18, с. 253], однако мы её рассматриваем в контексте этнических миграций по Евразийскому степному мосту. По существу, местные среднестоговские традиции абсолютно возобладали над пришлыми (прото-тохарскими).

По приходу на Дон прото-тохары заимствуют не только местную керамику типа Быково II 2/3, но также именно здесь мигранты заимствуют местные курганные традиции. В качестве примера: пог. 3 Павловского кургана 11 (Воронежская обл.) вытянутое на спине, ориентированное на восток [20, рис. 187]. Впоследствии, на Волге, прото-тохары хоронят своих покойников уже только под курганами.

При этом в стратифицированных курганах мы наблюдаем ту же закономерность смены погребального обряда (скорченно – вытянуто – снова скорченно), что и в грунтовых могильниках.

Донские древности не датированы радиоуглеродным методом, генетический анализ погребённых не проводился. Тем важнее для этнической истории прото-тохар Ивановбургский КМ (на р. Битуг Воронежской обл.), в котором в погребениях 8 и 9 захоронены мужчины ростом около 2 м [18, с. 252–253], каковой высокий рост является характерным антропологическим признаком тохарских мумий на р. Тарим. Покуда генетические данные не опровергли нашего мнения, мы убеждены, что **в Ивановбурге похоронены предки тех тохар, что дошли до Синцзяна.**

Исследователь Ивановбургского могильника А. Т. Синюк выделяет три группы вытянутых погребений, которые все перекрываются IV группой скорченных погребений, в контексте ранее выделенной закономерности.

IV (ямная) группа – скорченно на спине (погребения № 17, 19, 29)

III группа – вытянуто на С-З (погребения № 9, 12, 35).

Сосуды погребений Ивановбург-9 и 35 аналогичны керамике Семенкин 3/10 (близ Волгодонска), в котором погребённые так же вытянуты на спине на С-З [20, с. 123, рис. 81]. Курган Семенкин датируется 5 верх. слоем Раздорского и Средним Стогом (3530–3260 гг. до н. э.) [7, с. 83–84].

II группа – вытянуто на С-В (погребения № 6, 21, 27, 28). С той группой сопоставимо пог. 13 Дренихинского ГМ, а так же погребение Быково II 3/8.

I группа – вытянуто строго на В (по кэвригульскому ритуалу: погребения № 5, 8¹, 13, 18, 22, 30) или на Ю-В (по ботайскому ритуалу: 10, 20, 25, 26, 31). Погребения 31 и 22 сопровождаются идентичными бусами из перламутра [18, с. 252], что говорит о синхронности обо-

¹ 2-метровый мужчина

их ритуалов. С другой стороны, сугубо восточноориентированное пог. 30 перекрывало юго-восточное п. 31 [20, с. 122], что говорит об относительной длительности существования традиции.

Поскольку погребения I гр. (п. 10, 30) явственно перекрывались погребениями II гр. (соответственно п. 6 и 28) [20, с. 122], можно говорить, что I гр. действительно более ранняя и предшествует II-ой группе. Аналогичную ситуацию мы наблюдали в районе Быково II, где восточноориентированные погребения являются основными (к. 2 п. 3), а северо-восточные оказываются более поздними – впускными (к. 3. п. 8).

При этом А. Т. Синюк вполне справедливо синхронизирует обе группы (I-II) с верхним горизонтом Дронихинского ГМ [18, с. 256], который мы датировали самым концом Среднестоговской культуры (3400–3260 гг. до н. э.). Таким образом, в абсолютных некалиброванных датах I гр. относится к периоду 3400–3300 гг. до н. э., II гр.: 3300–3260 гг. до н. э.

Что касается III гр., то она бытует несколько самостоятельно, либо параллельно обеим первым группам, либо появляется в Иванобурге синхронно со II гр. (3300–3260 гг. до н. э.) и вместе с нею на следующем историческом этапе перекрывается скорченными ямными погребениями.

Стоит согласиться с мнением А. Т. Синюка, что все три группы вытянутых погребений вне зависимости от ориентации составляли этнокультурное единство [18, с. 253] (включая в него и погребения Дронихинского ГМ). Очевидно, что **перед нами ритуалы отдельных родов одного племени**, а потому существенно растягивать их во времени совершенно неоправданно.

Мы воздержимся от определения культурного статуса вытянутых на спине погребений, не являющихся среднестоговскими, но бытующими в самом конце этой культуры, накануне распространения ямных древностей. Отметим мнение

А. Т. Синюка, полагавшего, что памятники репинского типа оставили те же племена, которые *в основном придерживались бескурганного обряда захоронения, с положением умерших вытянуто на спине* [18, с. 182]. Соответственно *ранние вытянутые иванобургские захоронения относятся к репинской культуре* [18, с. 256]. С этим, как будто согласуется мнение Н. Я. Мерперта, связавшего вытянутое погребение Быково II 2/3 с Репинской культурой [9, с. 58–59]. Однако согласиться с мнением А. Т. Синюка не позволяет то обстоятельство, что наиболее ранние древности, маркированные репинской керамикой, локализуются в Самарском и Саратовском Заволжье (КМ Шумейка, 5420±100 л. н. Турганинское поселение, 5230±90 л. н.) [11, с. 11] и оказываются синхронны вытянутым погребениям на Среднем Дону. Тем не менее поиски особого археологического статуса для вытянутых погребений Подонья представляются вполне закономерными.

При этом, установив период появления вытянутых погребений на Дону, мы никак не можем признавать их *архаическими* (А. Т. Синюк) или *постмариупольскими* (А. В. Файферт) [20, с. 124]. Развёрнутую критику предложенной И. Ф. Ковалевой концепции *постмариупольских древностей* дал Ю. Я. Рассасакин, предложив объединить группу вытянутых погребений Днепровского ареала в рамках *квitianской культуры* [12]. Методологически идея Рассасакина полностью аналогична предложению Синюка считать вытянутые погребения Донского региона самостоятельной – репинской – культурой.

От себя мы добавим лишь то, что спекулятивный концепт *постмариупольских древностей* необоснованно предполагает беспричинную *реминисценцию* (по выражению Н. Я. Мерперта [9, с. 50]) неолитических погребальных традиций спустя почти тысячу лет после их исчезновения. В связи с этим намного более продуктивно рассматривать вы-

тянутые погребения, как принципиально новое археологическое явление, действительно принадлежащее *своеобразной этнографической группе населения* (по вполне справедливому выражению А. Т. Синюка) – прото-тохарам.

При этом никто прежде не пытался рассмотреть вытянутые погребения, залегающие между Средним Стогом и Ямной (Репинской) культурой, как пример этнической миграции по Евразийскому степному мосту, причём конкретного индоевропейского народа. Намного проще было назвать безынвентарные, трудно атрибутируемые вытянутые погребения «архаичными» и списать их появление на «ренессанс» Неолита.

Зарождение вытянутого обряда погребения

В каталоге среднестоговских древностей, составленном Н. С. Котовой, нам удалось обнаружить лишь одно вытянутое (на северо-восток – II гр. Иванобурга) погребение – № 1 Игреньского могильника (в городской черте Днепропетровска), сопровождавшееся типичной среднестоговской керамикой [7, с. 46]. Таким образом, погребение можно датировать в широком диапазоне 5480-5210+/-70 л. н. [7, с. 31,81,87].

Главной особенностью Игреньского могильника следует считать смешанный расовый состав погребённых. В пог. 18 погребена женщина прото-европеидного антропологического типа, характерного для всего степного населения Причерноморья. Напротив, мужские черепа Игреньского могильника (пог. 2, 3, 5), являют средиземноморский антропологический тип, присущий трипольскому населению [7, с. 130].

Таким образом, Игреньский могильник демонстрирует бесспорный факт физического проникновения мигрантов из ареала земледельческих культур *Старой Европы* (в первую очередь, из Триполья) в Причерноморские степи, что так же подтверждается импортной трипольской

керамикой в IV слое Стрильчей Скелы, синхронном Среднему Стогу II [7, с. 31].

В силу этого Игреньский могильник становится искомым антропологическим и археологическим доказательством правильности как таковой методологической модели разрешения всей индоевропейской проблемы, которую отстаивали В. А. Сафронов и К. Ренфрю с присоединившимся к ним позднее Дж. Мэллори. Все они говорили о *расшиатывании земледельческого уклада* в Старой Европе [16, с. 126], в результате чего *где-то в середине IV тыс. до н.э.* часть оседлого трипольского населения (средиземноморского облика) мигрирует с запада в украинские степи, и именно в силу этого *сдвига в сторону пасторализма* [13, с. 25] индоевропейцы – коренные земледельцы лёссовой полосы Старой Европы – оказываются на просторах Евразийских степей и начинают вести кочевой образ жизни – тот самый, который им приписывают сторонники курганной (степной) гипотезы.

Оказавшись в инородной культурной среде Среднего Стога II, мигранты из ареала Триполья вырабатывают для культурной и этнической самоидентификации специфический обряд погребения – вытянуто на спине без инвентаря, который они бережно пронесли от Игреньской переправы на Днепре через Иванобург, Дронику, Быково, Лопатино и Ботай до самого Кэвригуля в бассейне Тарима.

Часть трипольских мигрантов в период 3530-3400 гг. до н. э. расселилась по Днепру и на восток до Северского Донца (район Луганска). В результате смешения с насельниками Деревской культуры уже на следующем историческом этапе формируется специфическая *квитянская культура* (по эпонимному памятнику в балке Квитяной ниже Днепропетровска), характеризующаяся вытянутыми погребениями под каменными закладками и датируемая Трипольем CI-II [12, с. 146, 159, 163, 171].

Собственно рождение квитянской традиции мы наблюдаем уже в Игрень-

ском могильнике – погребение 1 (II гр. Иванобурга) совершено под каменной закладкой из крупных плит [7, с. 46]. Вытянутое на запад (III гр. Иванобурга) погребение Игрень-7 таких плит не содержало, но относится уже к новой, полностью сформировавшейся Квитянской культуре [12, с. 156, 160], и являет собою непрерывность развития ритуальной традиции мигрантов в месте её рождения.

Те носители вытянутого обряда, кто, не остановившись на Северском Донце и порвав связь с местом рождения своей погребальной традиции (Игреньским могильником), пошли далее на восток, в итоге вышли на Дон и Битюг.

Не возникает ли здесь противоречия между нашими прежними утверждениями, что тохары на Тариме – это брюннские брахицефалы, тогда как трипольские мигранты в Игрени – средиземноморские долихоцефалы?

Во-первых, в Степь мигрировали, по меньшей мере, три рода трипольцев. Все они практиковали вытянутое на спине трупоположение, но у каждого была своя пространственная ориентация (на В, С-В, З).

Во-вторых, мы однозначно можем утверждать, что прото-тохарами была только I Иванобургская группа мигрантов (Павловский 11/3; Дюнное I 19 и 20; Дрониха-5 и 7; Койсуг 5/38; Быково II 2/3; Лопатино I 31/1; Ботай-14) – с ориентацией на восток (юго-восток) – именно она, в конечном счёте, достигла Синцзяна. С другой стороны, мы не можем отрицать, что остальные группы носителей вытянутого обряда (включая носителей Квитянской культуры и Иванобурга-II и III) не говорили на прото-тохарском диалекте и не были индоевропейцами.

Наоборот, все три рода трипольских мигрантов составляли единое племя, в котором прото-тохарский был языком межродового общения. Именно поэтому мы предполагаем вполне мирное сосуществование I и II групп в районе Быково в период после прихода носителей северо-восточного обряда на места

обитания носителей восточного обряда (3130–2940 гг. до н.э.). Так же велика вероятность, что в Иванобурге III-я группа в период 3400–3260 гг. до н.э. мирно сосуществовала с последовательно сменявшимися друг друга I и II группами. Однако носители западной и северо-восточной ориентации в исторической перспективе оказались тупиковыми ветвями индоевропейской языковой семьи.

В-третьих, носители восточного обряда, вероятно, форсировав Днепр в районе Игрени, практически не задерживаясь здесь, ушли дальше на восток – на Дон. Именно поэтому мы обнаруживаем в Игрени только долихоцефалов, и не обнаруживаем брахицефалов 2-метрового роста.

Очевидно, что брахицефалы составляли лишь незначительную часть общего миграционного потока из ареала Триполья на Днепр. И именно они ранее и далее всех прочих трипольских мигрантов продвинулись на восток. Поэтому, принципиально допуская как таковую возможность дальних миграций из ареала Триполья до Днепра и далее – до Волги и Тарима, мы должны отыскивать следы присутствия прото-тохар именно в ареале Трипольской культуры. Это была их первая остановка после отделения от западной ветви индоевропейской языковой семьи.

Вместо заключения: прото-тохары в ареале Трипольской культуры

В начале текста исследования мы указали, что по совокупности генетических и антропологических данных будущие тохары должны были мигрировать в Синцзян из ареала культуры Ленгиль. Из того же ареала (из Моравии) брахицефальные кельты позднее начали свои миграции в западном направлении. Таким образом, культура Ленгиль должна рассматриваться как археологический эквивалент ещё не разделенной западной ветви индоевропейской семьи, включавшей будущих кельтов и тохар.

Соответственно, для доказательства тохарской теоремы требуется установить обстоятельства выделения прото-тохар из западной ветви семьи и их проникновения в ареал Триполья.

Восточной границей распространения культуры Ленгигель следует считать Львовскую область. Здесь обнаружены типичные поселения культуры Ленгигель – Звенигород и Колоколин. Ниже по Днестру уже начинался ареал культуры Триполья.

В период Триполье В I(1-2), радиоуглеродным методом датируемый 5805-5440+/-70 л. н. [7, с. 81], часть носителей культуры Ленгигель отрывается от материнского ареала и проникает на трипольское поселение Городница (Иваново-Франковская обл.) [22, с. 194], где обнаружена типичная ленгигельская белорасписная керамика [1, с. 272]. С момента отделения от материнской культуры Ленгигель эту группу западных индоевропейцев уместно именовать *прото-тохарами*.

Сохраняя и развивая свой язык, прото-тохары проживали в ареале Триполья на протяжении 1-2 ступеней среднего периода (по некалиброванным датам 3850-3500 гг. до н. э.) и объединили вокруг себя некоторое число местных ро-

дов. Новое племя в большинстве своём было составлено коренными трипольцами средиземноморского типа и лишь немногие были пришлыми брахицефалами 2-метрового роста. Однако именно язык последних служил для межродового общения внутри племени.

Около 3500 г. до н. э. это разнородное племя начало свою достаточно массовую миграцию в Степь, где в период Среднего Стога II (3530-3260 гг. до н. э.) мигранты из ареала Триполья обнаруживают своё присутствие в Игреньском могильнике. Именно здесь племя мигрантов принимает для себя вытянутый обряд труположения без инвентаря.

По существу, речь идёт о *корпоративной миграции*, по терминологии Е. Е. Кузьминой [8, с. 157], – поток индоевропейцев привлекает к участию в своём движении насельников культур, через ареал которых мигранты проходят. В данном случае прото-тохары вовлекли в свою миграцию коренных трипольцев и отчасти затерялись в их среде так, что их гены (mtHg H) и брахицефальный расовый тип обнаруживают себя только на Тариме.

Статья поступила в редакцию 17.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Украинской ССР. Т. 1 / гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: АН УССР, 1985. 568 с.
2. Гудименко И. В., Файферт А. В. Погребения эпохи энеолита – ранней бронзы грунтового могильника «Дюнное I» // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 245. С. 251-260.
3. Зайберт В. Ф. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 171-179.
4. Клейн Л. С. Миграции тохар в свете археологии // Stratum plus. 2000. № 2. С. 178-187.
5. Козинцев А. Г. Из Степи в пустыню: ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб, 2012. С. 122-126.
6. Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125-136.
7. Котова Н. С. Ранний Энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: ВНУ имени В. Даля, 2006. 328 с.
8. Кузьмина Е. Е. Арии: путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 557 с.
9. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 168 с.

10. Моргунова Н. Л. О культурном статусе и хронологии Репинского типа в Заволжье и Приуралье // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 585–591.
11. Моргунова Н. Л. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Краткие сообщения Института Археологии. Вып. 230. М.: Институт Археологии РАН, 2013. С. 5–23.
12. Рассмакин Ю. Я. Квитянская культура: история и современное состояние проблемы // *Stratum plus*. 2002. № 2. С. 117–177.
13. Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение Евразийских степей: вопросы хронологии // Вестник Древней истории. 2002. № 2. С. 20–31.
14. Рыкушина Г. В., Зайберт В. Ф. Предварительное сообщение о скелетных останках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 123–136.
15. Салларес Р. Языки, генетика и археология // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 122–133.
16. Сафронов В. А. Индоевропейские прародинны. Горький: Волго-Вятское изд-во, 1989. 398 с.
17. Сверчков Л. М. Археология Синцзяна // British Entertainment History Project. 2016. Vol. 3. № 11. P. 904–926.
18. Синюк А. Т. Избранные труды. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2014. 766 с.
19. Скоробогатов А. М., Смольянинов Р. В. Среднепалеолитические материалы в бассейне верхнего и среднего Дона // Российская Археология. 2013. № 2. С. 96–106.
20. Файферт А. В. Ранний этап ямной культуры эпохи бронзы Нижнего Подонья: дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2017. 436 с.
21. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2008. 270 с.
22. Энеолит СССР / отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1982. 360 с.
23. Adams D. O. The Position of Tocharian among Other Indo-European Languages // *The Journal of American Oriental Society*. 1984. Vol. 104. P. 395–402.
24. Anthony D. W. Tracking the Tarim Mummies: A Solution to the Puzzle of Indo-European Origins? // *Archaeology* (N.Y.). 2001. Vol. 54. № 2. P. 76–84.
25. Barros D. de P., Martiniano R., Kamm J. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // *Science. Supplementary Materials*. 2018. Vol. 360. P. 1420–1422.
26. Haak W., Patterson I., Rohland N. Massive Migration from the Steppe is a Source for Indo-European Languages in Europe [Электронный ресурс] // *Nature*. Vol. 522. URL: <https://www.nature.com/articles/nature14317>.
27. Li Ch. Analysis of Ancient Human Mitochondrial DNA from the Xiaohe Cemetery: Insights into Prehistoric Population Movements in the Tarim Basin, China [Электронный ресурс] // *BioMed Central Genetics*. 2015. Vol. 16. № 78. URL: <https://bmcmgenomdata.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12863-015-0237-5>.
28. Mair V. H. Mummies of the Tarim Basin // *Archaeology* (N.Y.). 1995. Vol. 48, № 2. P. 28–35.
29. Mathieson I. The Genomic History of Southeastern Europe // *Nature. Supplementary tab. 1*. 2018. № 555. P. 197–203.
30. Narasimhan V. M. The Genomic Formation of South and Central Asia // 2019. *Science. Supplementary materials. Data S 1*. Vol. 365. P. 997–1002.

REFERENCES

1. Artemenko I. I., ed. *Arheologiya Ukrainskoj SSR. T. 1* [Archeology of Ukrainian Soviet Socialist Republic. Vol. 1]. Kiev, Academy of Science of USSR Publ., 1985. 568 p.
2. Gudimenko I. V., Fajfert A. V. [Burials of the Eneolithic Age - Early Bronze Age of the Dyunnoye I Soil Burial Ground] // In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of Archeology Institute], 2017, no. 5, pp. 251–260.
3. Zajbert V. F. [Dynamics of the Interaction of Natural-ecological and Socio-economic Factors in the Process of the Formation of a Productive Economy in the Steppes of Kazakhstan]. In: Masson V. M., ed. *Vzaimodejstvie kočevykh kul'tur i drevnih civilizacij* [Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1989, pp. 171–179.
4. Kley L. S. [Tocharian Migration in Archeology]. In: *Stratum plus*, 2000, no. 2, pp. 178–187.
5. Kozincev A. G. [From the Steppe to the Desert: Early Caucasians of Eastern Turkestan according to

- Genetics and Anthropology Data]. In: *Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizatsiyami. Kn. 1* [Cultures of Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations. Vol. 1], St. Petersburg, 2012, pp. 122–126.
6. Kozincev A. G. O [About the Early Migrations of Europeoids to Siberia and Central Asia (In Connection with the Indo-European Problem)]. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2009, no. 4 (40), pp. 125–136.
 7. Kotova N. S. *Rannij Eneolit stepnogo Podneprov'ya i Priazov'ya* [Early Eneolithic of the Dnieper and Azov steppe]. Lugansk: East Ukrainian National University named after V. Dal' Publ., 2006. 328 p.
 8. Kuz'mina E. E. *Arii: put' na yug* [Ariars: The Way to the South]. Moscow, Letnij sad Publ., 2008. 557 p.
 9. Merpert N. Ya. *Drevnejšie skotovody Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya* [The Most Ancient Pastoralists of the Volga-Ural Interfluvium]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 168 p.
 10. Morgunova N. L. [On the Cultural Status and Chronology of the Repinsky Type in the Volga and Urals]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 16, no. 3 (2), pp. 585–591.
 11. Morgunova N. L. [Radiocarbon Chronology of the Pit Culture of the Volga-Ural Interfluvium]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii. Vyp. 230* [Brief reports of the Institute of Archeology. Is. 230.]. M., Institut Arheologii RAS Publ., 2013. P. 5–23.
 12. Rassamakin Yu. Ya. [Kvityanskaya Culture: History and Current State of the Problem]. In: *Stratum plus*, 2002, no. 2, pp. 117–177.
 13. Renfry K. [Indo-European problem and the development of the Eurasian steppes: questions of chronology]. In: *Vestnik Drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History], 2002, no. 2, pp. 20–31.
 14. Rykushina G. V., Zajbert V. F. [Preliminary Report on the Skeletal Remains of People from the Eneolithic Settlement Botai]. In: *Bronzovyy vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Bronze Age of the Ural-Irtysh interfluvium]. Chelyabinsk, 1984. P. 123–136.
 15. Sallares R. [Languages, Genetics and Archeology]. In: *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History], 1998, no. 3, pp. 122–133.
 16. Safronov V. A. *Indoevropejskie prarodiny* [Indo-European Ancestral Homelands]. Gor'kij, Volgo-Vyatskoe Publ., 1989. 398 p.
 17. Sverchkov L. M. [Archeology of Xinjiang]. In: *British Entertainment History Project*, 2016, vol. 3, no. 11, pp. 904–926.
 18. Sinyuk A. T. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2014. 766 p.
 19. Skorobogatov A. M., Smol'yaninov R. V. [Srednestogovsk Materials in the Basin of the Upper and Middle Don]. In: *Rossiyskaya Arheologiya* [Russian Archeology], 2013, no. 2, pp. 96–106.
 20. Fajfert A. V. *Rannij etap yamnoj kul'tury epohi bronzы Nizhnego Podon'ya: dis. ... kand. ist. nauk. T. 1* [Early Stage of the Yamnaya Culture of the Bronze Age of the Lower Don Region: PhD thesis in Historical sciences. Vol. 1]. Rostov-na-Donu, 2017. 436 p.
 21. Child G. *Arijcy. Osnovateli evropejskoj civilizatsii* [Aryans. The Founders of European Civilization]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2008. 270 p.
 22. Masson V. M., Merpert N. Ya., eds. *Eneolit SSSR* [Eneolithic USSR]. Moscow, Academy of RAS of USSR Publ., 1982. 360 p.
 23. Adams D. O. The Position of Tocharian Among Other Indo-European Languages. In: *The Journal of American Orient Society*, 1984, vol. 104, pp. 395–402.
 24. Anthony D. W. Tracking the Tarim Mummies: A Solution to the Puzzle of Indo-European Origins? In: *Archaeology (N.Y.)*, 2001, vol. 54, no. 2, pp. 76–84.
 25. Barros D. de P., Martiniano R., Kamm J. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia. In: *Science. Supplementary Materials*, 2018, vol. 360, pp. 1420–1422.
 26. Haak W., Patterson I., Rohland N. Massive Migration from the Steppe is a Source for Indo-European Languages in Europe. In: *Nature*, vol. 522. Available at: URL: <https://www.nature.com/articles/nature14317>.
 27. Li Ch. Analysis of Ancient Human Mitochondrial DNA from the Xiaohu Cemetery: Insights into Prehistoric Population Movements in the Tarim Basin, China. In: *BioMedCentral Genetics*, 2015, vol. 16, no. 78. Available at: <https://bmccgenomdata.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12863-015-0237-5>.
 28. Mair V. H. Mummies of the Tarim Basin. In: *Archaeology (N.Y.)*, 1995, vol. 48, no. 2, pp. 28–35.

29. Mathieson I. The Genomic History of Southeastern Europe. In: *Nature. Supplementary tab. 1*, 2018, no. 555, pp. 197–203.
30. Narasimhan V. M. The Genomic Formation of South and Central Asia. In: *Science. Supplementary materials. Data S 1*, 2019, vol. 365, pp. 997–1002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Константин Александрович – кандидат философских наук, преподаватель философии и обществознания Тверского казачьего технологического института;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin K. Alekseev – Cand. Sci. (Philosophy), Lecturer of philosophy and sociology, Tver Cossack Institute of Technology;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев К. А. Ранние миграции индоевропейцев через степи Евразии: к разрешению тохарской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 55–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-55-68

FOR CITATION

Alekseev K. A. Early migrations of Indo-Europeans across the steppes of Eurasia: resolving the Tocharian problem. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 55–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-55-68

УДК 72.03.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-69-82

ТРОИЦКИЙ МИХАЙЛО-КЛОПСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ – ОДНА ИЗ ПРОМОСКОВСКИХ ОБИТЕЛЕЙ НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Соловьев К. А.*Московский государственный строительный университет**(Национальный исследовательский университет)**129337, Москва, Ярославское ш., д. 26, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Провести историческое исследование о роли Новгородского Михайло-Клопского монастыря в истории позднего периода Новгородской Республики и в борьбе промосковской партии со сторонниками политической независимости Новгорода. Это может приоткрыть некоторые историко-политические аспекты борьбы молодого Московского Государства за своё политическое влияние в Новгородской земле на протяжении XV столетия.

Процедура и методы. В процессе исследования автор поднимает серьёзный вопрос, связанный с историческим и политическим влиянием Михайло-Клопского монастыря на борьбу промосковской партии Новгорода и на развитие политической ситуации в поздней Новгородской республике. В работе применены традиционные методы исторического и культурологического исследования, а также методология теории цивилизационного исследования, поскольку второй важный аспект исследования – это влияние архитектурного ансамбля Клопского монастыря на укрепление промосковского политического влияния в Новгородских землях, т. к. архитектурные образы играли в XVI столетии важную идеологическую роль.

Результаты. Выявлено, что Троицкий Михайло-Клопский монастырь играл особую роль в период присоединения Новгорода к Московскому государству, и особенно в эпоху правления царя Иоанна Грозного. Об этом говорит нам весь архитектурный облик обители и особенно архитектура Троицкого собора.

Теоретическая и/или практическая значимость. Приведённый комплекс архивных материалов подтверждает, что Клопская обитель не только была центром промосковской партии в Новгороде, но являлась важным идеологическим центром, поскольку архитектурные образы очень часто в мировой истории подтверждают политические влияния.

Ключевые слова: Новгородская республика, Троицкий Михайло-Клопский монастырь, Пр. Михаил Клопский, князь Константин Дмитриевич, Троицкий Собор Клопского монастыря, археолог В. Л. Янин, Н. Н. Кузьмина, Л. Е. Красноречьев

TRINITY MIKHAILO-KLOPSKY MONASTERY AS ONE OF THE PRO-MOSCOW CLOISTERS OF THE NOVGOROD STATE

K. Soloviev*Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)**26 Yaroslavl'skoe shosse, Moscow 129337, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct a historical study on the role of the Novgorod Mikhailo-Klopsky Monastery in the history of the late period of the Novgorod Republic and during the struggle of the pro-Moscow party

with the supporters of Novgorod's political independence; to reveal historical and political aspects of the struggle of the young Moscow State for its political influence in the Novgorod land throughout the fifteenth century.

Methodology. Special attention is paid to an issue related to the historical and political influence of the Mikhailo-Klopsy monastery on the struggle of the pro-Moscow party of Novgorod and on the development of the political situation in the late Novgorod Republic. The research was conducted using traditional methods of historical and cultural research, as well as the methodology of the theory of civilizational research, since the second important aspect of the study is the influence of the architectural ensemble of the Klopsy monastery on the strengthening of pro-Moscow political influence in the Novgorod lands, as architectural images played an important ideological role in the sixteenth century.

Results. The Trinity Mikhailo-Klopsy Monastery played a special role during the period of Novgorod's accession to the Moscow state and, especially, during the reign of Tsar John the Terrible, as told by the entire architectural appearance of the monastery and the architecture of the Trinity Cathedral especially.

Research implications. The findings confirm that the Klopsy monastery was not only the center of the pro-Moscow party in Novgorod, but an important ideological center, since architectural images very often confirm political influences in world history.

Keywords: Novgorod Republic, Trinity Mikhailo-Klopsy Monastery, Pr. Mikhail Klopsy, Prince Konstantin Dimitrijevic, Trinity Cathedral of the Klopsy Monastery, archaeologist V. L. Yanin, N. N. Kuzmina, L. E. Krasnorechiev

Введение

Данная статья посвящена истории и архитектуре одного из малоизвестных монастырей Новгородского государства – Троице-Михайло-Клопского мужского монастыря.

Необходимо отметить, что первые летописные свидетельства о существовании в Новгородской земле монастырской жизни датируются XII столетием. Так, например, история основания Антониева монастыря связана с именем его основателя прп. Антония Римлянина и начинается с 1106 г. н. э., «когда была построена первая деревянная Церковь»¹. Согласно Новгородской первой летописи «...в 1117 г. игумен Антон заложи церковь камяну святыя Богородицы монастырь»². Из этой же летописи известно и о времени закладки Георгиевского собора Новгородского Юрьева монастыря. «В 1119 г. игуменом Кириаком и Новгородским князем Всеволодом Мстиславичем заложен Георгиев-

ский собор»³. Это очень интересное свидетельство того, как новгородские князья пытались укрепить свой политический авторитет в условиях достаточно сильного ограничения княжеской власти в Новгородской земле. «Типологически русский православный монастырь мог быть основан как результат нескольких деяний, православным подвижником на месте своих подвигов, на средства боярина, князя или богатого купца...» [6], но т. к. Новгородская республика была олигархическим государством местной боярско-купеческой аристократии, особый интерес для исследователей монастырской культуры представляют те монастыри Новгорода, которые считались проводниками чуждой Новгороду промосковской политики. Среди подобных обителей можно отметить Сырков Владимирский монастырь, Спасо-Преображенский Варлаамов Хутынский монастырь, Троицкий Михайло-Клопский монастырь.

¹ Отдел письменных источников Новгородского государственного музея (ОПИ НГМ). КП. № 30056-33/Кр – 18, Л. 12-12 об.

² Новгородская первая летопись (НПЛ). С. 20–21.

³ Амвросий (Орнатский А. А.) История российской иерархии // Собрания Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. М.: Синодальная типография, 1815. С. 774–775.

В процессе работы над статьёй автор в качестве документальной основы опирался на большой пласт документов, хранящихся в новгородских архивах, в частности в Государственном архиве Новгородской области (ГАНО), также использовались документы Российского Государственного архива древних актов (РГАДА), Российской Государственной библиотеки (РГБ), документы новгородских летописных сводов, которые касаются политической, хозяйственной и строительной деятельности Троицкого Михайло-Клопского монастыря. Данные документы имели и общегосударственное, и местное новгородское значение для развития этой обители.

В процессе изучения архивных документов автором было выявлено несколько важных проблем. Прежде всего, это касается разночтений в вопросе основания обители и освящения, или переосвящения, монастырского собора, возведённого по приказу царя Иоанна Грозного. В своей работе автор придерживался историографического анализа представленных документов по истории Клопского монастыря и применил так называемый метод «наследования культуры», который обычно используется историками и культурологами, занимающимися проблемами развития монастырской культуры. Этот метод важен для понимания различных процессов духовного, политического и исторического порядков исследования монастырской культуры и её развития в заявленных хронологических рамках.

Михайло-Клопская обитель одна из самых малоизвестных обителей в Новгородской земле. Основана она была в самом начале XV столетия. Это интересный пример того, как русские монастыри играли не только духовную, но и политическую роль в деле создания единого Русского государства. Подобная роль была присуща монастырям, основанным волей митрополита или Великого князя. В данном случае прослеживается явное сход-

ство возникновения Троицкой обители в Новгороде и Высокопетровского монастыря в Москве [10].

Каких-либо монографий, посвящённых конкретно этой обители, не существует, поэтому данная работа послужит началом серьёзного научного исследования этой малоизвестной новгородской обители.

Среди значимых научных исследований, связанных с историей Троицкого Михайло-Клопского монастыря, можно отметить монографию Л. А. Дмитриева «Повести о житии Михаила Клопского» [1], изданную в 1958 г. Не менее интересным представляется научное исследование Л. А. Секретаря «Монастыри Великого Новгорода и окрестностей» [5], вышедшее в 2011 г. Данные исследования охватывают только определённые периоды развития монастырей Великого Новгорода. Так, И. А. Дмитриев в своей монографии исследует жизнеописание прп. Михаила Клопского и очень поверхностно касается истории возникновения и архитектуры Клопского монастыря. Работа Л. А. Секретаря в целом посвящена истории Новгородских монастырей, и Михайло-Клопскому монастырю отведён небольшой раздел. Безусловно, ещё одно интересное исследование, посвящённое прп. Михаилу Клопскому, – это статья В. Л. Янина «К вопросу о происхождении Михаила Клопского» [8], опубликованная ещё в 1979 г. Именно в этой работе известный археолог доказывал, что он может быть сыном Боброка.

И в этом смысле подготовка серьёзного научного монографического исследования, касающегося этих вопросов, может быть важным вкладом в исследование русских монастырей и монастырской культуры.

История и архитектурные особенности Свято-Троицкого Клопского монастыря

Свято-Троицкий Клопский монастырь был основан на правом берегу реки Веряжа, недалеко от озера Ильмень.

Существует предание, что наименование «клопский» появилось из-за того, что окружаемая рекой и Безымянным ручьём местность, на которой стоит монастырь, имеет форму клопа.

Исследователи расходятся во мнении о времени основания обители. По одной из версий, обитель основана в 1408 г., когда в Новгород прибыл подвижник Михаил, имя которого стало тесно ассоциироваться с обителью: «Прииде преподобный Михаил Клопский, сродник великих князей Московских в Великий Новгород, с Москвы...»¹. Однако выдающийся историк В. О. Ключевский, а вслед за ним и знаменитый советский и российский археолог В. Л. Янин считают, что Клопская обитель была основана в 1412 г. «Дело в том, что все новгородские летописи датируют этим временем возведение первого деревянного Троицкого храма»². Этот документальный факт не вызывает сомнений.

Монастырь изначально был основан как общежительный, хотя в начале XV в. ещё многие православные монастыри были привержены особножительному «своекоштному» уставу. Помимо деревянного храма в обители существовали и другие деревянные постройки: игуменские деревянные кельи, братские кельи, трапезная [1]. Именно факт упоминания братской трапезной среди монастырских построек говорит нам о том, что монастырь в начале XV в. жил по общежительному уставу.

Весьма интересной особенностью Клопской обители является то, что прославилась она не подвижнической жизнью основателя, мы даже точно не знаем, кто был её первым строителем, не явленной Чудотворной Иконой, а подвижником, который появился в обители только через несколько лет после образования монастыря.

В одной из неопубликованных новгородских летописей была обнаружена

дата смерти Михаила Клопского – январь 1458 г. Из его жития известно, что он подвизался в обители 44 года. Следовательно, начало его жизни в обители относится к 1414 году³. В этот период игуменом монастыря был старец Феодосий, который, как и прп. Михаил Клопский, не был новгородцем⁴. Таким образом, мы можем говорить о том, что оба старца были единомышленниками, сторонниками Московского Великого князя.

Это хорошо видно из упоминания о приходе в обитель Новгородского посадника. «Приехал в монастырь посадник Иван Васильевич Немир. Спрашивает его Михаил: “Чего ездешь?”. Посадник ему отвечает: “Летом придёт на нас князь великий, хочет подчинить себе землю нашу, но у нас есть князь Михаил Литовский”. И ответил ему Михаил: “То у вас не князь – грязь! Пошлите лучше послов к Великому князю и бейте ему челом. А не умолите князя, придёт он с силами к Новгороду, и не будет вам помощи от Бога, станет князь великий в Бурегах и пустит силу свою по Шелоне и многих новгородцев покорит: одних в Москву уведёт, других казнит, а с иных откуп возьмёт. А Михаил князь вас бросит, и помощи вам от него не будет”» [2].

В связи с этим очень интересен вопрос: а случайно ли пришёл прп. Михаил в Троицкий Клопский монастырь, случайно ли через несколько лет брат Великого Московского князя Василия I Дмитриевича – Константин Дмитриевич – узнал в преподобном своего сродника? Кстати, Житие прп. Михаила Клопского отчётливо свидетельствует о промосковской ориентации старца.

Противники Московского князя – клан бояр Лошинских, архиепископ Евфимий, посадник Григорий Посахно – весьма враждебно относились к обители. «Сообщения Жития о “междоусобной брани” монастырской братии и новгородских бояр за земельные владения и

¹ НЛ. С. 252.

² НПЛ. С. 403

³ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 1418. Л. 179.

⁴ НЛ. С. 138.

рыбные ловли отражают сложное экономическое положение Клопской обители в республиканский период» [5].

Отметим тот факт, что преподобный и игумен Феодосий стали инициаторами возведения в монастыре первого каменного храма. Ктиторм обители стал младший брат Великого Московского князя Василия I – князь Константин Дмитриевич. Он дважды приезжал в обитель. Во время своего первого посещения он вдруг «узнаёт» преподобного Михаила Клопского: «А се Михайла, Максимов сын, роду княжеска» [1].

Согласно мнению большинства историков, Михаил Клопский принадлежал к роду Рюриковичей и был сыном Анны Ивановны, сестры Дмитрия Донского. В. Л. Янин, анализируя текст синодика Клопского монастыря, выдвинул гипотезу, что «...сыном Дмитрия Боброка и княжны Анны Ивановны был святой Михаил Клопский» [8, с. 52–61]. Эту гипотезу постарался уточнить А. В. Кузьмин, по мнению которого Михаил Клопский скорее был внуком Дмитрия Боброка. Отца Михаила Клопского звали Максим, «...мог быть сыном Дмитрия, не попавшим в родословцы, поскольку род от него и его сына не пошёл» [4, с. 447–494].

Князь Константин Дмитриевич, находясь в ссоре со своим братом, жил в Новгороде в 1419–1420 гг. Во время второго посещения обители игумен Феодосий и преподобный Михаил обращаются к князю с просьбой спонсировать возведение в монастыре каменного храма в память о родителях Михаила Клопского. Это монастырское предание, нашедшее своё отражение в Житии, согласуется с новгородскими летописями, в которых упоминается, что «в 1419 г. прибыл князь Константин Дмитриевич в Новгород на пригороды»¹.

Возведённый в течение 1419 г. каменный храм был первым в монастыре не деревянным сооружением. В качестве образца была взята церковь св. Николы в

Николо-Лядском монастыре, построенная в 1364 г. Храм был выстроен за один строительный сезон в 1419 г. и в «...летописях упоминается короткий срок сооружения храма – 60 дней»².

В июле 1988 г. археологическая экспедиция ЛГУ под руководством В. А. Булкина обнаружила фрагмент южной стены храма [5]. Стена шла параллельно южной стене ныне существующего собора. До 1569 г. Троицкая церковь оставалась единственным каменным сооружением Троицкого Клопского монастыря. Однако после 1478 г., когда Новгород вошёл в состав Русского государства, экономическое положение обители значительно улучшилось.

Особое внимание монастырю уделяет внук Великого князя Иоанна III, первый русский царь Иоанн Грозный. В описи 1617 г. упоминается жалованная грамота Ивана Грозного за 1560 г., в которой перечисляются вотчины монастыря по реке Шелони и в Водской пятине и названо также и общее количество земельных владений – 89 обож. Это не так много. «Монастырь ещё не входил в число наиболее крупных монастырей, но и не был бедной обителью»³. После 1560 г. и до 1580 г. для Михайло-Клопского монастыря наступает «золотое» время. Именно в XVI столетии в обители складывается тот архитектурный ансамбль, который мы можем видеть и в настоящее время. Ядро его составляют два каменных храма.

В 1569 г. каменная Троицкая церковь 1419 г. по велению Ивана Грозного была разобрана. На её месте началось возведение огромного собора (рис. 1), на который царь Иван Грозный пожаловал 50 рублей⁴.

² НПЛ. С. 369.

³ РГАДА. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 7. Л. 202.

⁴ Прим. автора: огромные деньги по тому времени.

Источник: фото из собрания К. А. Соловьёва.

Рис. 1 / Fig. 1. Троицкий собор Троицкого Михайло-Клопского монастыря / Trinity Cathedral of the Trinity Mikhailo-Klopsky monastery.

В 1581 г. войска польского короля Стефана Батория захватили Старую Руссу и Ильменское Поозёрье и остановились вблизи Новгорода¹. Это привело к тому, что Клопский монастырь потерял 22 бежи своих владений и новый Троицкий собор в 1582 г. стоял неосвящённым².

В 1583 г. по царскому Указу обители были пожалованы дворцовые земли в Поозёрье. В 1632 г. монахи Михайло-Клопского монастыря подали прошение царю Михаилу Фёдоровичу на выделение средств на ремонт монастырских построек. Деньги были выделены, и монастырь произвёл необходимые ремонтно-строительные работы³.

В 1661–1662 гг. член австрийского посольства барон Августин Мейерберг

зарисовал монастырь со стороны озера Ильмень (рис. 2).

До сих пор это одно из самых точных изображений обители второй половины XVII столетия.

В XVIII в. на южной стене Троицкого собора неизвестный автор зафиксировал облик обители (рис. 3). Однако монастырь показан на рисунке с северной стороны от Безымянного ручья. Автор данной композиции запечатлел самый яркий и интересный вид монастыря.

До 1764 г. Клопский монастырь сохранял за собой земельные владения в Шехонской и Водской пятинах⁴, в Новгороде имел подворье, что говорит нам о его статусе в это время. Далеко не все пригородные монастыри имели в XVII–XVIII вв. свои городские подворья [7]. После секуляризации церковных владений монастырь был записан в третий класс и «... стал получать из казны годовые выплаты в размере 423 рублей 78 коп»⁵.

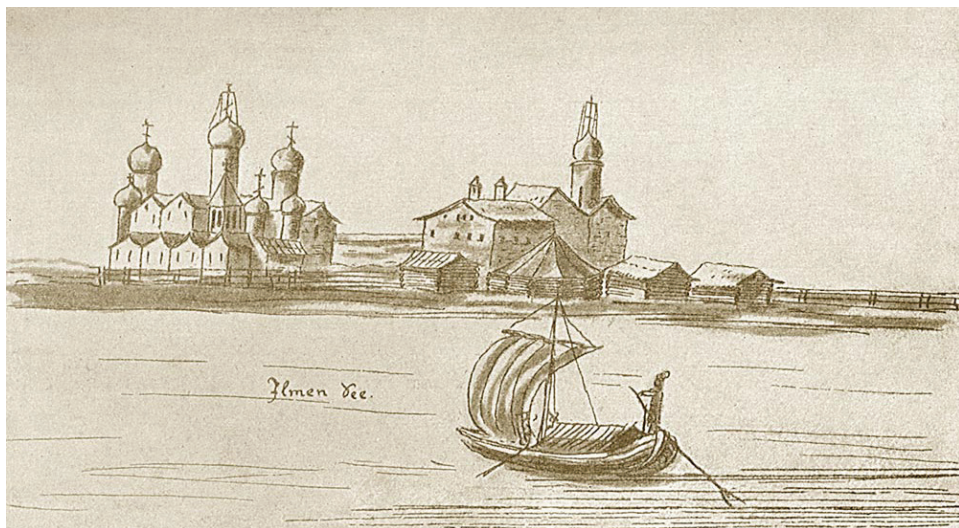
¹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 262–263.

² Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. VIII. Приложение 3. С. 3–17.

³ Макарий (Миролюбов) архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М.: Типография В. Готье, 1860. 477 с.

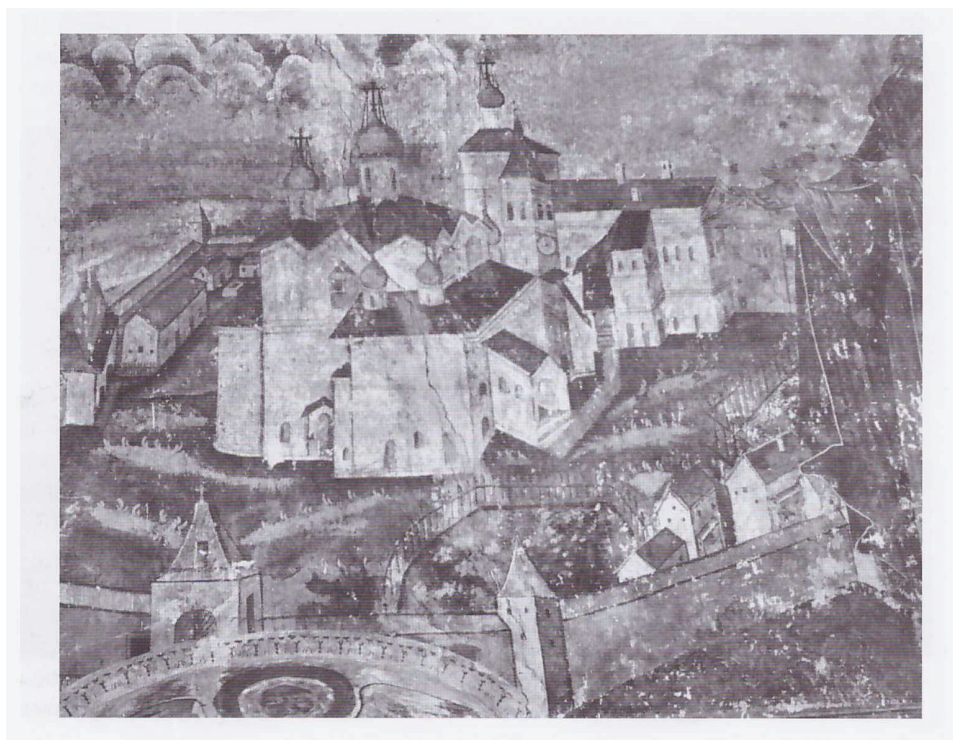
⁴ ГАНО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 1. 1740. Л. 7–17.

⁵ ОПИ НГМ. КП № 11796. Л. 5 об. – 6.

Источник: Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей.

Рис. 2 / Fig. 2. Рисунок Августина Мейерберга / Drawing by Augustine Meyerberg

Источник: [5].

Рис. 3 / Fig. 3. Изображение Михайло-Клопского монастыря на южной стене Троицкого собора / The image of the Mikhailo-Klopsky monastery on the southern wall of the Trinity Cathedral.

Незадолго до революции в 1913 г. Троицкий Михайло-Клопский мужской монастырь был преобразован в женский.

В 1804–1805 гг. в обители завершилось возведение колокольни, что визуально завершило создание архитектурного монастырского ансамбля. К сожалению, при игумене Герасиме (Гайдукове) (1806–1817 гг.) архитектурный ансамбль монастыря был кардинально перестроен. К колокольне был пристроен новый братский корпус, реконструированы Троицкий собор и Никольский трапезный храм¹. В итоге Троицкий собор, после перестройки южных приделов, разборки колокольни XVI столетия и северных приделов утратил богатство и сложность объёмно-пространственной композиции.

К концу XIX в. сформировался новый художественный образ монастырского ансамбля с преобладанием классических и неоклассических архитектурных форм. Этот новый художественный образ является в настоящий момент очень важной проблемой современного возрождения монастырского ансамбля.

Михайло-Клопский монастырь был закрыт после революции одним из первых – в 1920 г. Богослужения в Троицком соборе проводились до 1932 г., и для «обслуживания храма» в монастыре проживали сёстры в количестве 10 человек. После закрытия собора и окончательно закрытия обители в 1932 г. Троицкий собор был приговорён к разборке².

Однако благодаря музейным сотрудникам и учёным Троицкий собор, Никольская трапезная церковь, колокольня, новый братский корпус и другие здания были спасены. В 1934 г. Троицкий собор был отнесён к памятникам высшей категории, а Никольская Трапезная церковь – к памятнику первой категории.

Монастырь сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны, но благодаря Л. Е. Красноречьеву в 1960-х гг. и

реставрационным работам 1980-х гг. под руководством Н. Н. Кузьминой архитектурный ансамбль обители, за исключением Никольской трапезной церкви, был законсервирован и спасён от окончательного разрушения. С 2001 г. по благословению Новгородского и Старорусского архиеп. Льва началось возрождение обители.

Рассматривая архитектуру Клопского монастыря, прежде всего, необходимо остановиться на двух памятниках, возрождение которых приведёт к тому, что будет восстановлена объёмно-планировочная структура всего монастырского ансамбля.

Во второй и в третьей Новгородских летописях мы встречаем несовпадения в датах возведения Троицкого собора³. Однако большинство современных исследователей, как отмечает Л. А. Секретарь, ориентируются на НЗЛ, в которой под 1562 г. сообщается о разборке старого каменного храма и закладке нового повелением Ивана Грозного, пожаловавшего на строительство 50 рублей из собственной казны [5]. В этой же летописи игуменом обители называется игум. Корнилий, который периодически появляется в различных документах 1583, 1595 и 1599 гг. На эту особенность обратил внимание Л. Е. Красноречьев, который придерживался мнения, что более информативна Н2Л, где закладка нового собора отнесена к 1569 г. [3, с. 17]. К тому же в этой летописи правильно назван игумен обители – Ефрем Шумляй, который в 1560 г. был переведён из Николо-Островского монастыря⁴.

Есть сведения о том, что царь мог лично принимать участие в закладке нового собора. «В ноябре 1568 г. царь из Новгорода отправился в Псков, его путь пролегал через Веряжский ям, который находился рядом с Клопским монастырём, там царь мог останавливаться»⁵.

¹ ОПИ. НГМ. КП. № 11796. Л. 4–4 об.

² Государственный архив Новгородской области (ГАОНО). Ф. Р-138. Оп. 3. Д. 95. Л. 1, 53, 57.

³ Новгородская летопись (НЛ). С. 99, 335.

⁴ НЛ. С. 92.

⁵ НЛ. С. 96.

В писцовой книге за 1582 г. сказано, что новый собор в Клопском монастыре стоит не освящённый. Это могло быть связано с тем, что его не успели завершить до 1581 г., когда войска Стефана Батория стояли вблизи Пскова. Однако автор данной работы предполагает, что возможен был иной вариант. Храм успели освятить, но в 1581 г. он был осквернён польскими оккупантами и позднее его пришлось переосвящать.

Троицкий собор имеет большое количество приделов. Это типично московская традиция. Посвящение приделов собора святым Иоанну Предтечи, Иоанну Лествичнику, Фёдору Стратилату, т. е. святым, соименным царю и его детям, говорит нам о том, что царь своими средствами принимал участие в сооружении храма.

Собор представляет собой уникальный памятник архитектуры времён Ивана Грозного. Своды основного объёма собора коробовые, храм хорошо сохранил конструктивную основу XVI в. Ближайшим аналогом этого собора является церковь Никиты Мученика в Новгороде.

До XIX столетия Троицкому собору была присуща объёмно-пространственная композиция. К центральному объёму храма с севера и юга примыкали сдвоенные приделы, с юго-запада – колокольня с шатровым верхом и с запада – паперть. Особенностью храма является трёхглавое завершение центрального объёма храма. Интересна также разнообразная конструкция сводов приделов храма (южные приделы имели ступенчатые, а северные – крестово-вспарушенные своды). В целом вся композиция собора и его архитектурные особенности говорят о том, что этот храм относится к московскому типу храмового зодчества второй половины XVI столетия. Тип многопрестольного храма получает своё развитие именно в этот период времени в эпоху царствования Ивана Грозного.

Ещё одной особенностью собора являются итальянские влияния в его архитектуре, что в целом не характерно для традиционной новгородской архитектуры. В частности, речь идёт о круглых окнах – люкарнах, расположенных в южном приделе собора. Подобные люкарны присущи венецианской архитектуре конца XV – второй половины XVI вв.

Никольская трапезная церковь является также одной из интересных архитектурных доминант обители (рис. 4). В трудах дореволюционных историков часто можно встретить широкий разброс мнений, касающихся даты её возведения. Указывают либо период правления Ивана Грозного, либо 1632 г. Иногда она упоминается и вовсе без даты – по причине отсутствия в монастырских архивах соответствующих сведений¹. Е. А. Турова и В. А. Булкин высказывали предположение, что трапезная с церковью были построены в 1530–1540 гг. Д. А. Петров и Э. А. Гордиенко склоняются к более поздним срокам – к 1560-м гг. Наконец, Л. Е. Красноречьев настаивает на 1570-х гг. [3, с. 17]. Дата 1632 г. не может быть принята в качестве основной в связи с тем, что «... церковь с трапезою каменная Никола Чюдотворец упоминается в Описи Клопского монастыря 1581–1582 и в Описи Новгорода 1617 г.» [9, с. 94]. К тому же в Описи 1581–1582 гг. Троицкий собор назван новопоставленным, а трапезная палата таковой не упоминается. Таким образом, можно говорить о том, что Никольская трапезная церковь возводилась несколько ранее, чем Троицкий собор, либо освящена была ранее, чем соборный храм. Также очень важно, что Трапезная церковь Троицкого Михайло-Клопского монастыря обнаруживает интересное стилистическое сходство с Покровской трапезной церковью Троицкого Александро-Свирского монастыря (рис. 5).

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Д. 1276. Оп. 9. Д. 826. Л. 2.

Источник: фото из собрания К. А. Соловьёва.

Рис. 4 / Fig. 4. Никольская Трапезная Церковь Троицкого-Михайло-Клопского монастыря / St. Nicholas Refectory Church of the Trinity-Mikhailo-Klopsky monastery.

Источник: Сайт Русской церкви.

URL: https://russian-church.ru/viewpage.php?cat=petersburg_area&page=35.

Рис. 5 / Fig. 5. Покровская Трапезная церковь Троицкого Александро-Свирского монастыря / Pokrovskaya Refectory Church of the Trinity Alexander-Svirsky Monastery.

Итак, в сравнении с другими памятниками культовой архитектуры Новгородской земли трапезная церковь Клопского монастыря стилистически ближе архитектурным традициям XVI столетия, нежели архитектурным традициям середины XVII в.

Заключение

Конец XIV – первая половина XV вв. были временем упадка Новгородской независимости. Именно поэтому политическая элита Новгородской республики пыталась лавировать между интересами Москвы и её противников. В XIV в. были попытки заигрывать и заручиться поддержкой Великого Княжества Тверского в противостоянии с Московским Государством. Позднее взоры новгородской олигархии обратились на Великое Княжество Литовское Русское и Жмудское. К сожалению, в это противостояние втягивалась и Церковная власть.

В данной работе автор стремился показать, опираясь на некоторые архивные документы, как происходило это противостояние.

После присоединения Великого Новгорода к Москве Московские государи использовали древние пригородные Новгородские монастыри для укрепления своего политического и идейного влияния. В частности, этим можно объяснить тот факт, какое большое внимание уделял этому вопросу царь Иоанн Васильевич. В усилении духовно-политического влияния в т. ч. и архитектура играла большую идеологическую роль.

Вспомним самый первый памятник Московской архитектуры в Новгороде – храм Бориса и Глеба (1472–1477 гг.). Возведение в Свято-Троицком Михайло-Клопском монастыре нового соборного храма в типичном для Москвы архитектурном стиле было призвано показать окончательную принадлежность Великого Новгорода Московскому государству. Именно этим можно объяснить тот факт,

что царь Иван Грозный лично давал свои средства на возведение собора и явно не оставлял обитель своими милостями.

Помимо этого существует ещё один важный момент, который говорит о том, что возведение храма, посвящённого Пресвятой Троице, должно было закрепить влияние Москвы в Новгороде не только в политическом, но и в религиозном плане. Дело в том, что Софийский собор Новгорода был ярким символом Новгородской независимости, культ Святой Троицы, активно поддерживаемый в Москве ещё с XIV в. св. прп. Сергием Радонежским, и был призван укрепить духовное влияние Москвы в этих землях. Не стоит также забывать, что кафедра Новгородского архиепископа до середины XV столетия была фактически автономна, и большинство новгородских монастырей спонсировалось боярской и купеческой аристократией, поэтому они являлись своекоштными, т. е. не общежительными. Поэтому утверждение в Новгороде общежительных монастырей, каким и была Михайло-Клопская обитель, также являлось одним из элементов промосковского влияния.

Обратим также внимание на перспективы и сложности научной реставрации данного объекта. К настоящему времени существуют как минимум два проекта реконструкции этой обители:

1. реконструкция архитектурного ансамбля монастыря в формах XIX в. – проект Н. Н. Кузьминой (рис. 6);

2. реконструкция монастырского ансамбля и Троицкого собора в формах XVI столетия – проект Л. Е. Красноречьева (рис. 7).

Судя по тому, что южный фасад собора с южным приделом с «итальянскими формами окон» в настоящее время реставрирован по реконструкции Л. Е. Красноречьева и выполнен в формах XVI в., реставрация монастырского ансамбля будет проводиться по смешанному типу. Так колокольня монастыря

Источник: [5].

Рис. 6 / Fig. 6. Проект реконструкции Михайло-Клопского монастыря Н. Н. Кузьминой / The project of reconstruction of the Mikhailo-Klopsy monastery by N. N. Kuzmina.

Источник: [5].

Рис. 7 / Fig. 7. Проект реконструкции Троицкого собора Л. Е. Красноречьева / The project of reconstruction of the Trinity Cathedral by L. E. Krasnorechiev.

с новым братским корпусом и оградой будет соответствовать архитектурным формам XIX в., а Троицкий собор и Никольская трапезная церковь будут ре-

ставрированы в архитектурных формах XVI столетия.

Статья поступила в редакцию 25.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев Л. А. Повести о житии Михаила Клопского. М.-Л., Издательство Академии наук СССР. 1958. 118 с.
2. Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969. 103 с.
3. Красноречьев Л. Е. Отчёт по консервационным работам и исследованию Троицкого собора // Архив ННРУ. Р-547. 1966. С. 17.
4. Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV вв. Часть 2: Порховские, Кузьмины, Сатины-Шонуровы // Герменевтика древнерусской литературы. 2008. № 13. С. 447–494.
5. Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. Троицкий Клопский монастырь. М.: Северный паломник, 2011. 381 с.
6. Соловьёв К. А. Православный монастырь как фактор развития городской культуры в Российской империи конца XIX – начала XX века. М.: Креативная экономика, 2012. 167 с.
7. Соловьёв К. А. Типология и новые формы православных монастырей Российской империи на рубеже XIX–XX веков. М.: ДПК-Пресс, 2013. 291 с.
8. Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Археографический ежегодник за 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 52–61.
9. Янин В. Л. Опись Новгорода 1617 г. // Памятники Отечественной истории. Ч. 1. М., 1984. 173 с.
10. Soloviev K. A. The history of Moscow: Vysokopetrovsky Stauropegial monastery and its role in the cultural and religious life of Moscow in the early XX century // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 10. № 2. P. 205–213.

REFERENCES

1. Dmitriev L. A. *Povesti o zhitii Mikhaila Klopskogo* [The story of the life of Mikhail Klopsky]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1958. 118 p.
2. Dmitriev L. A., Likhachev D. S. *Izbornik (Sbornik proizvedenii literatury Drevnei Rusi)* [Izbornik (Collection of works of literature of Ancient Russia)]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. 103 p.
3. Krasnorechev L. E. *Otchet po konservatsionnym rabotam i issledovaniyu Troitskogo sobora* [Report on conservation works and research of the Trinity Cathedral] Arkhiv NNRU [NNRU archive]. 1966. pp. 17.
4. Kuzmin A. V. [Surnames that lost their princely title in the XIV – first third of the XV centuries. Part 2: Porkhovskys, Kuzmins, Satins-Shonurovs]. In: *Ger menevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of ancient Russian literature], 2008, no. 13, pp. 447–494.
5. Sekretar L. A. *Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostei. Troitskii Klopskii monastyr* [Monasteries of Veliky Novgorod and its environs. Trinity Klopsky Monastery]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2011. 381 p.
6. Solovev K. A. *Pravoslavnyi monastyr kak faktor razvitiya gorodskoi kultury v Rossiiskoi Imperii kontsa XIX – nachala XX veka* [Orthodox monastery as a factor of development of urban culture in the Russian Empire of late 19th – the beginning of the 20th century]. Moscow, Kreativnaya ekonomika Publ., 2012. 167 p.
7. Solovev K. A. *Tipologiya i novye formy pravoslavnykh monastyrei Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vekov* [Typology and new forms of Orthodox monasteries of the Russian Empire at the turn of the 19–20th centuries]. Moscow, DPK-Press Publ., 2013. 291 p.
8. Yanin V. L. [On the origin of Mikhail Klopsky]. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 g.* [Archaeographic Yearbook of 1978]. Moscow, Nauka Publ., 1979. P. 52–61.
9. Yanin V. L. [Inventory of Novgorod in 1617]. In: *Pamyatniki Otechestvennoi istorii. CH. 1* [Monuments of Russian history. Part 1]. Moscow, 1984. 173 p.

10. Soloviev K. A. The history of Moscow: Vysokopetrovsky Stauropegial monastery and its role in the cultural and religious life of Moscow in the early XX century. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 205–213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьев Кирилл Алексеевич – кандидат культурологии, доцент кафедры проектирования зданий и сооружений Московского государственного строительного университета (Национального исследовательского университета);
e-mail: k.solovev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill A. Solovyov – Cand. (Cultural Studies), Assoc. Prof., Department of Design of Buildings and Structures, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University);
e-mail: k.solovev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьев К. А. Троицкий Михайло-Клопский мужской монастырь – одна из промосковских обителей Новгородского государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 69–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-69-82

FOR CITATION

Soloviev K. A. Trinity Mikhailo-Klopsky monastery as one of the Pro-Moscow cloisters of the Novgorod state. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 69–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-69-82

УДК 93

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-83-94

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА О КУПЕЧЕСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ В ТОРГОВЫХ СУДАХ РОССИИ

Ольшанская Л. В.*Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ))**127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр.9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ мнений ряда юристов и предпринимателей о купеческом элементе в составе коммерческих судов в России, отражённых в периодических изданиях второй половины XIX в. Систематизация и формулировка основных дискуссионных вопросов, отражающих как положительный, так и отрицательный опыт функционирования торговых судов в Российской империи.

Процедура и методы. В работе использованы сбор, систематизация и анализ материалов различных периодических изданий и источников, затрагивающих полемику по вопросам реорганизации коммерческих судов в России по второй половине XIX в., в частности, о судьбе купеческого элемента в составе суда, с использованием типологического, сравнительно-исторического, структурного методов.

Результаты. Анализ периодических изданий второй половины XIX в. показал, что люди, знакомые со спецификой торгового оборота, с торговыми обычаями, с тонкостями предпринимательства, зачастую совершенно непонятными и обывателю, и юристу, выступали за сохранение купеческого элемента в составе торговых судов, а не знакомые с данным предметом высказывали противоположную точку зрения, тяготея к единообразию судебной системы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведён анализ архивных документов и реальных судебных дел коммерческого суда. Статья адресована исследователям, занимающимся историей отечественного судопроизводства.

Ключевые слова: купеческий элемент, состав суда, торговые суды

PERIODICALS OF THE SECOND PART OF THE NINETEENTH CENTURY ABOUT THE MERCHANT LAW IN THE RUSSIAN COMMERCIAL COURTS

L. Olshanskaya*Russian University of Transport**9-9 Obratsova ul., Moscow 127994, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the opinions of lawyers and entrepreneurs about the merchant law in the composition of Russian commercial courts, reflected in the periodicals of the second half of the nineteenth century; to systematize and formulate the main discussion issues, reflecting both positive and negative experience of the merchant courts' functioning in the Russian Empire.

Methodology. The research was conducted using the collection, systematization and analysis of materials from various periodicals and sources concerning the controversy on the reorganization of commercial courts in Russia in the second half of the nineteenth century, in particular, on the fate of the merchant law in the court using typological, comparative historical and structural methods.

Results. People, familiar with the specifics of trade, trade customs and the intricacies of entrepreneurship, which was often completely incomprehensible both to a common resident and a lawyer, advocated the preservation of the merchant law in commercial courts, while those unfamiliar with this subject expressed the opposite point of view, gravitating to the uniformity of the judicial system.

Research implications. The analysis of archival documents and real court cases of a commercial court can be helpful to researchers engaged in the history of Russian legal proceedings.

Keywords: merchant law, composition of the court, commercial courts

Введение

Учреждённый в 1808 г. первый торговый суд в Одессе¹ положил начало созданию новой судебной системы, которая, беря свои истоки в судах словесных и таможенных, была создана по подобию коммерческих судов во Франции [9]. Следом за Одессой коммерческие суды, адекватность и потребность в которых трудно было переоценить для экономического развития страны, стали функционировать в крупнейших торговых центрах Российской империи, в т. ч. в обеих столицах².

Судебная реформа 1864 г. в корне изменила систему правосудия в Российской империи, не только отделив судебные органы от административных, но и трансформировала как материальное, так и процессуальное право, затронув практически все отрасли [10]. Своеобразным «обломком» старой системы стали коммерческие суды, разрешающие споры в сфере предпринимательства. Вопрос об их дальнейшей судьбе остался открытым и рассматривался в двух плоскостях: либо торговые суды следовало ликвидировать, либо трансформировать, подчинив судебным палатам наравне с судами окружными [6; 7].

В периодической печати пореформенного периода сторонники и противники экономического правосудия высказывали ряд мнений, приводя аргументы и факты, принимая во внимание опыт судебной практики и особенности тор-

гового оборота как России, так и западноевропейских стран. Одним из самых острых вопросов, влияющих на дальнейшую судьбу торговых судов, стал смешанный состав суда, а именно купеческий элемент в его составе, который позволял консолидировать как применение законодательной базы, так и бесценное знание специфики торгового оборота и обычного права.

В данной работе впервые систематизированы и проанализированы мнения и аргументы ряда юристов, общественных деятелей и представителей предпринимательства, изложенные на страницах периодической печати второй половины XIX в., сформулированы основные положения дискуссионных вопросов о купеческом элементе в составе торговых судов.

Новый торговый суд: судьи-купцы или эксперты?

Сущность рассматриваемого вопроса заключалась не в том, будут ли коммерческие суды сохранены или упразднены, а вместо них открыты торговые отделения в составе подлежащих окружных судов [1; 5]. Существенное значение имел другой вопрос – будет ли сохранено участие купцов в разрешении споров по торговым делам или нет?

Главное возражение, которое приводилось против участия купцов в разбирательстве споров по торговым делам, состояло в том, что купцов-судей с успехом могли заменить эксперты. Мнение противников купеческого элемента в составе суда сформулировано судьями окружных судов, которые считали, что «в случае надобности можно приглашать экспертов

¹ ПСЗ-I. Т. XXX. № 22886. 10 марта 1808 года. Устав Коммерческого Суда для Одессы. С. 115–124.

² ПСЗ-II. Т. VII. № 5360. 14 мая 1832 года. Высочайше утвержденное Учреждение Коммерческих Судов и Устав их судопроизводства. С. 268–298.

именно той отрасли торговли, к которой относится спорный вопрос, тогда как член-купец, занимаясь специально одной какой-либо отраслью торговли, может быть совершенно не знаком с другими отраслями, потому и при членах-купцах надобность в экспертах не устраняется»¹.

Следует заметить, что судебная практика приводила случаи, когда члены от купечества, подобно экспертам, удостоверяющим само существование торговых обычаев, зачастую разъясняли их смысл, что не только упрощало, но и ускоряло рассмотрение дела [13].

Видный русский юрист В. С. Садовский утверждал, что «довольно часто тяжущиеся не приходят к соглашению, и суд в таком случае должен входить в переписку с присутственными местами о назначении сведущих людей, так как члены-юристы сами не могут знать, кого назначить в эксперты. Присутствие же торговцев и промышленников в составе самого суда и в этом отношении может быть полезным, устраняя надобность в переписке по предмету назначения экспертов»².

Архивные материалы Московского и Петербургского коммерческих судов говорят о том, что не проходило и дня, чтобы судье-юристу не потребовалось содействие члена от купечества: то разъяснить фактическую сторону торговых дел или специфику торговых сделок, то объяснить существующие в торговле приёмы или растолковать отдельное слово.

Существенная причина, по которой нельзя заменить членов от купечества экспертами, состояла в том, что члены от купечества необходимы были не только для засвидетельствования существования какого-либо торгового обычая, но и во многих других случаях, например, правильно ли ведутся торговые книги и верна ли сделанная из них выписка. Члену от купечества данная процедура «не

представляет никакой трудности, между тем как юрист, незнакомый с торговой бухгалтерией, решительно не в состоянии её исполнить» [12].

Члены от купечества востребованы и для склонения тяжущихся к миру. Архивные материалы подтверждают, что достаточно только одного вопроса со стороны члена от купечества (а эксперт, как известно, лишь даёт заключение), чтобы и истец, и ответчик перенесли спор на другую почву, на которой дальнейшие пререкания становятся невозможны, важно и то, что такого рода вопросы мог предложить только купец, которому понятны комбинации торговых сделок и оборотов³.

По утверждению председателя С.-Петербургского коммерческого суда А. А. Книрима, замена членов от купечества участием «сведущих людей» – экспертов не представляла никакой выгоды и приводила только «к замедлению хода дел»: члены от купечества необходимы не только для засвидетельствования существования какого-либо обычая, но и во многих других отношениях, преимущественно для разъяснения фактической стороны дела, при определении свойств несостоятельности и т. д.⁴.

Исходя из опыта работы в торговом суде и присоединяясь к мнению В. С. Садовского, А. А. Книрим считал, что члены от купечества «бывают так же весьма полезны для склонения тяжущихся к миру». Именно в этом заключалась причина того, что ни в каких других судах такое количество дел не заканчивалось «миролюбивым соглашением», как в коммерческих.

Вышеизложенные мнения подтверждают архивные материалы Московского коммерческого суда, который начал функционировать в 1833 г. Из 1 177 дел, рассмотренных судом, за первые 10 лет

¹ Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 8. С. 16.

² Там же. С. 18.

³ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) г. Москвы. Ф. 84. Оп. 3. Ед. хр. 37. Л. 41об.

⁴ Журнал Министерства Юстиции. 1867. № 4. С. 64.

в порядке словесной расправы решением суда было окончено 756 дел, остальные же 421 (т. е. более 35% от общего количества споров) – разрешены миром¹.

Председатель С.-Петербургского Окружного суда Г. Мотовилов так высказывался по вопросу о необходимости сохранения торговых судов: «Их необходимость выводится из самого свойства дел торговых, требующего от судей не только знания положительного закона, но и знания принятых торговых обычаев и ясного понимания цели и подробностей различных торговых сделок и оборотов. При этом члены-купцы, необходимые в составе суда для исследований и проверки, требующих знания торговой бухгалтерии, с которой юристы обыкновенно незнакомы, или для осмотра различных предметов для правильного заключения о их состоянии или ценности, требуют особых практических сведений, например о товарах, машинах и судах» [2].

Председатель Бессарабского коммерческого суда считал, что хотя суд для разъяснения торговых обычаев и может требовать «заключение сведущих людей», т. е. экспертов, но такое положение вещей приведёт «к медлительности производства». И тут же замечал, что ввиду большого числа торговых дел, производящихся в Кишиневе, необходимо усилить состав будущего окружного суда, т. к. Комиссия по преобразованию судебной части предполагала открыть в городе суд 3-го разряда, между тем как в других губернских городах предполагалось учредить суды 2-го разряда². Таким образом, был затронут один из самых важных аспектов, отличающих торговые суды от судов общей юрисдикции – купеческий элемент в составе суда. Данным предложением лишний раз была подтверждена необходимость включения представителей купечества в состав суда, в силу глубоких познаний специфики торговых сделок, торгового оборота и торговых обычаев.

Купец-судья – за или против?

Одна из важнейших частей торгового процесса – определение количества убытков, и в этой процедуре участие членов от купечества приносило самую существенную пользу, потому купцу легко определить и количество убытков, и их величину, делая вывод по роду и количеству товара, времени и месту заключения сделки и другим обстоятельствам, важность которых в деле может объективно оценить только практик-купец [12].

В рассмотрении данного вопроса важно и то, что противниками купеческого элемента в коммерческих судах выступали, главным образом, новые судебные установления, которые с торговыми делами и судьями-купцами просто не сталкивались. Любопытен и тот факт, что из всех судебных установлений, давших своё заключение относительно данного вопроса, нашлось только одно – Полтавский окружной суд, который имел мужество сознаться, что он не считает себя достаточно компетентным³.

Неоднократно высказывалось мнение, что суд, имеющий по природе своей разнородный состав, «не может вынести вполне сознательные решения и быть убеждён в их правильности». Приводится ещё аргумент и о том, что «там, где существует очевидная разнородность элементов в составе суда, не ожидать неминуемого преобладания одних элементов над другими»⁴.

Однако Садовский полагал, что нет такого судебного установления, состав которого был бы столь однороден, как того требует окружные суды. «В коллегияльных учреждениях сплошь и рядом случается, что один член, вследствие большей опытности, развития или энергии, является естественным руководителем остальных членов, и предотвратить такое действие – напрасный труд. При разрешении споров по торговым делам,

¹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 78. Оп. 11. Ед. хр. 36. Л. 18.

² Журнал Министерства Юстиции. 1867. № 4. С. 64.

³ Там же. 1892. Кн. 8. С. 16.

⁴ Там же. С. 19.

когда приходится обсуждать и юридическую, и фактическую стороны сделки, разнородность состава присутствия – вещь весьма полезная: только благодаря этой разнородности появляется возможность осветить дело со всех сторон и добиться истины¹.

А вот председатель мирового съезда А. Л. Пестржецкий считал, что «суд должен состоять из однородного состава, и сторонники купеческого элемента обязаны ввиду нераспространённости этого положения в сознании юристов представить хоть какие-нибудь аргументы, иначе положение это нарушает закон *petitio principii* (лат. – претензия на то, чтобы стать основой доказательства) и является ни для чего не пригодным мудрствованием» [8].

В полемике юристов на страницах журналов звучало мнение, что разнородность личного состава коммерческих судов должна порождать пререкания между членами-купцами и членами-юристами. Однако архивные материалы говорят совершенно о другом: при обсуждении чисто юридических вопросов члены-купцы в споры не вступали, никаких некомпетентных мнений не навязывали и вели себя весьма сдержанно².

Рассматривая полемику о роли и месте купечества в составе торгового суда, стоит обратиться к мнению А. А. Книрима – сенатора, действительного тайного советника, председателя С.-Петербургского коммерческого суда. В поддержку купеческого элемента в составе суда Книрим писал, что в члены коммерческих судов выбираются обыкновенно купцы 1-ой гильдии, «производящие обширные обороты», принадлежащие к биржевому купечеству и потому знакомые со всеми родами торговых операций и с принятыми в них обычаями. Но в случае, если тяжущиеся бы сослались на какой-нибудь неизвестный членам от купечества обычай, то последние скорее,

чем юристы, могли бы разрешить действительно ли возможен такой обычай и как следует его трактовать».

А. А. Книрим также заявлял, что однородность состава суда не является необходимым условием для правильности судебных решений. Напротив, желательно, чтобы суд состоял из специалистов по различным отраслям знания, потому что нередко встречаются дела, которые могут быть разрешены только специалистами³. Также ничем не доказано, чтобы члены от купечества обнаруживали пристрастие при решении дел, затрагивающих их интересы, по крайней мере, таких заявлений со стороны председательствующих в судах не поступало. А единичные случаи пристрастия возможны везде⁴.

Невозможно не принять во внимание мнение выдающегося русского юриста профессора Московского университета Г. Ф. Шершеневича: «Кто же при этих условиях может быть лучшим судьей? Несомненно, лучшим судьей в торговых сделках будет купец, живущий среди этих обычаев, ежедневно ими руководствующийся и хорошо знающий их значение и силу. Может ли юрист хорошо понимать сущность биржевых сделок, конткоррента (единый счёт, на котором учитываются все операции банка с клиентом), дисконтных операций и т. п., отношений, которые не предусмотрены законом и не подходят под формы отношений, известных ему по университетским учебникам?» [14].

Необходимо отметить, что купцы являлись не только преимущественными знатоками действующего в то время обычного права, но и вместе с тем экономистами.

Торговые сделки совершались в такой сложной и своеобразной бытовой обстановке, что в большинстве случаев без помощи «сведущих лиц» суду было не обойтись. Торговый оборот имел и имеет свой особый язык, его терминологию.

¹ Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 8. С. 22.

² ЦГИА г. Москвы. Ф. 78. Оп.2,4,5,10.

³ Журнал Министерства Юстиции. 1867. № 4. С. 64.

⁴ Там же. С. 64.

гия недоступна постороннему человеку, многие документы, при всей несложности их юридического содержания, едва ли могут быть легко поняты лицами, не причастными к торговле. «Счетоводство представляет ключ к уяснению взаимных отношений двух купцов, а между тем вследствие незнакомства с ними юристам закрыт путь к истине». «Купцы, чуждые той рутине, которая так свойственна профессиональным судьям, принимают во внимание понятное им намерение сторон, а не станут держаться буквы закона или договора», – утверждал Г. Ф. Шершеневич [14]. А для торгового договора, по его мнению, весьма важно поддержание доброй совести, доверия к слову, потому что при быстроте и многочисленности ежедневно совершаемых сделок «нет никакой возможности соблюсти всегда в точности форму, обсудить подробно каждое слово». Г. Ф. Шершеневич отмечал, что нужно иметь в виду также и то обстоятельство, что в пореформенный период дети богатых купцов повсюду получали высшее образование и, конечно, большинство из них предпочитали юридический факультет. Если «по окончании образования сын купца станет управлять отцовским делом, то с течением времени в его лице мы найдём идеального судью, соединяющего в себе юридическую подготовку со специальными торговыми знаниями». Несомненно, что такие лица, число которых постепенно росло, имели больше всего шансов быть выбранными в состав коммерческого суда.

Судья-купец: страницы биографии

Говоря о купеческом элементе в составе торгового суда, нельзя не обратиться к биографиям тех, кто посредством выборов был введён в состав коммерческих судов. Формулярные списки, рапорты, повестки, деловая переписка, распоряжения канцелярии, приказы о назначении на должности членов суда позволяют установить уровень образования членов суда, их возраст, семейное и материальное по-

ложение, заслуги и вклад в общественную жизнь того времени, что свидетельствует о неслучайности их выбора на должности членов коммерческого суда от купечества.

Ярким, но не единичным примером судьи-купца является член Московского коммерческого суда Московский Почётный Гражданин, купец 1 гильдии и кавалер ордена Святой Анны III степени Иван Афанасьевич Щекин (член суда с февраля 1833 г. по 1836 г.), который также был награжден золотой медалью за пожертвования в 1830 г. и за участие в Попечительстве во время Эпидемической болезни холеры¹.

Одновременно со Щекиным И. А. в Московском коммерческом суде занимал должность судьи купец 3 гильдии Афанасий Матвеевич Матвеев, который до 1836 г. был купцом 1 гильдии. В 1825–1828 гг. Матвеев служил в Московской Городской Депутации, а с 23 февраля 1833 г. по приговору Общества был избран в Московский коммерческий суд членом, но сверх этого звания занимал должность казначея. А. М. Матвеев был активным членом общества, что подтверждается разными наградами:

- 3 марта 1815 г. Государыней Императрицей Марией Федоровной Матвееву были пожалованы золотые часы за совершенство представленных Её Величеству цветных лент его фабрики

- 14 июня 1817 г. – золотая медаль на Аннинской ленте за усовершенствование выделки разного рода лент;

- 22 мая 1831 г. – золотая медаль на Владимирской ленте за пожертвования в 1830 г. и за попечительское участие во время эпидемии холеры;

- в 1833 г. – золотая медаль на Александровской ленте за ревностное прохождение должности Церковного старосты при церкви Петра и Павла в Лефортове и «за значительное приращение церковных доходов и за собственные пожертвования»².

¹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 78. Оп. 11. Ед. хр. 27. Л. 3об.–4.

² ЦГИА г. Москвы. Ф. 78. Оп. 11. Ед. хр. 27. Л. 7об.–8.

В архивах содержатся сведения о профессиональном и жизненном пути потомственного почётного гражданина Ивана Ивановича Оловянишникова, члена Московского коммерческого суда в 1914–1917 гг. И. Оловянишников – выходец из ярославского купеческого рода, славившегося литьем превосходных колоколов и изготовлением церковной утвари, которые производились на их фабрике в Москве. С 1906 г. Иван Иванович являлся выборным Московского биржевого общества, с 1912 г. – член Московского биржевого комитета и учётно-ссудного комитета Московской конторы Государственного банка, а в 1915 г. возглавил семейное предприятие, став председателем правления товарищества «П. И. Оловянишникова сыновья». Но его судьба сложилась трагически. В конце 1917 г. тяжело больной Иван Иванович в сопровождении брата Владимира отправился на лечение в Ялту. После непродолжительного сопротивления в январе 1918 г. город захватили матросы миноносцев «Керчь» и «Гаджибей», и большевики установили в Ялте кровавую диктатуру, расстреливая не только офицеров, но и «буржуев». В их числе были арестованы и расстреляны и братья Иван и Владимир Оловянишниковы¹.

Незаурядные качества демонстрирует биография купца 1-ой гильдии Блохина Василия Максимовича, который с 1831 г. занимал должность директора на Нижегородской ярмарке во Временной конторе Государственного Коммерческого банка, а 23 февраля 1833 г. был избран членом Московского коммерческого суда. В этом звании купец Блохин, прослужив срочное время, затем добровольно продолжил службу на протяжении ещё 2-х лет. В 1831 г. Василий Максимович был награждён золотой медалью на Владимирской ленте за пожертвование в 1830 г. и за попечительство во время эпидемии холеры. В марте 1834 г. награжден золотой медалью на Александровской

ленте за устройство Суздальского Богательного дома и за пожертвование на его содержание².

Небезынтересны и биографии выборных из купечества присяжных попечителей торговых судов. С 1890 г. в С.-Петербургском коммерческом суде служил купец 2-ой гильдии Дмитрий Автономович Ананьев. В 1879 г. А. Ананьев стал членом Гольдингенского Покровского Православного братства, и в том же году Государь Император за пользу братству пожаловал купцу золотую медаль на Станиславской ленте с надписью «За усердие». В 1884 г. за труды и пожертвования на пользу Охтинского Ремесленного училища Ананьев был награжден золотой медалью на Владимирской ленте. С 1886 г. состоял действительным членом Охтинского ремесленного училища. В 1888 г. за усердие в пользу Охтинского училища пожалован Кавалером Императорского и Царского ордена Святого Станислава 3 степени. С 1890 г. – присяжный попечитель С.-Петербургского коммерческого суда. Был женат, имел 10 детей³.

Архивные материалы коммерческих судов, дающие представление о высоком профессионализме купечества, об их вкладе в общественную деятельность страны лишний раз подтверждают, что членами торговых судов становились люди достойные, заслужившие уважение и, что более значимо, доверие своих коллег, признавших не только их гражданские заслуги, но и, в первую очередь, успешный опыт предпринимательской деятельности, неотъемлемой частью которого является не только знание специфики торгового оборота, но и торгового обычая.

Торговый обычай и честный купец – правда или утопия?

Цель любой торговой сделки и всего торгового оборота – извлечение как мож-

² Там же. Оп. 11. Ед. хр. 27. Л. 9 об.–10.

³ ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 243. Оп.1. Ед. хр. 2946. Л.73–75.

¹ Там же. Оп. 24. Ед. хр.55. Л. 2.

но большей прибыли. На достижение этой цели направлена вся деятельность торгующего купца, и она является источником его благосостояния.

Русский процессуалист Н. Депп писал, что купец «постоянно находится в торговых оборотах, которые составляют его ежедневное занятие. Следствием этого являются своеобразные взгляды на деловые и правовые отношения, постоянное развитие этих взглядов для применения их к новым возникающим отношениям, образование вследствие этого своего нового воззрения на правосудие, одинаково признаваемого всеми торгующими» [2].

Предприятие, выгодное сегодня, уже завтра может оказаться убыточным; т. е. при заключении сделок необходимым жизненным условием являются купеческая решительность, динамичное заключение сделки и быстрота оборота. Купеческие гарантии непоколебимости прав заключались в общепринятом торговом обычае, определяющем условия договора, формах свершения сделки, её обеспечения, в принятых обычаях формальностях при сведении счетов и т. д., т. е. эта гарантия устанавливалась торговым обычным правом. И это обычное право с изданием новых Торговых уложений не только не теряло своего значения, оно, напротив, постоянно продолжало развиваться.

Только тот может быть в полной мере знаком с торговым обычаем, кто сам жил под его влиянием и кто сам содействовал его становлению, и потому судьи-юристы редко могут объективно судить спорные торговые дела.

Н. Депп приводит ряд примеров, подтверждающих данную точку зрения [2]. Известен ряд случаев, когда покупатель ещё не оплаченный товар оставлял до определённого срока у продавца. Товар этот служил своеобразным залогом, если покупатель в срок не заплатит свой долг, покупатель, в свою очередь, мог рассчитывать или на возмещение цены товара, или на то, что только через какое-то вре-

мя воспользуется покупкой, т. к. во время неё ещё не была установлена цена. Эта операция в торговом мире стала обыкновенной, и даже непродавцы, например, банкиры, ею повсеместно пользовались. Эта операция называлась в купеческом мире *Depotbankgeschöft* – кастодиальный бизнес или депозитарный банк – и данный механизм принимался во всём торговом мире.

Таким же образом все купеческие договоры о кредите подводились юристом под узкие рамки займа, а комиссионное дело рассматривалось как доверенность. Следуя такой логике, под понятие игры и пари легко было подвести такие торговые сделки, которые, в сущности, вовсе не содержали в себе ничего противозаконного. Например, прибыль, т. е. разница между покупкой и существующей ценой, являлась целью купеческого оборота. При твёрдо определённых ценах или курсах и при быстроте, с которой в правильно установившихся отношениях можно было покупать или продавать, тот, кто может заплатить разницу, в состоянии купить и продать сам товар. Непосвящённого поражал этот оборот, и непосвященный юрист подводил его под понятие игры и пари, которое даже по букве закона не распространялось на подобные сделки.

Ещё одна особенность торговых дел заключалась в купеческой отчётности – идентичной по всему миру. «Возможность постоянно себя учитывать – есть первое условие деятельности купца. Для этого представляется необходимым правильное ведение книг» [2]. Только знакомому с бухгалтерией доступно понимание того принципа и способа, согласно которым ведутся купеческие книги, а судьи-юристы весьма редко знакомились с купеческими книгами потому, что их анализ требовал практических сведений о торговых делах вообще. Самое затруднительное не для купца – это судить о доказательной силе купеческих книг, т. к. она тоже основывается на обычае.

Для торговли необходим тот судебный приговор, который покрывает убыток, произошедший в результате неисполнения договора, а не тот, который принуждает контрагента к исполнению обязательств. Определение размера вознаграждения часто является делом совести и зависит от точных данных, что требует практических знаний, которые у простых юристов встречаются довольно редко. «...Всякий судебный процесс для всех бывает тягостен, то тем более, это справедливо в торговой жизни: купец не имеет лишнего свободного времени и праздников, которые он не хотел бы посвятить другим, более важным текущим делам, чем судебный процесс. Его житейские отношения так разносторонни и интересны, что не могут породить в нём мелочной злобы, которая сделала бы из него, как из многих лиц других званий, кляузника по профессии» [2].

В торговых делах важнее достигнуть менее правильного приговора тотчас, чем через 10 лет более справедливого или вообще никакого. Быстрому заключению торговых сделок должно соответствовать столь же быстрое разрешение возникшего спора. Например, если покупатель отказывается принять товар и по этой причине начинается процесс, то во время его производства товар может вырасти/упасть в цене или испортиться; продавец не имеет возможности продать этот товар кому-либо другому; если покупатель проиграет процесс, то ему придётся всё же выкупать товар, и это мешает ему приобрести идентичный товар в другом месте на более выгодных условиях. Т. е. капитал на время процесса непроизводителен.

«В общей гражданской жизни, – по утверждению Н. Делпа, – кредитор обыкновенно достаточно вознаграждается процентами за промедление в уплате, но в купеческом быту, напротив, этого недостаточно, потому что капитал должен купцу принести не только проценты, но и прибыль с самого оборота. К этому сле-

дует ещё прибавить большое колебание в имущественном положении торгового человека в сравнении с прочими лицами. Упадок последних большей частью происходит медленно и весьма заметно для публики, торговец же большей частью неожиданно и внезапно теряет своё состояние в то время, когда он ещё пользуется всеобщим доверием» [2].

Поэтому в торговом быту больше придерживаются правила давать относительно больший кредит на относительно короткое время. В купеческом мире всякий срочный долг равен вексельному долгу, доказательная сила которого бесспорна. Любой платеж, который не исполнен в срок, необходим к взысканию в самое короткое время, т. к. сам кредитор должен исполнять свои обязательства по отношению к другим участникам рынка, а это он может делать тогда, когда должники ему платят. От этого зависит его собственный кредит. И в этом случае быстрое исполнение важнее быстрого решения.

Заключение

Торговое дело обширно и разнообразно, требует особого изучения, и для правильного понимания необходимо глубокое знакомство с торговым бытом. Принудительная сила купеческого обычая и укоренившееся в каждом купце убеждение, что без такого доверия невозможны никакие торговые обороты, оказываются сильнее злой воли. В случае возникшего спора судья должен весьма осторожно относиться к таким неопределённым, словесным, молчаливым соглашениям, должен уметь различать по свойству самих дел возможны ли и общепотребительны ли в данном случае такого рода сделки, т. е. должен хорошо знать всю купеческую сферу.

В силу того, что торговое судопроизводство отличается быстротой и особенностями, то для эффективной работы особых торговых судов необходимо включение в состав судей тех, кто прак-

тически знаком с торговым правом, с особенностями торгового быта и торговых сделок, т. е. купцов-судей [3; 4].

Н. Депп писал, что «если некоторые полагают, что с изданием новых Судебных установлений прекращается необходимость в особых торговых судах и судьях-купцах, то это основано на недоразумении, т. к. при этом думают, что оно может содержать в себе полный сборник всех торговых обычаев, что они вполне адаптированы к торговому быту и можно предоставить судьям без предварительной практической подготовки правильно разрешать торговые дела» [2].

Садовский замечал, что «мы вовсе не хотим сказать, что на члена-купца следует смотреть как на вместилище каких-то возможных идеалов. Но он обладает здравым взглядом на деловые отношения, чужд всякого доктринерства и не придает формализму никакого значения»¹. Также Садовский утверждал, что «нельзя не высказаться о том, что если суд совести должен быть признан наилучшим судом не только в уголовных, но и в гражданских делах, то из всех существующих у нас гражданских судов, к суду совести наиболее приближается тот суд, в состав которого входит купеческий элемент» [12].

¹ Садовский В. С. Что делать с коммерческими судами? // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 7. С. 7–30.

Таким образом, люди, знакомые со спецификой торгового оборота, с торговыми обычаями, с тонкостями предпринимательства, зачастую совершенно непонятными и обывателю, и юристу, выступали за сохранение купеческого элемента в составе торговых судов, а не знакомые с данным предметом высказывали противоположную точку зрения, тяготея к единообразию судебной системы [11].

«Если иногда решение, – писал В. С. Садовский, – состоявшееся при участии членов-купцов и может привести правомерного юриста в некоторое смущение, то это может быть только до тех пор, пока он не возьмет на себя труд вникнуть в существо спорных отношений и материально справедливое разрешение их не поставит выше разрешения формально правильного» [12].

Сознание справедливости решения может успокоить «самую чувствительную щепетильность» профессионального судьи, и он может без труда убедиться, что подобные решения стоят неизмеримо выше таких решений, которые изготовляются по всем правилам ремесленной рутины и в которых есть всё – за исключением правды, той житейской правды, без которой настоящее правосудие невымыслимо.

Статья поступила в редакцию 24.09.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольмстен А. Х. Александр Иванович Вицын // Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 831 с.
2. Депп Н. Об особенностях торговых сделок // Журнал гражданского и торгового права. Кн. 1. 1871. С. 10–17.
3. Захарова П. В. Коммерческие суды в России второй половины XIX – начала XX в.: общие подходы и частные особенности формирования // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 8. С. 119–129.
4. Катасонова И. А. К вопросу об истории коммерческих судов в России // Преодоление правового нигилизма в современном обществе: сб. статей. 2018. С. 32–35.
5. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. III СПб.: Типография М.М. Сталюсевича, 1879. 460 с.
6. Пахольчик Е. Д. Зарождение и эволюция третейских коммерческих судов в России в XII–XIII вв. // История государства и права. 2017. № 5. С. 24–31.
7. Пахольчик Е. Д. Становление и развитие коммерческих судов в России в первой половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 3. С. 22–44.

8. Пестржецкий А. Л. Процесс об убытках // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1873. Книга 2. С. 150.
9. Рассказов В. Л. Создание коммерческих судов и их правовое положение в первой трети XIX в. // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 127–131.
10. Сахневич И. В. Деятельность коммерческих судов в Российской империи в пореформенный период // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 3. С. 16–21.
11. Поташев А. Ф., Поташева Н. В. Роль градоначальств в создании и деятельности коммерческого суда в России // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2015. № 1. С. 147–151.
12. Садовский В. С. Что делать с коммерческими судами? // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 7. С. 7–30.
13. Судебная практика // Юридический вестник. 1876. Кн. 10, 11, 12. С. 104–116.
14. Шершеневич Г. Ф. Несколько слов о коммерческих судах // Журнал Министерства Юстиции. 1894–1895 гг. Книга 4. С. 40–46.

REFERENCES

1. Golmsten A. K. [Aleksandr Ivanovich Vitsyn]. In: Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. Moscow, Statut Publ., 2003. 831 p.
2. Depp N. [On the specifics of trade transactions]. In: *Zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava* [Journal of Civil and Commercial Law]. Book 1. 1871. P. 10–17.
3. Zakharova P. V. [Commercial courts in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: general approach and individual features of formation]. In: *Aktualnye problemy gosudarstva i prava* [Current issues of the state and law], 2018, vol. 2, no. 8, pp. 119–129.
4. Katasonova I. A. [On the history of commercial ships in Russia]. In: *Preodolenie pravovogo nigelizma v sovremennoy obshchestve* [Overcoming legal nihilism in modern society: collection of articles], 2018, pp. 32–35.
5. Malyshev K. I. *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. T. III* [Course of Civil Procedure. Vol. III]. S. Petersburg, M. M. Stalyusevich Printing House, 1879. 460 p.
6. Pakholchik E. D. [The origin and evolution of commercial arbitration courts in Russia in the 12–13th centuries.]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2017, no. 5, pp. 24–31.
7. Pakholchik E. D. [Formation and development of commercial courts in Russia in the first half of the 19th century]. In: *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* [Historical and legal problems: a new perspective], 2017, no. 3, pp. 22–44.
8. Pestrzhetskiy A. L. [Suit for damage]. In: *Zhurnal Grazhdanskogo i Ugolovnoy Prava* [Journal of civil and criminal law], 1873, book 2, p. 150.
9. Rasskazov V. L. [Formation of commercial courts and their legal status in the first third of the 19th century.]. In: *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2020, no. 1 (71), pp. 127–131.
10. Sakhnovich I. V. [Activities of commercial courts in the Russian Empire in the post-reform period]. In: *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* [Historical and legal problems: a new viewpoint], 2017, no. 3, pp. 16–21.
11. Potashev A. F., Potasheva N. V. [The role of city governments in formation and operation of the commercial court in Russia]. In: *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya* [Works of Rostov State Transport University], 2015, no. 1, pp. 147–151.
12. Sadovskiy V. S. [What to do with commercial ships?]. In: *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnoy prava* [Journal of civil and criminal law], 1892, book 7, pp. 7–30.
13. [Arbitrage practice]. In: *Yuridicheskii vestnik* [Legal Bulletin], 1876, book 10, 11, 12, pp. 104–116.
14. Shershenevich G. F. [A few words about commercial ships]. In: *Zhurnal Ministerstva YUstitsii*. 1894–1895 gg. Kniga 4 [Journal of the Ministry of Justice], 1894–1895, book 4, pp. 40–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольшанская Людмила Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и геополитики транспорта Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ)); e-mail: olshanskaya.miit@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila V. Olshanskaya – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Relations and Geopolitics of Transport, Russian University of Transport;
e-mail: olshanskaya.miit@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ольшанская Л. В. Периодическая печать второй половины XIX века о купеческом элементе в торговых судах России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 83–94.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-83-94

FOR CITATION

Olshanskaya L. N. Periodicals of the second part of the nineteenth century about the merchant law in the Russian commercial courts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 83–94.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-83-94

УДК 94(970) 1959

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-95-104

АМЕРИКАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА В СОКОЛЬНИКАХ В 1959 г. КАК ДЕМОНСТРАЦИЯ ДОСТОИНСТВ КАПИТАЛИЗМА

Горлов В. Н.*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить факторы, определяющие особое место американской национальной выставки в Москве в установлении культурных связей СССР с США на государственном уровне в разгар холодной войны.

Процедура и методы. Исследование проводилось на основе проблемно-исторического анализа советско-американских культурных связей в контексте с социальными условиями данного советского периода.

Результаты. Определены факторы начала улучшения отношений между двумя странами в разгар холодной войны. Показано, как официальная культурная сфера становится полигоном для обоюдной пропаганды и тесно переплетается с политическими решениями, принимавшимися в тот период.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён ряд вопросов истории культурных отношений двух стран в период холодной войны.

Ключевые слова: национальная выставка, образ жизни, бытовая техника, «кухонные дебаты», холодная война

AMERICAN NATIONAL EXHIBITION IN SOKOLNIKI IN 1959 AS A DEMONSTRATION OF CAPITALISM'S VIRTUES

V. Gorlov*Moscow State Linguistic University
38-1 Ostozhenka ul., Moscow, 119034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the factors determining the special place of the American national exhibition in Moscow in establishing cultural ties between the USSR and the USA at the state level at the peak of the Cold War.

Methodology. The study was conducted using a problem-historical analysis of the Soviet-American cultural relations in the context of the social conditions of the given Soviet period.

Results. The findings include the key factors for the beginning of improving relations between the two countries at the height of the cold war. The research shows the transformation of the official cultural sphere into a training ground for mutual propaganda and its close connections with the political decisions made at that time.

Research implications. The research summarizes several issues of the history of cultural relations between the two countries during the Cold War.

Keywords: National exhibition, lifestyle, home appliances, "kitchen debates", Cold War

Введение

Хрущёвская оттепель стимулировала выставочное движение в стране. Возрос интерес к сотрудничеству с Западом. Во Всесоюзной торговой палате был открыт отдел иностранных выставок. С обрушением железного занавеса открывались возможности для зарубежных выставок в СССР. Хрущёвская оттепель (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) положила начало курсу сближения со странами Западной Европы и Америки. Итогом этих перемен стал ряд важнейших мероприятий в сфере искусства (первый Международный музыкальный конкурс им. П. И. Чайковского, выставка Пикассо в Пушкинском музее и др.). Но, бесспорно, главными событиями в культурной жизни советского государства в эти годы стали Всемирный фестиваль молодёжи и студентов и американская выставка в Сокольниках.

В 1958 г. на высшем уровне было заключено соглашение о взаимных экспозициях научно-технических и других достижений СССР и США. Эти выставки невозможно было представить при правлении И. Сталина, когда оба государства не исключали, что в мире может состояться третья мировая война. Отношения между государствами были враждебными. При Н. С. Хрущёве всё изменилось. Настоящим явлением конца 50-х гг. стала американская национальная выставка. Впервые в Советском Союзе ведущая страна Запада открыла торгово-промышленную экспозицию, которая демонстрировалась в течение 6 недель.

В это очень противоречивое время два государства-соперника в лице президента США Дуайта Эйзенхауэра и Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущёва идут навстречу друг другу и заключают договор о культурном сотрудничестве, знаменуя начало новой эпохи – эпохи мирного соревнования, потепления отношений. Обмен национальными выставками делал отношения двух великих

держав более дружественными. Цель договоренностей Эйзенхауэра и Хрущёва была объявлена официально – поправить отношения государств в условиях «холодной войны».

После войны, после ужасной разрухи наступили мирные годы, которые сопровождались состязанием систем: капиталистической и социалистической. Лидер первого социалистического государства стремился показать несокрушимость советского общества. Н. С. Хрущёв провозгласил лозунг: «Догнать и перегнать буржуазные государства не только в экономике, но и в домостроении, образовании, науке!». «Загнивающий» капитализм должен был наглядно убедиться в превосходстве социалистической системы. Хрущёв не сомневался в мощи и преимуществе Советского Союза над Западом.

Согласие на проведение американской выставки в Москве было получено Н. С. Хрущёвым после ошеломительного успеха СССР в космической области. Триумф до такой степени вдохновил лидера советского государства, которому страстно нравилось соперничать с Америкой, что он без особых колебаний поставил свою подпись в договоре о выставках между США и СССР. Хрущёв не сомневался, что советская выставка обязательно превзойдет американскую.

В историографическом анализе советско-американских культурных отношений следует отметить работу известных российских историков А. А. Данилова и А. В. Пыжикова «Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы» (2001 г.) и монографию историков В. Ф. Марухина и А. И. Уткина «Парадоксы глобальных войн минувшего столетия» (2016 г.), в которых весьма объективно и последовательно раскрыты роль и значение советской сверхдержавы в послевоенные годы, дана полномасштабная картина зарождения и расширения холодной войны, убедительно показана тесная взаимосвязь между внешнеполитическими и внутриэкономическими уси-

лиями советского правительства. В монографии «Н. С. Хрущёв» (1999 г.) историк В. Н. Шевелев, анализируя проведение американской выставки в Москве, приходит к выводу, что и американское, и советское руководство рассматривали выставку как продолжение холодной войны иными средствами. Этот вывод поддержал видный российский историк Ю. В. Аксютин в своей монографии «Хрущёвская оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.» (2004 г.). Ю. В. Аксютин акцентировал внимание на личности Н. Хрущёва, который полагал, что СССР вполне мог помериться своими достижениями с первой державой капиталистического мира. Сергей Хрущёв, сын Н. С. Хрущёва, в своей книге «Никита Хрущёв. Рождение сверхдержавы» (2019 г.) и переводчик Н. Хрущёва В. М. Суходрев в своих мемуарах «Язык мой – друг мой. От Хрущёва до Горбачева...» (2008 г.) уделили большое внимание «кухонным дебатам» между Р. Никсоном и Н. Хрущёвым, показав их как бескомпромиссную борьбу идей, как всемерное отстаивание Хрущёвым явных преимуществ социалистического образа жизни. И Никсон¹, и Хрущёв² в своих воспоминаниях также писали об этом историческом событии. Хрущёв отмечал, что выставка носила сугубо пропагандистский и агитационный характер, постоянно напоминал своему оппоненту тезис об «исторической обречённости» капиталистического общества.

Подготовка к выставке в Москве

Подписание соглашения с США в 1958 г. ЦК КПСС посчитал крупной победой внешнеполитической деятельности СССР. Главная страна капитализма, совершенно закрытая для советской иде-

ологии, официально приглашала идеологического противника показать успехи социализма в собственных стенах, да ещё на одинаковых условиях.

По договору о культурном сотрудничестве каждая страна самостоятельно решала, что выставлять на своей экспозиции.

Организаторами выставки в Сокольниках со стороны Америки выступали Департамент торговли США и Информационное агентство США, а со стороны Советов – МИД СССР и Госкомитет СССР по культурным связям с зарубежными странами (ГККС).

Для Хрущёва и его окружения было важно продемонстрировать советские достижения в науке и технике перед предстоящим осенью 1959 г. первым в истории визитом советского лидера в Америку. От этой поездки в Москве ожидали многого: и подтверждения статуса СССР как великой державы, и налаживания контактов с крупнейшими американскими фирмами, обладавшими столь необходимыми для Союза передовыми технологиями. А чтобы техническое партнерство выглядело равноправным, советскую экспозицию предполагалось наполнить моделями атомных электростанций, спутников, а также представить в Штатах авиатехнику. На выставку привезли макеты крупнейших в мире (на тот момент) пассажирского самолета Ту-114 и синхрофазотрона, самолетов ИЛ-18, строящегося атомного ледокола «Ленин», двухкомнатной квартиры для семьи из 4-х человек и т. д.³

Но уже с января 1959 г. ГККС начал сигнализировать ЦК КПСС, что за гипотетический успех выставки за океаном придётся заплатить немалую цену, причём именно в той области, которую партия считала наиболее важной – идеологической. Американцы планировали демонстрировать в Москве не технические успехи, а свой образ жизни, причём

¹ Никсон Р. М. На арене: воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М.: Новости, 1992. 437 с.

Никсон Р. М. Шесть кризисов. М.: прогресс, 1970. 488 с.

² Хрущёв Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). В 4-х кн. М.: Московские новости, 1999.

³ Советская выставка в Нью-Йорке готова к открытию // Правда. 1959. 29 июня.

самым разлагающим советские умы способом — с помощью товаров народного потребления.

В апреле 1959 г. в Кремле состоялось совещание, на котором обсуждались плюсы и минусы предстоящей выставки в Москве. Некоторые члены партии всерьёз опасались, что демонстрация американских товаров нанесёт урон советскому государству. Несмотря на ряд серьёзных доводов со стороны противников выставки, к их мнению в Кремле не прислушались. Главным аргументом в этом противоречивом вопросе было открытие советской выставки в Нью-Йорке за месяц до выставки в Москве.

Другим аргументом за проведение выставки была договоренность в советско-американских соглашениях — не использовать экспонаты агитационно-политического характера.

Докладные ГККС всё же сыграли свою роль. Под председательством члена Президиума и секретаря ЦК Е. А. Фурцевой. в Кремле провели экстренное совещание, на котором запланировали ряд мер:

1. Журналисты центральных газет должны быть проинструктированы, как освещать выставку в правильном ключе (что критиковать, а что хвалить).

2. Специально созданная группа из комсомольцев, членов партии и беспартийного актива работает над критическими записями о государственном строе в США, а также пороками капитализма (безработице, инфляции и т. п.) в книге отзывов гостей выставки¹.

3. Организация дискуссий отдельных гостей выставки с пристендовыми гидами-переводчиками. Гости заранее отбираются и готовятся, чтобы быть способными выдержать «натиск империалистов». Материалы этих дискуссий должны использоваться в репортажах советских журналов об американской выставке.

¹ Жирнов Е. «Заранее подобрал и проинструктировал их». Как советских людей готовили к национальной американской выставке // Коммерсантъ. 2019. 6 апреля.

4. Посетить выставку смогут только те граждане, которых одобряет профком и партком по месту их работы².

ГККС удалось не допустить ряд запланированных американцами акций ещё до начала работы выставки:

— были запрещены намеченные диспуты с советскими гостями выставки и трансляция их по телевидению.

— после инспекции книжного раздела экспозиции со стендов были изъяты книги, наносящие, по мнению властей, вред советским гражданам. Посла США пригласили в Госкомитет, где ему передали перечень диссидентской публицистики, которую хотела представить американская сторона на выставке³. Советская сторона знала, что посол не сможет отказать в этом требовании, т. к. в противном случае выставка в Сокольниках будет отменена, а советская выставка в Нью-Йорке подходила к завершению⁴.

Правящие круги США возлагали большие надежды на свою экспозицию, т. к. рассматривали это мероприятие не только как культурное событие, но и, в первую очередь, как идеологическое средство. Надежды американцев на эту выставку строились на том, что обыкновенные советские граждане после знакомства с экспонатами выставки будут настойчиво требовать от советского руководства увеличения выпуска потребительских товаров. Их требования неизбежно приведут к перераспределению ресурсов с оборонного производства на производство товаров широкого потребления. Один из членов американской делегации Н. Уинстон откровенно признался: «Пусть русские захотят иметь то, что имеем мы. Пусть они требуют этого от своих руководителей. И пусть они требу-

² Там же.

³ Жирнов Е. «Заранее подобрал и проинструктировал их». Как советских людей готовили к национальной американской выставке // Коммерсантъ. 2019. 6 апреля.

⁴ Корсаков Д. 60 лет назад в Москве впервые открылся «супермаркет» и зашипела заграничная газировка // Комсомольская правда. 2019. 24 июля.

ют этого так громко, чтобы руководителям пришлось им ответить...»¹. Поэтому американцы придавали очень большое значение экспонированию товаров потребления, которые неизбежно должны были удивить советских граждан, лишённых из-за военных разрушений многих повседневных вещей.

Продажа на выставке американских товаров гражданам СССР было чрезвычайно опасным мероприятием. По соглашению сторон на выставках количество реализуемых национальных товаров должно быть одинаковым. Опасаясь идеологического взрыва в головах советских граждан, ЦК партии решил значительно сократить продажу отечественных товаров на выставке в Нью-Йорке². Это помешало американским планам по предоставлению возможности советским гражданам ощутить всю прелесть покупок американских товаров в супермаркетах и драгсторах.

Для американцев предстоящая выставка в Москве была возможностью показать русским комфортный и сытый образ жизни США. За месяц до открытия выставки в Белом доме с пристендовыми гидами-переводчиками, которые будут работать в Москве, встретился сам президент США Д. Эйзенхауэр. Понимая насколько важна роль гидов, он напутствовал им улыбаться и «не хвастаться перед русскими»³.

Открытие выставки

Вице-президент США Р. Никсон и Первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущёв 24 июля 1959 г. после торжественной церемонии открыли в парке «Сокольники» первую в истории Советского Союза американскую выставку⁴, которая ознамено-

вала официальное мирное соперничество между системами социализма и капитализма, каждая из которых старалась показать свой позитивный образ. Приезд в Москву вице-президента США Р. Никсона подтверждал значимость выставки для американских властей. Никсон, собиравшийся баллотироваться в президенты США, рассчитывал, что успех американской выставки поможет ему победить в конкурентной борьбе Д. Кеннеди на предстоящих в 1960 г. выборах, и поэтому не мог отказаться от поездки в Москву и от возможности встретиться с главой СССР.

В Сокольниках американцы выстроили 3 павильона, экспозиционные открытые спецплощадки и одноэтажный дом, где можно было ознакомиться с самой современной на тот момент хозяйственной техникой. Изюминкой экспозиции стало необычное купольное сооружение из отдельных дюралюминиевых «скорлуп» золотистого цвета, построенное в удивительно короткий срок. Архитектурно выразительный большой «Геодезический купол» известного американского инженера Ричарда Бакминстера Фуллера стал символом экспозиции. Фотовыставка «Род человеческий» всемирно известного фотохудожника Э. Стейхена, посвящённая жизни человека от рождения до смерти в разных странах, пользовалась особым вниманием у советских граждан. В одном из павильонов была развернута циркорама (круговой экран) Уолта Диснея, демонстрирующее посетителям фильмы о жизни обыкновенных американцев, о городах и природе США, которые производили на гостей выставки неизгладимое впечатление [4]. Также взору посетителям выставки предстали американские машины, пепси-кола, одежда, бытовая техника, компьютеры...

Особый восторг почти всех посетителей выставки вызывали американские автомобили, которые москвичам казались прилетевшими инопланетными предметами. Точно также реагировали

¹ Окунев Д. В. Покажем кузькину мать // Газета.Ру. 2019. 24 июля.

² Корсаков Д. 60 лет назад в Москве впервые открылся «супермаркет» и зашипила заграничная газировка // Комсомольская правда. 2019. 24 июля

³ Между Востоком и Западом // АиФ. 2013. № 48.

⁴ Открытие американской национальной выставки в Москве // Советская Россия. 1959. 25 июля.

советские женщины на нейлоновые чулки, косметику, причёски и предметы американской кухонной техники: кухонные комбайны, соковыжималки и посудомоечные машины. Для них это был настоящий культурный шок¹.

Впервые в Советский Союз легально проник художественный авангард, который был представлен картинами знаменитого художника Поллака. Надо признать, воспитанные на соцреализме граждане в большинстве своём не поняли и не приняли другой взгляд на мир. Художественная часть выставки вызвала неудовольствие и у лидера советского государства. Это неудовольствие аукнется в 1962 г., когда на выставке авангардистов в Манеже он обрушится на художников с критикой, не стесняясь нецензурных выражений, таким образом, предвещая принципиально новый разворот в культурном курсе страны.

Выставка стала подлинным «окном в Америку», первым соприкосновением советских людей с американским бытом, невероятной возможностью в условиях холодной войны увидеть, как живут люди за границей. После Международного фестиваля молодежи и студентов американская выставка в Сокольниках стала вторым событием конца 50-х гг., оставившим у советских граждан неизгладимое впечатление.

Посетителей выставки интересовали все аспекты американской жизни. Представителей стендов в основном спрашивали о зарплатах и ценах. В отзывах москвичей отмечалось, что американские гиды стали самой лучшей частью этого незабываемого события. С другой стороны, все гиды, без исключения, поразились человечностью, искренностью и теплотой советских граждан [4].

Американцы угадали, чем можно потрясти советских обывателей, которые привыкли к демонстрациям грандиозной

научной аппаратуры, макетов ядерных реакторов, никак не связанных с повседневным бытом. Бытовая направленность в удивительном ассортименте поражала посетителей выставки до основания. Организаторы американской выставки стремились доказать советским гражданам, что их образ жизни более комфортный, более верный, чем их образ жизни.

Ни одна выставка в Советском Союзе до лета 1959 г. не привлекала такого большого количества посетителей. В первый день работы выставки на ней побывало 75 тысяч человек, а за 6 недель – около 3 млн советских граждан².

В отчёте Информационного Агентства США, сделанного на основе анализа отзывов москвичей о выставке в Сокольниках, указывались главные компоненты успеха мероприятия: гиды, выставка автомобилей, циркорамы, фотовыставка «Род человеческий». В отчёте особо подчеркивался громадный интерес московской интеллигенции к искусству американских абстракционистов [4]. Цветной документальный фильм о выставке в Москве позднее показывали во всех штатах Америки.

«Кухонные дебаты»

На открытии выставки «Промышленная продукция США» в павильоне № 2, где находилась модель кухни пригородного коттеджа компании Дженерал Электрик, между Хрущёвым и Никсоном вышел спор, вошедший впоследствии в историю как «кухонные дебаты», затрагивающие преимущества американского и советского стилей жизни и их денежного выражения. Никсон хвастался бытовой техникой, которая, несомненно, облегчала труд американским женщинам. Хрущёв в ответ заметил, что, несмотря на

¹ Корсаков Д. 60 лет назад в Москве впервые открылся «супермаркет» и зашипела заграничная газировка // Комсомольская правда. 2019. 24 июля.

² Баймухаметов С. Прорыв в общество потребления: 60 лет назад открылась американская выставка в Москве // Новые Известия [сайт]. URL: <https://newizv.ru/news/society/25-07-2019/proryv-v-obschestvo-potrebleniya-60-let-nazad-otkrylas-amerikanskaya-vystavka-v-moskve> (дата обращения: 29.03.2021).

то, что многие вещи довольно интересны, но не столь необходимы в жизни советских граждан.

«Никсон подробно рассказывал отцу о каждом экспонате, настойчиво демонстрировал, какие они, американцы, молодцы, насколько превосходили остальной мир. Отца его тон раздражал, и он, где удавалось, давал отпор. Беседа напоминала перебранку двух приятелей, не способных ни в чём сойтись, постоянно доказывающих свою «самость». Отец постепенно накалялся, аргументов у него набиралось негусто, экспонаты говорили сами за себя. Он искал, к чему бы придраться, как бы разоблачить пропагандистскую сущность всей этой затеи, рекламирующей красочный фасад капиталистической Америки» [6, с. 110].

Хрущёв пытался объяснить Никсону, что экономика СССР направлена на производство первостепенно важных товаров, а не на изготовление ширпотреба и излишеств. Каждый хотел доказать своему идеологическому противнику правильность своего мировоззрения, превосходство своей хозяйственной системы – социализма и капитализма.

В конце концов, Хрущёв взорвался: «В нашем распоряжении имеются средства, которые будут иметь для вас тяжкие последствия. Мы вам ещё покажем кузькину мать!». Переводчик в замешательстве перевёл фразу дословно: «Мы вам ещё покажем мать Кузьмы!»¹. Американцы были ошарашены: что это? Новое оружие, ещё более грозное, чем ракетно-ядерное? Они всерьёз решили, что «Кузькина мать» – это новая ракета. Когда через 2 года в Советском Союзе создали «Царь-бомбу», в Америке её называли «Кузькина мать». Советский лидер чрезвычайно озадачил всех переводчиков. Увидев замешательство американцев после переведённой фразы, Никита Сергеевич пояснил: «Что вы, переводчики, мучаетесь? Я всего лишь хочу сказать, что мы покажем Аме-

рике то, чего она никогда не видела!» [3, с. 259]. А переводчикам было о чём волноваться, т. к. не совсем точно переведённая фраза могла закончиться не только межнациональным скандалом, но и послужить предлогом для развязывания военных действий.

Горячая дискуссия на высоких тонах двух глав противоборствующих государств продолжалась почти час. Фраза Хрущёва про «кузькину мать» в один миг стала крылатой². Также в одночасье разлетелось и его предсказание: «Когда мы вас догоним и будем перегонять, мы помашем вам ручкой!». В споре с Никсоном Хрущёв доказывал: «Мы уверены, что недалеко то время, когда наша страна догонит нашего американского партнера по мирному экономическому соревнованию, а затем на каком-то разъезде поравняется с ним и двинется дальше»³.

Дебаты перешли, по сути, в военные запугивания. За шутками, очаровательными улыбками и насмешками чувствовалась нервное напряжение и взаимонепонимание. Хрущёв за словом в карман не лез и без стеснений обзывал соперников «империалистами», когда нужно было доказать превосходство социализма над капитализмом. Сергей Хрущёв в своих воспоминаниях отмечал: «Из дебатов каждый вышел удовлетворенный собой, тем, какую он задал взбучку оппоненту» [6, с. 110].

Граждане США считали, что «кухонные»⁴ дебаты» выиграл Никсон, и это действительно повысило его популярность в глазах избирателей. Издание «Time Magazine» похвалило Никсона: он «смог уникальным способом воплотить в себе

² Прим. автора: Многие до сих пор считают, что своё обещание показать Америке «кузькину мать» Хрущёв высказал на Генеральной ассамблее ООН. Но историческая фраза была произнесена в 1959 г. на американской национальной выставке.

³ Открытие в Москве национальной выставки США. Речь Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущёва // Правда. 1959. 25 июля.

⁴ Прим. автора: Дебаты получили название «кухонные», т. к. в словесной перепалке Никсон делал упор на бытовые кухонные предметы обихода.

¹ Васькин А. Кузькина мать в Сокольниках // Независимая газета. 2019. 28 августа.

национальный характер, уверенный в своём образе жизни, не теряющий своей уверенности под давлением»¹.

Впоследствии Р. Никсон так вспоминал своего оппонента по «кухонным дебатам»: «В лице Никиты Хрущёва – коммуниста самого отчаянного толка – я встретился с коммунизмом в действии, а не только в теории. Господин Хрущёв и его коллеги ведут битву за мировое господство с помощью оружия всех видов: военного, экономического, политического, пропагандистского» [1, с. 149].

Н. С. Хрущёв оценил выставку критически, указав на её практическую бесполезность: «Выставка не имела успеха, потому что отношение к ней организаторов оказалось несерьёзным: она носила сугубо пропагандистский характер, т. к. содержала главным образом фотографии или экспонаты художников и скульпторов. Выставка носила сугубо агитационный характер и не удовлетворяла запросов наших руководящих хозяйственных, технических и партийных кадров. Мы отнеслись к ней придиристо. С моей точки зрения, там не было ничего, что нам можно было бы практически использовать. Почти не было новой техники, а мы практически гонялись за всякими новинками и ожидали, что американцы что-то покажут» [5, с. 45].

Заключение

Да, обе выставки (в Москве и в Нью-Йорке) были политической акцией, во время которой государства приоткрыли занавес, и это понимали все посетители выставок. Это был самый сложный спор двух культур, цивилизаций с различными воззрениями на политику, экономику, общественные отношения, своеобразная попытка продемонстрировать достоинства социализма и капитализма.

Все старания пропагандистского аппарата показать западное благосостояние чуждым Советам явлением оказались не

совсем эффективными. Отставание нашей страны от развитых капиталистических государств по уровню потребления производило впечатление «преимуществ капитализма перед социализмом». «В сравнении со скудной жизнью советских граждан американский уровень благосостояния предстал каким-то сказочным изобилием. С высоты последующего житейского и исторического опыта совершенно очевидно, что американская выставка являлась блестяще проведённой идеологической акцией, которая умело и сильно преувеличивала социальные достижения капиталистического Запада и создавала достаточно одностороннее впечатление о нём»².

Критики советских достижений и восторженные сторонники американского прогресса обязаны учитывать уровень жизни граждан СССР и США в эти годы. Не надо забывать, что прошло всего 14 лет после окончания Второй мировой войны, которая принесла нашей стране немыслимые разрушения и бедствия. Ещё недавно одна страна была разорена этой войной, а другая – неслыханно разбогатела на ней; одной стране необходимо было восстанавливать города, промышленность, сельское хозяйство, а другой – ни что не мешало заниматься массовым выпуском товаров народного потребления.

Не стоит только критиковать руководство государства и лично Н. С. Хрущёва за отставание в производстве товаров повседневного спроса. В хрущёвскую оттепель многое было сделано. Одно массовое жилищное строительство чего стоит. Несмотря на отсутствие кухонных комбайнов и посудомоечных машин, подавляющая часть населения советского государства была обеспечена работой, жильём, образованием, питанием, медицинской помощью, пенсией, символической оплатой за ЖКХ и другими благами.

¹ Better to See Once // Time Magazine. 1959. August 3.

² Садовников В. Записки шестидесятника. От мордовских лагерей до расстрела Белого дома // Хронос: [сайт]. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2004/sad01.html> (дата обращения: 29.03.2021).

Необходимо помнить, что колоссальные экономические ресурсы Советского Союза тратились на то, чтобы достигнуть паритета в военной сфере с Соединенными Штатами Америки.

В то же время в США наблюдалось довольно серьёзное необоснованное неравенство в доходах и доступности к тем же самым благам. Граждане СССР, посетившие американскую выставку в 1959 г. и восхищавшиеся чудесами бытовой техники, не понимали, что не всем гражданам Америки финансово доступны эти «чудеса».

Несмотря на заявление Хрущёва о «бесполезности» американской выставки, руководство СССР запланировало дополнительные государственные вложения в потребительские отрасли экономики. На XXII съезде КПСС было объявлено, что «каждой семье будет обеспечен достаток, а затем и обилие материальных и культурных благ» [2, с. 25]. К концу семилетки почти половина городских семей в СССР была обеспечена предметами длительного пользования (мебелью, стиральными машинами, пылесосами, телевизорами, радиоприемниками и т. п.)¹. В СССР улучшалась структура народного потребления, о чём свидетельствовало

существенное изменение условий жизни советского населения.

Та ситуация, что преобразование массового сознания случилось под влиянием извне, вовсе не свидетельствовала, что не будь этой причины, аскетизм оставался бы общественной моралью. Наступило время, когда гражданам СССР очень захотелось обустроить свои отдельные квартиры, заниматься оборудованием своего личного уголка, создавая домашний уют. И в СССР постепенно начинается пересмотр ценностей и мотивации деятельности советского общества.

Несмотря на холодную войну и идеологическое противостояние, выставка во многом изменила взгляды граждан СССР на западный образ жизни. Цель, поставленная организаторами американской выставки, в основном была достигнута. Выставка стала превосходной идеологической акцией. Американская национальная выставка стала одним из крупнейших культурных событий Советского Союза в послевоенные годы. Бесспорно, что выставки способствовали сближению народов. После американской выставки парк «Сокольники» становится признанной выставочной сценой для международных специализированных выставок.

Статья поступила в редакцию

ЛИТЕРАТУРА

1. Никсон Р. На арене: воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М.: Новости, 1992. 440 с.
2. Синицын В. Г. Рождение коммунистического быта. М.: Знание, 1960. 48 с.
3. Суходрев В. М. Язык мой – друг мой. От Хрущёва до Горбачева... М.: Тончу, 2008. 536 с.
4. Фоминых А. «Картинки с выставки»: Книги отзывов Американской выставки в Москве 1959 года – возвращение источника (Предисловие к архивной публикации) // Ab Imperio. 2010. № 2. С. 151–170.
5. Хрущёв Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. 2. Ч. 4. М.: Московские новости, 1999. 846 с.
6. Хрущёв С. Н. Никита Хрущёв. Рождение сверхдержавы. М.: Вече, 2019. 608 с.

REFERENCES

1. Nikson R. Na arene: vospominaniya o pobedakh, porazheniyakh i vrozozhdenii [In the arena: a memoir of victory, defeat and renewal]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 440 p.
2. Sinitsyn V. G. *Rozhdenie kommunisticheskogo byta* [The birth of communist mode of life]. Moscow, Znanie Publ., 1960. 48 p.

3. Sukhodrev V. M. *Yazyk moy – drug moy* [My tongue is my friend]. From Khrushchev to Gorbachev ... M., Tonchu Publ., 2008. 536 p.
4. Fominykh A. [Pictures at an Exhibition: Books of comments from the 1959 American Exhibition in Moscow – Return of the Source (Preface to the Archival Publication)]. In: *Ab Imperio*, 2010, no. 2, pp. 151–170.
5. Khrushchev N. S. *Vremya. Lyudi. Vlast. (Vospominaniya). V 4 knigakh. Kn. 2. CH. 4* [Time. People. Power. (Memoirs). Book 2. Part 4]. Moscow, Moskovskie novosti Publ., 1999. 846 p.
6. Khrushchev S. N. *Nikita Khrushchev. Rozhdenie sverkhderzhavy* [Nikita Khrushchev. The birth of a superpower]. Moscow, Veche Publ., 2019. 608 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Historical Sciences, Moscow Linguistic State University;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Американская национальная выставка в Сокольниках в 1959 г. как демонстрация достоинств капитализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 95–104.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-95-104

FOR CITATION

Gorlov V. N. American National Exhibition in Sokolniki in 1959 as a demonstration of capitalism's virtues. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 95–104.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-95-104

УДК 94(470)19

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-105-116

ИНОСТРАННЫЕ РАДИОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ СТАНЦИИ КАК СРЕДСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА ПРОТИВ СССР В 1970-Е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х гг.

Колокольчикова Р. С.¹, Погорелый А. П.²

¹ Череповецкий государственный университет

162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5, Российская Федерация

² Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники

162622, г. Череповец, Советский пр-т, д. 126, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить роль иностранных радиовещательных станций как средств ведения информационной войны Запада против СССР.

Процедура и методы. В статье рассмотрен комплекс преимущественно неопубликованных исторических источников по теме исследования. В работе, помимо общенаучных методов, были использованы компаративный, историко-генетический, статистический и др. методы.

Результаты. В ходе исследования были выявлены: масштаб вещания западных радиоканалов на территорию СССР, тематическое содержание передач, формы подачи радиоматериалов, состав слушательских аудиторий, факторы, определявшие усиление влияния «вражеских голосов» на массовое сознание в СССР.

Теоретическая и/ли практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение истории Отечества в позднесоветский период, когда в СССР обозначились условия для восприятия чуждых социализму ценностей, которые навязывали иностранные радиоканалы советским слушателям.

Ключевые слова: информационная война, иностранные радиовещательные каналы, позднесоветский период истории, контрпропаганда, социалистический образ жизни

WESTERN BROADCASTING STATIONS AS A MEANS OF INFORMATION WAR OF THE WEST AGAINST THE USSR IN THE 1970S – EARLY 1980S

R. Kolokolchikova¹, A. Pogorely²

¹Cherepovetz State University

5, Lunacharskii pr., Cherepovetz 162600, Russian Federation

² Military University of Radio Electronics

126 Sovetskii pr., Cherepovetz 162622, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the role of western broadcasting stations as a means of conducting the information war of the West against the USSR.

Methodology. The research involved examining a set of mostly unpublished historical sources on the topic of research, using comparative, historical-genetic and statistical methods in addition to general scientific methods.

Results. The findings reveal the scale of the Western radio broadcasting on the territory of the USSR, the broadcasts' thematic content, the form of the radio materials, the composition of the listening

audiences and the factors that determined the growing influence of “enemy voices” on mass consciousness in the USSR.

Research implications. The findings contribute to the study of the Russian history of the late Soviet period, when the USSR listeners gained access to the values alien to socialism and imposed by the western radio channels.

Keywords: information war, foreign broadcasting channels, late Soviet period of history, socialist way of life

Введение

Информационные войны Запада против России имеют глубокую историческую традицию, формирование которой чаще относят к концу XV в., когда завершилось объединение русских земель с центром в Северо-Восточной Руси. На политической карте мира появилось обширное, суверенное Русское государство Ивана III. Это событие стало основанием для начала польско-литовской пропагандистской кампании против ново-явленного государства, в ходе которой был сфабрикован политический миф, отрицавший право соседнего государства называться русским, использовать правителями этого государства наименование «Русь», «русский» в своих титулах. Взамен был предложен фальсификат «Московия».

Впоследствии фазы обострения информационных войн против России наблюдались в периоды государственного и национального подъёма нашего Отечества. При этом расширялись каналы ведения информационных войн, усложнялась и совершенствовалась система их ведения, изощреннее становились приёмы.

В условиях постиндустриального общества, когда произошли качественные изменения в развитии традиционных средств массовой информации, в повседневность вошли Интернет, технологии и коммуникации глобальной сети, информационные атаки против России стали носить глобальный характер. При этом вместо прямолинейной пропаганды всё энергичнее используются специальные технологии, которые позволяют воздействовать на психику людей. Запад через

средства массовой информации, соцсети обрушивает на современную Россию беспрецедентный поток ложных, бездоказательных обвинений, сфабрикованных политических мифов, направленных на разрушение исторической памяти нашего народа, на подмену и уничтожение национальных духовных ценностей. Прежние носители культуры и морали, герои искусственно принижаются, низвергаются, а прежние «антигерои» – наоборот, возводятся на пьедестал. Делается это с целью подчинения общественного сознания россиян для решения собственных геополитических задач, разрушения устойчивости государственной системы Российской Федерации.

Глобальная информационная война актуализирует изучение истории информационных войн. Эта тема привлекает внимание учёных самых разных отраслей социогуманитарного знания – философов, социологов, политологов, историков [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Однако сюжет, которому посвящена данная статья, специально не изучался.

Цель представленной статьи – определить масштаб вещания западных радиоканалов на территорию СССР, тематическое содержание передач, состав слушательской аудитории; выявить факторы, определявшие усиление влияния «вражеских голосов» на массовое сознание.

Сеть антисоветских радиоканалов. Динамика вещания на территорию СССР

Со второй половины 1940-х гг. в условиях развернувшейся холодной войны информационное воздействие Запада на

СССР усилилось. Антикоммунистические центры стали больше уделять внимания радиовещанию антисоветской информации на территорию СССР. Однако по ряду причин действенность этого средства ведения информационной войны Запада против СССР в те годы была незначительна. Мощность радиопередатчиков западных радиостанций, а также география их размещения выглядели очень скромно. Крупнейший канал «Голос Америки», например, в начале холодной войны вещал на территорию СССР только на русском языке и всего 1 ч в неделю. Кроме того, обладание личным радиоприемником с необходимым диапазоном частот, позволявшим услышать эти передачи, в СССР в послевоенные годы было явлением исключительным. Плотность «железного занавеса», особенности общественно-политической атмосферы в стране в первое послевоенное десятилетие, проживание основной массы горожан в коммунальных квартирах, общежитиях, временках, когда каждый человек даже в свободное от работы время в быту не был предоставлен сам себе, был на виду – также сильно ограничивало возможности ведения информационной войны против СССР при помощи радиоканалов. И самое главное: основная масса населения в трудоспособном возрасте в те годы – это поколение победителей в Великой Отечественной войне. Это было первое советское поколение, сформированное лишениями и трудностями, испытаниями и достижениями драматических довоенных десятилетий, тяготами и победами войны. Типичная личность этого поколения – человек, убеждённый в справедливости социального порядка в стране, указывающей и прокладывающей путь в будущее другим государствам и народам, человек с твердыми принципами и активной жизненной позицией, высокой степенью ответственности за всё, что происходит вокруг, способный на самоотверженный, жертвенный труд, скромный и непритязательный в быту [4, с. 52].

Поколение, родившееся после войны, было иное. Этому поколению было обещано, что именно оно и будет жить при коммунизме. Молодежь выросла, вступала в трудоспособный возраст в условиях мирной жизни, когда последствия военной разрухи были преодолены. Для молодежи в стране Советов были созданы все условия для получения качественного образования. В СССР разворачивались большие социальные программы.

В начале 1960-х гг. СССР стал первым в мире по числу строящихся квартир на 1 тыс. человек. Коммунальный быт уходил в прошлое. К середине 1960-х гг. уже 95% квартир имели статус отдельной [3, с. 129–130]. Небольшая благоустроенная квартира стала новым городским жилищным стандартом. А вместе с этим расширилось личное пространство советского человека, открылись новые возможности не только биологического, но и психологического комфорта.

Рост реальной заработной платы трудящихся, начало массового производства предметов широкого потребления, закономерный рост потребностей советских людей и условия, открывавшие возможность всё полнее их удовлетворять – всё это позволяло наполнять пространство отдельной квартиры современными предметами домашнего обихода, в т. ч. радиотехникой нового поколения. Информационное пространство СССР теряло теперь былую идеологическую жёсткость. У определённой части советских граждан появлялось желание и возможности услышать иное мнение, иную точку зрения, отличную от официальной риторики.

К началу 1970-х гг. ценой невероятных усилий СССР, создав ядерный потенциал, равный по мощности американскому, был на пике своего могущества. Сгладив острые углы во взаимоотношениях со странами социалистического содружества, СССР расширял своё влияние в развивающихся странах. Благодаря этим достижениям, а также дискредита-

ции США перед мировым сообществом из-за кровопролитной войны во Вьетнаме, из-за травмы, которую нанесла эта война американскому народу, появились возможности для паузы в холодной войне для разрядки международных отношений. Однако политика «разрядки» не означала паузу в информационной войне.

1 мая 1972 г., за 3 недели до начала исторического визита американского президента Р. Никсона в Москву, где планировалось подписать важнейшие советско-американские соглашения в русле политики «разрядки», в американском журнале «United States News & World Report» было опубликовано интервью Ф. Шекспира – директора информационного агентства США ЮСИА, которому, в частности, принадлежала радиостанция «Голос Америки». Это интервью по содержанию представляло собой программу ведомства, возглавляемого Ф. Шекспиром, по ведению информационной войны против СССР в новых исторических условиях: определение перспективных средств её ведения, направлений, тематики для расширения слушательской аудитории в СССР¹. На вопрос корреспондента о том, насколько успешной можно считать работу ЮСИА в других странах, Ф. Шекспир, подводя итоги, отметил: «Советский Союз добился в этой работе гораздо больших успехов, чем Запад. Это касается распространения своей точки зрения и завоёванной ею поддержки <...> я полагаю, что мы на Западе очень плохо работали для того, чтобы представлять важные для нас вопросы в нужном свете, чтобы довести до сознания людей наши идеи»². Как первоестественную задачу информационной войны на текущий момент, при неблагоприятном международном климате для США, директор ЮСИА определил «сохранение силы и сосредоточение на изучении про-

тивника, против которого ведём психологическую и политическую войну»³.

Отвечая на вопрос корреспондента о наиболее эффективных средствах ведения информационной войны, Ф. Шекспир подчеркнул: «Все революционные достижения в области средств связи принадлежат США <...> Но когда возникает вопрос об использовании этой передовой техники или современных методов для распространения идей за пределами нашей страны <...> мы действуем не так уж хорошо... Нам необходимо вести радиопередачи для недовольных в СССР»⁴. Наиболее перспективной слушательской аудиторией иностранных радиоканалов, вещающих на территорию СССР, была названа интеллигенция, особенно национальная, и молодежь. Хотя в интервью было отмечено, что доля недовольных даже в этой части общества СССР – это «меньшинство», но это «большое благо для США»⁵.

В качестве способов расширения слушательской аудитории иностранных радиоканалов, вещающих на территорию СССР, предлагалось методичное комментирование в «нужном ключе» таких тем, как «свобода слова в СССР», «свобода выезда из СССР всем желающим», «недовольство советской действительностью видных фигур советской интеллигенции» уровня академика Сахарова и писателя Солженицына, «межнациональные и межконфессиональные отношения», исторические события и события текущей советской действительности, которые нередко замалчивались средствами массовой информации в СССР, чтение романов А. И. Солженицына и т. п.

Как показывают информационные справочники ЦК КПСС сеть иностранных радиовещательных каналов, которые вели передачи на языках народов СССР, в позднесоветский период постоянно увеличивалась. «Голос Америки» оставался

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 5. Оп. 64. Д. 71. Л. 165–180.

² Там же. Л. 165.

³ Там же. Л. 174.

⁴ Там же. Л. 171, 173.

⁵ Там же. Л. 173.

крупнейшим из всех иностранных радиоканалов, вещавших на территорию нашей страны.

Во второй половине 1970-х гг. «Голос Америки» вёл передачи на 36 языках мира, в т. ч. на 7 языках народов СССР, обеспечивал радио и телецентры информационными материалами в 87 странах мира, располагал главной записывающей станцией и 32 студиями, мощными радиопередатчиками численностью более 100 единиц, которые были размещены не только на территории США, но и на территории стран Западной Европы, Азии

В середине 1980-х гг. «Голос Америки» проводил свои передачи уже ежедневно с территории США, Греции, ФРГ, Англии, Марокко, Филиппин на 9 языках народов СССР: русском, украинском, узбекском, армянском, грузинском, литовском, латышском, эстонском, азербайджанском. Общее время вещания на СССР составляло уже 30 ч 15 мин. в сутки³.

Одним из крупнейших антисоветских радиоканалов в середине 1980-х гг. являлось «Радио Свободы», принадлежавшее комитету «Свобода» и «Свободная Европа». Эта радиостанция осуществляла

Таблица 1 / Table 1

Количество иностранных радиовещательных станций, ведущих передачи на Советский Союз, и время их вещания в сутки на 15 мая 1984 г. / The number of western broadcasting stations broadcasting to the Soviet Union and their broadcast time per day as of May 15, 1984

Радиостанции		Время ведения передач на Советский Союз в сутки (в часах)			
Всего	В т. ч. подвергающихся глушению	Общее		В т. ч. подвергающихся глушению	
		MIN	MAX	MIN	MAX
37	8	220,15	223,3	142,05	144,4

Источник: РГИА. Ф. 5. Оп. 90. Д. 1068. Л. 39.

и Америки. Если в 1982 г. на территорию СССР в русле информационной войны сообщали материалы 32 радиостанции, то в 1983 – уже 35¹. К маю 1984 г. было уже 37 радиостанций (таб. 1).

Усиление информационной войны Запада против СССР, возраставшие возможности доступа советских людей к каналам иностранного радиовещания заставляли руководство страны тратить большие ресурсы на глушение передач. В середине 1980-х гг. глушению подвергались передачи 8 радиостанций: «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Радио Пекин», «Немецкая волна», «Радио Корея», «Радио Свобода», «Голос Израиля», «Радио Свободная Европа»².

¹ РГИА. Ф. 5. Оп. 89. Д. 875. Л. 29, 94.

² Там же. Оп. 90. Д. 1068. Л. 9.

вещание собственными передатчиками, располагавшимися на территории ФРГ и Испании, а также передатчиками «Радио Свободная Европа», размещёнными в ФРГ и Португалии. Передачи велись на 14 языках народов СССР. Время вещания на советскую аудиторию составляло 71 ч в сутки⁴.

Информационно-идеологическая направленность передач и отношение к ним советских слушателей и власти

Содержание передач многочисленных иностранных радиоканалов, вещавших советским слушателям, имело одинаковую информационно-идеологическую направленность. Это воспевание преиму-

³ Там же. Д. 1068. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 1068. Л. 23-24.

ществ «капиталистического рая», фальсификация истории СССР, негативные комментарии текущих событий в стране, партийно-правительственных решений, отрицание каких-либо достижений советской политической системы, чтение литературных сочинений антисоветского содержания, передачи музыкальных программ, представлявших музыкальные направления, не поощрявшиеся в СССР. Особое место занимали передачи, посвящённые критике национальной политики в СССР, межконфессиональным проблемам, направленные на развитие религиозных чувств у молодежи, с целью привлечения её внимания, прежде всего, к догматам ислама¹. Как отмечал в информационной записке от 20 сентября 1984 г. в ЦК КПСС академик Е. М. Примаков (в то время директор института Востоковедения АН СССР): «...наши противники используют рост мусульманского фундаментализма на зарубежном Востоке для дестабилизации положения в среднеазиатских республиках и в других районах Советского Союза с населением, имеющим мусульманские традиции. Всесторонним изучением этой части СССР систематически занимаются различные американские, английские, французские и западногерманские центры, университеты, другие учебные заведения, а также правительственные учреждения, в том числе Госдепартамент, ЦРУ, разведывательные органы трех родов войск США, Информационное агентство (ЮСИА), «Голос Америки»².

Как же воспринимали информационные программы иностранных радиоканалов граждане СССР? В справке в ЦК КПСС главный редактор газеты «Правда», анализируя содержание писем, поступивших в редакцию за 1977 г., отмечал повышенный интерес читателей к вещанию иностранных радиоканалов, а также приводил письма читателей на эту тему, содержащие типичные оценки кон-

тента западных радиостанций. Согласно данной аналитической справке авторами писем являлись, в основном, люди старшего поколения, прошедшие Великую Отечественную войну. Это обстоятельство, с одной стороны, во многом определяло характер оценок вещания «вражеских голосов», с другой – свидетельствовало о расширении слушательской аудитории западных радиоканалов в СССР. Например, письмо А. В. Воскресенского, инвалида Великой Отечественной войны, проживавшего в Москве на ул. Грекова, 4–195: «Недавно по иностранному радио слушал разглагольствования о защите прав человека. Это была оголтелая антисоветская пропаганда, клевета на советское государство. В СССР равные права имеет весь народ»³. В письме А. Малкова, инженера-наладчика (п. Опалиха Московской области), отмечалось, что в потоке информации «Голоса Америки» о СССР «мы не узнаём себя», «это кривое зеркало»⁴. И. Семенов (г. Черновцы, пр-кт Спортивный, 25–81), писал: «Я, ветеран Великой Отечественной войны, хочу высказаться о передачах «Голоса Америки». Мне есть, с чем сравнивать эту болтовню. В своё время также охаивал советский строй <...> Геббельс, превознося до небес западный образ жизни. Но мы прошли всю Европу, освобождая её от коричневой чумы, и своими глазами видели, чего стоят хваленые буржуазные порядки. Так что нас этими речами не проведёшь. Возможно, именно поэтому «Голос Америки» и делает ставку на молодежь, стараясь разжечь нездоровый интерес к материальным благам. <...> Мы, советские люди, не желаем слушать грубую антисоветскую ложь «Голоса Америки»...»⁵.

В таких условиях со второй половины 1970-х гг. участились выступления уполномоченных КГБ СССР на сессиях депутатов районных, городских и областных Советов, на пленумах городских

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 216. Л. 1.

² Там же. Оп. 90. Д. 129. Л. 59.

³ Там же. Оп. 75. Д. 244. Л. 116.

⁴ Там же. Д. 244. Л. 20.

⁵ Там же. Д. 244. Л. 19.

и областных комитетов КПСС. Уполномоченные выражали беспокойство по поводу усиливавшейся антисоветской пропаганды по радиовещательным каналам антикоммунистических центров, которые превратились «в активный способ оказания системного воздействия на увеличивающуюся аудиторию». Уполномоченные КГБ отмечали случаи записи передач иностранных радиоголосов для коллективного прослушивания¹. Начальник УКГБ СССР по Архангельской области Щелчков, выступая на пленуме Архангельского обкома КПСС 26 июня 1979 г., подчеркнул, что «несмотря на подписание договора ОСВ-2, США не отказались выступать в отношении нашей страны с позиции силы. <...> США, спекулируя Хельсинкскими соглашениями, «правами человека», используя дезинформацию, подогревая национализм, разжигая эмиграционные настроения среди евреев, немцев, засылая в страну эмиссаров зарубежных антисоветских формирований и клерикальных центров, расширяя антисоветскую пропаганду через зарубежные радиостанции, стремятся к подрыву политических и экономических основ нашего общества»².

Усиливавшаяся информационная война Запада против СССР вызвала необходимость принятия 23 мая 1977 г. постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности советских людей»³. Партийные организации, министерства и ведомства СССР, Госкомитеты и Главные управления при Совете Министров СССР, разработав комплекс мероприятий по выполнению данного постановления, активизировали усилия в русле задач, сформулированных в документе,

о чём докладывали в информационных справках в ЦК КПСС в декабре 1977 г.⁴.

Председатель Госкомитета по телевидению и радиовещанию С. Г. Лапин, например, отчитывался о контрпропагандистской работе: «Большой отклик у телезрителей вызвали передачи политических обозревателей о подрывной деятельности ЦРУ США против СССР и других стран социалистического содружества. Контрпропагандистские материалы содержатся также в передачах «Международная панорама», «Девятая студия» и других, в которых даётся отпор клеветническим измышлениям буржуазных радиопроцентров о советской действительности... По центральному телевидению в 1976–1977 гг. были показаны документальные фильмы, разоблачающие подрывную деятельность радиостанций «Свобода», «Свободная Европа» («Разрядка – друзья и враги» и «Свобода без маски»), международных сионистских центров («Скупщики душ»). В производстве находятся фильмы: «Секретный фронт против разрядки» – об операциях ЦРУ; «Ложь и ненависть» – о приёмах и методах враждебной пропаганды и идеологических диверсиях...»⁵.

Однако, как следует из справки Б. Стукалина, заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, даже в 1980-е гг. СССР не располагал специальными радиостанциями для оперативного и систематического комментирования радиопередач иностранных каналов на территории страны как для советской слушательской аудитории, так и для слушателей за пределами СССР. Только в ГДР, единственной стране социалистического содружества, имелась радиостанция, специализировавшаяся на такой работе. Это – «Чёрный канал», на котором комментаторы оперативно осуществляли работу по контрпропаганде⁶. В начале 1980-х гг. необходимость создания такой радиостанции стала осознаваться

¹ НАРК. Ф. 613. Оп. 52. Д. 3. Л. 216–217. Государственный архив Мурманской области в г. Кировске (далее: ГАМО в г. Кировске). Ф. 342. Оп. 1. Д. 70. Л. 83.

² Государственный архив Архангельской области (далее: ГАО). Ф. 296. Оп. 5. Д. 625. Л. 78.

³ РГНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 223. Л. 152–156; Д. 224. Л. 34–115.

⁴ Там же. Л. 152–156; Д. 224. Л. 34–115.

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ РГНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 103. Л. 7.

не только политическим руководством СССР, но и многими гражданами страны. Это следует из информационных справок отдела пропаганды ЦК КПСС о перечне наиболее повторявшихся вопросов, поступавших лекторам ЦК КПСС¹.

В такой обстановке начались переговоры Госкомитета СССР по внешнеэкономическим связям, Министерства связи СССР и других заинтересованных организаций с правительством ГДР о сотрудничестве в сооружении на территории ГДР в 1984–1988 гг. средневолновой радиовещательной станции общей мощностью 1150 кВт для советского вещания на страны Западной Европы. Длительный переговорный процесс завершился подписанием в Москве 18 декабря 1984 г. соглашения о сотрудничестве между правительствами СССР и ГДР в сооружении указанной радиостанции. Соглашением предусматривалось, что ГДР после ввода объекта в эксплуатацию будет предоставлять советским организациям для вещания до 20 ч в сутки в течение 20 лет². Решение, принятое с большим опозданием, осуществить не удалось, т. к. во второй половине 1980-х гг. в СССР и странах социалистического содружества изменилась общественно-политическая обстановка.

Между тем в начале 1980-х гг. тональность писем в редакции центральных газет СССР стала меняться, как в отношении политического курса страны, так и в отношении к «вражеским голосам». К типичным по содержанию письмам, поступившим в редакцию газеты «Правда» в 1983 г. можно отнести следующие корреспонденции. Например, письмо В. Ф. Скидан (г. Оха, Сахалинская обл., ул. Больничная, 19/3–54): «радиоголоса усиленно и успешно прививают советской молодежи «вещизм», «погоню за деньгами». <...> В 1960-е годы такого не было. Жили скромнее, были прямее, принципиальнее. А сейчас мучительно задаёшь вопрос: как получилось, что

тряпки с надписью «Вступайте в армию США» или с американским флагом стала носить наша советская молодежь?»³. Письмо Г. В. Гришкиной (г. Одесса, ул. Львовская, 218–4–52): «Что-то стал забываться у нас лозунг “Кто не работает, тот не ест!”». Сколько молодых людей нигде не работают, а имеют дачи, машины, дублёнки, золото, хорошие квартиры!»⁴. Письмо В. П. Лисового, члена КПСС, шахтера (г. Дзержинск, Донецкая обл., ул. Кооперативная, 2–26): «Я шахтер, горный мастер. Вышли мы с ребятами из забоя на поверхность, а тут сюрприз – повышение цен. Ведь 5 лет подряд повышаются цены, пора бы и остановиться. Возникает вопрос: почему не может стабилизироваться наша экономика? Чем, какими процессами вызван последний «подскок»? Надо это разъяснять народу. А без должного разъяснения появляется неуверенность в завтрашнем дне»⁵. Письмо семьи Беловых (г. Новосибирск, ул. Богаткова, 171/1–31): «Будет ли дано в печати достаточно ясное и полное объяснение повышения цен? Считаю, что это необходимо сделать. Без официального сообщения люди невольно слушают сплетников и «Голос Америки»⁶.

С начала 1980-х гг. в ЦК КПСС главным редактором газеты «Правда» систематически стали направляться сводки писем, поступившие в редакцию от граждан, посвящённые плохому снабжению продуктами питания и товарами первой необходимости многих городов и посёлков⁷. Иногда эти сводки озаглавливались так: «Об искусственном дефиците и злоупотреблениях в торговле»⁸.

В такой обстановке в соответствии с поручением июньского 1983 г. Пленума ЦК КПСС Академией общественных наук при ЦК КПСС был создан Всесоюзный научный центр по изучению обществен-

¹ Там же. Л. 7, 25, 28.

² Там же. Оп. 90. Д. 136. Л. 144.

³ Там же. Оп. 89. Д. 79. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 13.

⁷ Там же. Оп. 77. Д. 418. Л. 2–9.

⁸ Там же. Л. 10–23.

ного мнения на базе Института социологических исследований АН СССР (далее ИСИ АН СССР)¹. В 1984 г. это научное учреждение провело всесоюзное исследование образа жизни советских людей с целью выявления важнейших тенденций и проблем развития советского образа жизни, анализа условий и факторов, препятствующих его совершенствованию.

Исследование проводилось методом выборочного опроса по месту жительства людей среди лиц от 18 лет и старше, как работающих, так и не работающих, на территории 8 союзных республик (Азербайджанской ССР, Белорусской ССР, Киргизской ССР, Латвийской ССР, Молдавской ССР, РСФСР, Туркменской ССР и Украинской ССР), 1 автономной республики (Татарской АССР), 2-х краёв (Краснодарского и Хабаровского) и 12 областей РСФСР. Всего было опрошено около 10,5 тыс. человек².

Как отметил в справке в ЦК КПСС директор ИСИ АН СССР, доктор философских наук, профессор Н. Н. Иванов, анализ итогов социологического исследования позволил сделать обобщающие выводы. Исследование показало в целом позитивные тенденции развития советского образа жизни. Например, с опрошенных советских людей отметили, что они стали жить лучше, чем в начале 1970-х гг. Это объяснялось ростом заработной платы, которая увеличилась за прошедшие годы у 60% работающих; улучшением жилищных условий – у 52,5%; улучшением питания – у 55% опрошенных, а 63% опрошенных стали лучше одеваться. В справке отмечено, что полученные результаты прямо соотносятся с имеющимися статистическими данными. Как позитивные черты реально существующего советского образа жизни были отмечены: социальный оптимизм, интернационализм, коллективизм, трудовая и общественно-политическая активность большинства населения, что свидетельствовало о со-

впадении в значительной степени нормативной модели социалистического образа жизни с реальной действительностью³. Были упомянуты и некоторые другие положительные тенденции.

Но в тоже время исследование выявило ряд негативных тенденций, в частности, в формировании потребностей некоторых слоёв населения.

Исследование показало значительную дифференциацию в материальном положении людей как фактически, так и по их оценкам. Например, согласно ответам опрошенных, 10–15% населения (в зависимости от региона) живут от зарплаты до зарплаты, примерно у каждого четвертого возникают денежные трудности с покупкой одежды, но 5–8% живут, ни в чём себе не отказывая⁴.

Опрос показал, что у разных возрастных и профессиональных групп сложились свои представления о минимуме и максимуме «разумности» потребления. Многие молодые люди до 30 лет проявляли стремление приобрести дорогостоящие магнитофоны и проигрыватели, дорогие украшения, кооперативную квартиру, мебельный гарнитур и т. п., хотя по своим материальным возможностям относились нередко к группе живущих от зарплаты до зарплаты. Почти 46% взрослого населения жили, по их оценке, среди людей, все или большинство из которых «интересуются в основном приобретением вещей», считают это разумным и гордятся предметно-вещевой насыщенностью. Исследование констатировало широкое распространение потребительской психологии, привычку молодежи жить за счёт родителей, одностороннюю ориентацию на материальные блага, пассивное отношение части населения к таким явлениям, как разбазаривание социалистической собственности, нарушение общественного порядка, пьянство, благодушие в отношении подношений, борьба с национальными предрассудками.

¹ РГАН. Ф. 5. Оп. 89. Д. 103. Л. 109–111.

² Там же. Оп. 90. Д. 132. Л. 34.

³ Там же. Л. 35–37.

⁴ Там же. Л. 38.

Для значительной части молодых людей труд признавался ценностью лишь в той мере, в какой служит повышению социального статуса человека, росту его материального благополучия. Эта часть молодежи стремилась к «чистому», пусть и малосодержательному, но «престижному» канцелярскому труду, а также к труду в сфере торговли и обслуживания, что упрощало доступ к материальным благам¹.

Социологические исследования, как отмечал в информационной справке в ЦК КПСС директор ИСИ АН СССР Н. Н. Иванов, «выявили довольно многочисленную группу взрослого населения, которая в сегодняшних условиях считает важными, с точки зрения жизненного успеха, связи с «нужными» людьми и умение приспособиться. Она состоит из представителей разных социально-профессиональных и социально-демографических групп. Однако общей для всех чертой является разрыв между словом и делом. Характерно, что в своём большинстве (60%) эта группа состоит из людей, не имеющих среднего образования, каждый десятый из её состава – человек, не работающий в народном хозяйстве. Среди работающей части представителей этой группы чаще всего можно встретить работников сферы обслуживания. Представителей этой группы отличает также регулярное прослушивание передач зарубежного радио»².

Социологи констатировали деформацию ценностных ориентиров у значительной части респондентов. В качестве основных факторов негативных тенденций специалисты назвали «рост материального благосостояния народа», противоречие «между влиянием пережиточных явлений, потребительской психологии и социалистической общественной моралью», «между индивидуальным негативным социальным опытом <...> и общественными требованиями и нормами» и т. п.³

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 132. Л. 38-39.

² Там же. Л. 41.

³ Там же. Л. 41.

Заключение

На наш взгляд, главные факторы, обусловившие усиливающееся расхождение реального образа жизни советских людей с нормативной моделью социалистического образа жизни, заключались в другом. На фоне нараставших в позднесоветский период социально-экономических проблем, усиливавшейся информационной войны Запада против СССР, руководство страны всё очевиднее демонстрировало свою неспособность к структурным преобразованиям существующей экономической модели, переводу экономики на интенсивный путь развития, к обеспечению должной восприимчивости советской экономикой достижений научно-технического прогресса, неспособность к включению в действие реальных стимулов к труду. Это давало веские аргументы противникам СССР в информационной войне по расширению своего социального капитала среди советских граждан.

И главное – это кризис марксистско-ленинской доктрины в позднесоветский период истории СССР. С момента своего существования страна Советов имела идеологию, которая долгое время на равных противостояла идеологии Запада, находя множество сторонников за пределами СССР – в развивающихся странах, в странах Западной Европы, Америки, Азии. Новые условия постиндустриального общества, усиливавшееся идеологическое противостояние двух общественно-политических систем предъявляли повышенные требования к идеологическому обеспечению позиций оппонентов, для представления их в наиболее выгодном свете. С западной идеологией было всё ясно: защита частной собственности, демократических свобод, общества потребления. А вот марксистско-ленинская доктрина, предлагавшая концепцию будущего идеального общественного устройства, в позднесоветский период превратилась в набор застывших догм, всё больше отрывалась от реального положения дел в

СССР и в мире и не способна была объяснить нараставшие в стране социально-экономические проблемы, дать адекватные ответы на вызовы времени.

Идейно-философский поиск был подменён умением подбирать цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма, подходящие к тому или иному случаю. Сказывался также отрыв в позднесоветский период советской партийно-госу-

дарственной элиты страны от интересов народа, государства. Тем самым в стране, как бы исподволь, готовились условия для восприятия чуждых социализму ценностей «потребительского рая», которые упорно навязывали иностранные радиовещательные каналы своим слушателям на территории СССР.

Статья поступила в редакцию 14.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волковский Н. Л. История информационных войн. В 2 ч. СПб.: 2003. 1242 с.
2. Воронова О. Е., Трушин А. С. Глобальная информационная война против России. М.: Яуза-каталог, 2019. 320 с.
3. Горлов В. Н. Революция в строительстве в 1950-е гг.: от коммуналок к экономичным квартирам для отдельных семей в Москве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 125–132.
4. Колокольчикова Р. С. Радиостанции антикоммунистических центров как фактор информационно-психологической войны против СССР (1970–1980) // Актуальные проблемы гуманитарных и социальноэкономических наук. Ч. 1. Актуальные проблемы новейшей истории и историографии / под ред. А. В. Немчинова. М.: Перо 2019. № 13 (62). С. 51–54.
5. Коровин В. М. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
6. Почепцов Г. Г. Пропаганда и контрпропаганда. М: Центр, 2004. 252 с.
7. Смирнов Д. Н. Манипулятивные технологии и их применение в условиях смены политического режима: опыт оранжевой революции на Украине: дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2009. 352 с.
8. Ткаченко С. В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. 224 с.
9. Ventre D. Information Warfare. Wiley-ISTE, 2016. 352 p.

REFERENCES

1. Volkovskiy N. L. *Istoriya informatsionnykh voyn*. V 2 ch. [History of information wars. In 2 parts]. S.Petersburg, 2003. 1242 p.
2. Voronova O. E., Trushin A. S. *Globalnaya informatsionnaya voyna protiv Rossii* [Global information war against Russia]. Moscow, Yauza-katalog Publ., 2019. 320 p.
3. Gorlov V. N. [Revolution in house-building: from communal to economical apartments for families in Moscow in 1950s]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2014, no. 3, pp. 125–132.
4. Kolokolchikova R. S. [Radio stations of anti-communist centers as a factor of information and psychological war against the USSR (1970–1980)]. In: Nemchinov A. V., ed. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialnoekonomicheskikh nauk. CH. 1. Aktualnye problemy noveishei istorii i istoriografii* [Topical problems of humanities and socioeconomic sciences. Part 1. Current problems of recent history and historiography]. Moscow, 2019, no. 13 (62), pp. 51–54.
5. Korovin V. M. *Tretya mirovaya setevaya voyna* [World War III is Network War]. S.Petersburg, Piter Publ., 2014. 352 p.
6. Pocheptsov G. G. *Propaganda i kontrpropaganda* [Propaganda and counter-propaganda]. Moscow, Tsentr Publ., 2004. 252 p.
7. Smirnov D. N. *Manipulyativnye tekhnologii i ikh primeneniye v usloviyakh smeny politicheskogo rezhima: opyt oranzhevoi revolyutsii na Ukraine: dis. ... kand. polit. nauk* [Manipulative technologies and their use in the conditions of political regime change: the orange revolution in Ukraine: PhD thesis in Political sciences]. Nizhny Novgorod, 2009. 352 p.

8. Tkachenko S. V. *Informatsionnaya voyna protiv Rossii* [Information war against Russia]. S.Petersburg, Piter Publ., 2011. 224 p.
9. Ventre D. *Information Warfare*. Wiley-ISTE, 2016. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колокольчикова Римма Станиславовна – доктор исторических наук, профессор Череповецкого государственного университета;

e-mail: retinovka@mail.ru

Погорелый Александр Павлович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного ордена Жукова университета радиоэлектроники;

e-mail: apogor44@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rimma S. Kolokolchikova – Dr. Sci. (History), Prof., Cherepovetz State University;

e-mail: retinovka@mail.ru

Alexandr P. Pogorely – Cand. Sci. (Philosophy), Departmental Head, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Military University of Radio Electronics;

e-mail: apogor44@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колокольчикова Р. С., Погорелый А. П. Иностранные радиовещательные станции как средство информационной войны Запада против СССР в 1970-е – первой половине 1980-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 105–116.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-105-116

FOR CITATION

Kolokolchikova R. S., Pogorely A. P. Western broadcasting stations as a means of information war of the West against the USSR in the 1970s – early 1980s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 105–116.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-105-116

УДК 94 (41/99)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-117-124

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕМИРНОГО РУССКОГО НАРОДНОГО СОБОРА В КОНЦЕ XX СТОЛЕТИЯ

Иерусалимский Ю. Ю., Рудаков А. Б.

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить такое важное направление деятельности Всемирного русского народного собора (ВРНС) в 90-х гг. XX века, как обсуждение вопросов образования, науки и культуры.

Процедура и методы. В основе исследования лежит анализ материалов Всемирного русского собора (ВРС, позднее переименованного в ВРНС) о необходимости сохранения и дальнейшего развития отечественного образования, науки и культуры. Проанализированы материалы ВРНС, документы соборных слушаний ВРНС по вопросам образования, науки и культуры. В статье применены проблемно-хронологический, историко-системный и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В статье раскрывается, как в сложных социально-экономических и общественно-политических условиях 1990-х гг. ВРНС поддержал линию на возрождение отечественной науки, образования и культуры. В статье доказано, что диалог ВРНС с деятелями науки и культуры способствовал выработке предложений по преодолению кризисных явлений в культуре, народном просвещении и науке. ВРНС, тесно связанный с РПЦ, стремился к выработке новых представлений о взаимоотношениях религии, культуры, науки и образования. Показано влияние итоговых документов соборных дискуссий ВРНС 1990-х гг. на положения «Основ социальной концепции Русской православной церкви», принятых на Архиерейском соборе в 2000 г.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы преподавателями при разработке спецкурсов и спецсеминаров по общественно-политической жизни российского общества, истории РПЦ в конце XX столетия и истории отечественной науки и культуры в 1990-х гг.

Ключевые слова: Всемирный русский собор, Всемирный русский народный собор, церковь, образование, наука, культура

ISSUES OF EDUCATION, SCIENCE AND CULTURE IN THE WORK OF THE WORLD RUSSIAN PEOPLE'S COUNCIL AT THE END OF THE TWENTIETH CENTURY

Yu. Ierusalimskiy, A. Rudakov

Yaroslavl State University

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Abstract

Aim. To study an important area of activity of the World Russian People's Council (WRPC) in the 1990s – the discussion of education, science and culture.

Methodology. The basis for the research included the analysis of the materials of the World Russian Council (WRC, later renamed as WRPC) concerning the necessity of preserving and further develop-

ing the national education, science and culture. That included the materials of the WRPC and the documents of the WRPC hearings on education, science and culture. The research was conducted using problem-chronological, historical-system and comparative-historical methods.

Results. The findings revealed how the WRPC supported the revival of national science, education and culture in the difficult socio-economic and socio-political conditions of the 1990s. The research proves that the dialogue of the WRPC with scientists and cultural figures contributed to the development of proposals to overcome the crisis in culture, education and science. Closely associated with the Russian Orthodox Church, the WRPC sought to develop new ideas about the relationship between religion, culture, science and education. The article shows the influence of the final documents of the WRPC discussions in the 1990s on the provisions of the "The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church", adopted in 2000.

Research implications. The findings can be used for designing courses and seminars in social and political life of the Russian society, the history of the Russian Orthodox Church of the late twentieth century and the history of Russian science and culture in the 1990s.

Keywords: World Russian Council, World Russian People's Council, church, education, science, culture

Введение

Важной научной проблемой является изучение деятельности отечественных общественных организаций в период распада союзных структур и становления нового государства – Российской Федерации, а также всесторонний анализ отношения подобных организаций к важнейшим вопросам развития образования, науки и культуры в условиях социально-экономического и общественно-политического кризиса. В середине 1990-х гг. одной из влиятельных и авторитетных общественных организаций стал Всемирный русский народный собор (ВРНС).

Целью статьи является исследование роли ВРНС в восстановлении и дальнейшем развитии отечественного образования, науки и культуры, рассмотрение выступлений участников соборных заседаний и форумов, а также резолюций и итоговых документов, принятых ВРНС по указанным направлениям.

Основное содержание статьи составляет анализ материалов созданного в 1993 г. Всемирного русского собора (позднее переименован в ВРНС) о необходимости сохранения и дальнейшего развития отечественного образования, науки и культуры. Проанализированы материалы ВРНС, документы соборных

слушаний ВРНС по вопросам образования, науки и культуры. По рассматриваемым вопросам отсутствует специальная научная литература, однако общие сюжеты по деятельности ВРНС кратко анализировались в ряде работ [1; 2; 3]. Для изучения поставленных научных проблем были применены проблемно-хронологический, историко-системный и сравнительно-исторический методы.

Начало деятельности Всемирного русского народного собора

Вопросы образования и культуры играли и играют важную роль в деятельности Всемирного русского народного собора (ВРНС). ВРНС является междunarодной общественной организацией, созданной по инициативе Русской православной церкви. Согласно Уставу главой ВРНС с 1996 г. является патриарх Московский и всея Руси. Под его руководством ежегодно проводятся соборные заседания (соборы). В них принимают участие руководители всех ветвей власти и традиционных конфессий Российской Федерации, лидеры политических партий, известные деятели науки и культуры, наши соотечественники из-за рубежа.

ВРНС был создан для консолидации всех сил, стремящихся к успеху и процве-

танию России. В работе соборов традиционно представлен широкий спектр политических сил. Так, практически на всех 23 соборах ВРНС выступали такие различные по своим взглядам и убеждениям политические деятели, как Г. А. Зюганов и В. В. Жириновский. Главная задача ВРНС заключается в том, чтобы всемерно содействовать объединению соотечественников, развивать взаимодействие государства, церкви и общества для блага России.

ВРНС ведёт отсчёт своей истории с мая 1993 г. Именно тогда предшественник ВРНС Всемирный Русский Собор (ВРС) провёл свой первый форум в стенах Свято-Данилова монастыря в Москве. Темой его заседаний стала «Российская соборная мысль».

В принятой на I Всемирном Русском Соборе в 1993 г. резолюции по теме «Основы национальной программы воспитания и образования» была подчеркнута ответственность государства и общественности за результаты воспитания и образования¹. В соборных документах отмечалось, что ценности русской и мировой культуры должны стать доступными для освоения гражданами, а возможности развития способностей равными для всех².

Участники Всемирного Русского Собора отметили, что в условиях социально-экономического и общественно-политического кризисов 1990-х гг., вызванных распадом СССР, разрушением традиционных ценностных основ жизни общества, экономическими проблемами, приведших к резкому сокращению федеральных ассигнований на развитие вышеуказанных отраслей, необходимо особое внимание обратить на возрождение отечественной культуры, образования и науки, а также принять меры к повышению их престижа в российском и мировом сообществах.

II и III соборы ВРНС о культуре и образовании

В резолюции «О возрождении русской культуры и православном воцерковлении русских как решающих условиях духовного возрождения нации», принятой на II Всемирном Русском Соборе (Свято-Данилов монастырь, г. Москва, февраль 1995 г., тема: «Через духовное обновление к национальному возрождению»), указывалось, что ВРС считает своей важнейшей задачей восстановление «традиционной системы миропонимания и жизнеустройства»³. При этом, по мнению участников Собора, подъём народного самосознания станет возможным только в том случае, если образование и культура обеспечат восстановление понятий долга и служения как главной движущей силы деятельности христианина в мире.

Участники собора считали, что для этого необходим пересмотр системы взаимоотношений Церкви и культуры, включая литературу, театр и кино, и предостерегли от комплекса страха перед «клерикализмом» со стороны светских деятелей и не менее болезненного комплекса боязни «язычества» и «нецерковности» со стороны духовенства и верующих. Без этого, по мнению авторов резолюции, «православная миссия среди интеллигенции заходит в тупик».

В резолюции секции II Всемирного русского собора «О духовно-национальных приоритетах в области культуры. Программа национального образования: русская школа», отмечалось, что «душа русского образования – православное воспитание – постоянно питается живительными соками истории и культуры своего народа»⁴. При этом, по мнению участников Собора, «содержание образовательного процесса должно определяться диалогом исторического прошлого, современной реальности и желаемого будущего; православной и светской куль-

¹ Архив Экспертного центра ВРНС. Ф. 1. Оп.1. Д. 9. Л. 1–6.

² Там же. Д. 12. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 11. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 12. Л. 1.

туры, ценностей и традиций; русской культуры и культуры других народов; рационального и эмоционального, ума и души; гуманитарного и естественно-математического знания». При этом участники II собора потребовали «защитить русскую культуру» и мобилизовать усилия, направленные на отражение «духовной интервенции антикультуры и псевдокультуры», оказывающих разрушительное воздействие на нравственное сознание народа.

Особую роль в ходе дискуссий на Соборе играли вопросы защиты русского языка. В резолюции секции II ВРС указывалось, что «русский язык и литература – важная составляющая, духовная среда обитания русского народа». По мнению участников II собора, «содержание образования должно включать в себя 3 взаимосвязанных компонента, среди которых: обеспечение личности возможности самоутвердиться как представителю русской истории, культуры, ценностей и традиций; создание условия для вступления индивида в равноправный диалог с другими имеющимися в России культурами, и, наконец, включение учащих в современные мировые культурные процессы». Понимаемое подобным образом образование и воспитание должно было, по мнению участников собора, стать важнейшим ресурсом как духовного обновления, так и духовного возрождения России.

Необходимо отметить, что практически на каждом форуме ВРНС участники высказывались в поддержку духовно-просветительских инициатив Русской православной церкви. Так, участники II ВРС заявили о поддержке таких образовательных и духовно-просветительских проектов РПЦ, как Международные Рождественские образовательные чтения, программа «Духовное просвещение России», а также конкурсы учебников и учебных пособий по предметам духовного образования и православного просвещения¹.

В своём выступлении по итогам работы секции «Культура» на III Всемирном русском народном соборе в декабре 1995 г. (в это время ВРС был переименован в ВРНС) заместитель главы ВРНС, председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев отметил, что народ России не сможет восстановить свой потенциал, свою динамичность без опоры на выработанное веками культурно-историческое наследие². Обобщая итоги первой половины 1990-х гг., В. Н. Ганичев констатировал наличие положительных изменений, среди которых важнейшим является возрождение православия. Вместе с тем, по мнению писателя, параллельно развивался кризис отечественной культуры и образования: произошло резкое снижение государственных ассигнований на культуру до 0,6% от общей суммы бюджетных расходов. Государство должно изменить своё отношение к культуре – культурным учреждениям необходима поддержка.

Подводя итоги деятельности ВРНС в середине 1990-х гг. В. Н. Ганичев отметил, что действия первых трёх соборных форумов породили цепь организационных мер, продолжающих линию объединения культурных сил страны. В частности, была оказана поддержка фестивалю православного кино «Золотой витязь», инициатором которого стал известный актёр и режиссёр Н. П. Бурляев.

Получили своё продолжение и действия по сохранению русского языка, которому была посвящена Соборная встреча 1994 г. Её участники направили свои предложения в Министерство высшего образования, которое поддержало инициативу и приняло специальное постановление по теме русского языка.

Соборные форумы и «Основы социальной концепции РПЦ»

Идеи соборных форумов ВРНС нашли своё отражение в тексте «Основ соци-

¹ Архив Экспертного центра ВРНС. Ф. 1. Оп. 2. Д. 12. Л. 2.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–5.

альной концепции Русской православной церкви», принятых на Архиерейском соборе в 2000 г. Так, в п. 3 гл. XIV говорится, что «Церковь призвана и стремится действовать школе в её воспитательной миссии, ибо от духовного и нравственного облика человека зависит его вечное спасение, а также будущее отдельных наций и всего людского рода»¹. При этом было подчеркнуто, что Церковь, «следуя многовековой традиции, уважает светскую школу и готова строить свои взаимоотношения с ней исходя из признания человеческой свободы». Согласно положениям «Основ», школа является посредником, передающим новым поколениям нравственные ценности, накопленные в предшествующие века.

Именно эта важная задача отечественной образовательной школы и является полем её сотрудничества с РПЦ. В соответствии с текстом «Основ», народное образование должно служить не только передаче знаний детям и подросткам, но и давать импульс для проявления «нравственного чувства, любви к ближним, к своему отечеству, его истории и культуре». Подобная миссия школы призвана «стать задачей школы не в меньшей, а может быть и в большей мере, чем преподавание знаний»².

В вопросе оценки явлений культуры составители «Основ» констатировали, что «культурные традиции помогают сохранению и умножению духовного наследия в стремительно меняющемся мире». При этом было особо оговорено, что Церковь оставляет за собой право нравственных оценок явлений культуры. Показательна близость позиции «Основ» и документов ВРНС по отношению к так называемой «антикультуре». «Если творчество способствует нравственному и духовному преображению личности, Церковь благословляет его. Если же

культура противопоставляет себя Богу, становится антирелигиозной или античеловечной, превращается в антикультуру, то Церковь противостоит ей», – подчёркивалось в тексте Основ социальной концепции РПЦ³.

Соборные слушания «Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий»

Вопросам взаимодействия РПЦ и научного сообщества были посвящены соборные слушания по теме «Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий», состоявшиеся 18–20 марта 1998 г. в Московском Свято-Даниловом монастыре и в Московской Духовной академии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры⁴.

Основными докладчиками выступили президент Российской академии наук (РАН) Ю. С. Осипов, министр науки и технологий и будущий президент РАН В. Е. Фортков, заместитель главы Всемирного русского народного собора митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Своё приветствие форуму направили премьер-министр России В. С. Черномырдин, председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ Е. С. Строев, глава администрации Президента РФ В. Б. Юмашев.

Глава Всемирного русского народного собора патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил, что с трибуны Собора часто звучали призывы к диалогу Церкви с творческой интеллигенцией, однако не меньшее значение имеет диалог с научно-технической общественностью, с теми, кто работает в новейших областях знания. В ходе своего выступления па-

¹ Раздел XIV. Светские наука, образование и культура // Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Республика, 2002. С. 378.

² Там же.

³ Раздел XIV. Светские наука, образование и культура // Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Республика, 2002. С. 375–376.

⁴ Соборные слушания Всемирного русского народного собора по теме «Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий» // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата [сайт]. URL: <https://mospat.ru/archive/1998/03/nr180381> (дата обращения 10.05.2020).

триарх Алексей II предложил участникам задуматься над вопросами последствий расширения научно-технического знания и мотиваций творцов научно-технического прогресса – инженеров и учёных. Предстоятель Русской церкви отметил, что наука – это прежде всего люди, и вопрос о том, что движет ими, каковы их идеалы, вера, духовная ориентация, является важным для Всемирного русского народного собора¹.

По словам патриарха Алексея II, необходимо приложить серьёзные усилия для того, чтобы развитие науки и техники не приводило к опасным последствиям для человечества. Особое беспокойство патриарха вызвали, в частности, возможные последствия научных работ, например, в области геномной инженерии или клонирования живых организмов, непредсказуемые результаты распространения современных компьютерных технологий, создания глобальных информационных сетей. В своём выступлении патриарх Алексей II напомнил, что новые технологии, предоставляя человеку новые возможности, могут вести к новому порабощению людей, утере субъектности, трансформации человека и его сознания в объект технологических манипуляций.

При этом Алексей II подверг критике стремление объявить деятельность в сфере развития научно-технического знания чем-то принципиально враждебным религии и Церкви. Религиозный деятель предостерег от утилитарного подхода к науке и подчеркнул, что отказываться от науки сегодня невозможно и не нужно, но необходимо стремиться к тому, что научно-технический прогресс служил не глобальному культу потребления, а движению на пути к справедливой и мирной жизни, борьбе с голодом, болезнями, ни-

щетою и невежеством. Цель науки, научный долг учёного заключаются в поиске истины, а попытки поставить науку на службу частным корыстным целям, интересам наживы и доминирования очень опасны. По мнению религиозного деятеля, диалог науки и Церкви поможет научному сообществу избежать этих рисков, сосредоточившись на главной цели научной деятельности – поиске научной истины.

Алексей II также затронул вопросы, связанные с состоянием развития науки и техники в России. Подчеркнув, что Россия является великой научной державой, глава ВРНС указал на опасность ослабления научно-технического потенциала РФ. По мнению патриарха, «само национальное и государственное существование России неразрывно связано с состоянием её науки, образования, высокотехнологичных и наукоёмких отраслей промышленности»². Поэтому сегодня, когда судьба России в большей степени находится в руках представителей научно-технической интеллигенции, многое будет зависеть от их патриотизма, готовности мобилизовать свои силы на служение Родине.

По итогам соборных слушаний был принят итоговый документ, в котором констатировалось, что религиозное постижение мира не отрицает значимости научного познания, а условием конструктивного взаимодействия науки и религии является признание естественных границ для сфер духовного и интеллектуального труда человека. При этом противоречия между религией и наукой фиксируются лишь в тех случаях, когда они переходят эти границы, выступают с ультимативными суждениями о предметах, выходящих за пределы сферы их ведения [2]. Нарушение этих пределов, с чьей бы

¹ Соборные слушания Всемирного русского народного собора по теме «Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата [сайт]. URL: <https://mospat.ru/archive/1998/03/nr180381> (дата обращения 10.05.2020).

² Соборные слушания Всемирного русского народного собора по теме «Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата [сайт]. URL: <https://mospat.ru/archive/1998/03/nr180381> (дата обращения 10.05.2020).

стороны оно не исходило, приносит духовный ущерб развитию человечества, открывает путь для распространения суеверий и тоталитарных сект. Поэтому необходимо стремиться к бережному и тактичному отношению религии и науки к пограничным проблемам их деятельности, доброжелательному и уважительному диалогу между ними, примером которого служит деятельность М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, И. П. Павлова, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)¹.

Идеи соборных слушаний «Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий» также оказали определённое влияние на положения вышеупомянутых «Основ социальной концепции Русской православной церкви». Согласно положениям гл. XIV, религиозное и научное познание имеют различный характер, у них различные исходные посылки, методы, задачи и цели. По этой причине сферы научного и религиозного знания не могут противоборствовать друг с другом. «С одной стороны, в естествознании нет теорий атеистических и религиозных, но есть теории более или менее истинные, с другой – религия не занимается вопросами устройства материи», – говорится в тексте Основ социальной концепции РПЦ. В них цитируются слова М. В. Ломоносова, утверждавшего, что наука и религия «в распрю прийти не могут... разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду восклеплет»².

Принципиально важное значение также имеет положение Основ социальной концепции РПЦ, согласно которому взаимодействие Церкви и светской на-

уки способствует созданию здорового творческого климата в духовно-интеллектуальной сфере и тем самым придаёт импульс для развития научных исследований. Подобные положения высказывались на I–V соборных форумах и других мероприятиях ВРНС в 1993–1999 гг. Все это показывает, что материалы I–V соборов учитывались при работе над «Основами социальной концепции Русской православной церкви», готовились единомышленниками, и, возможно, одними и теми авторами.

Заключение

Таким образом, с самого начала своего существования Всемирный русский собор, а позднее Всемирный русский народный собор, стал одной из известных общественных организаций в стране. ВРНС приобрел авторитет среди правящей элиты, иерархов традиционных конфессий, верующих и атеистов, лидеров парламентских партий и различных общественных организаций, деятелей науки и культуры. Выступления первого главы ВРНС патриарха Московского и всея Руси Алексия II и заместителя главы ВРНС В. Н. Ганичева, резолюции и решения, принятые на I–V соборных форумах 1993–1999 гг. по вопросам развития образования, науки и культуры, тесно перекликались с «Основами социальной концепции Русской православной церкви». Всё вышеизложенное свидетельствует об эффективном взаимодействии Всемирного русского народного собора с Русской православной церковью, что вытекает из Устава ВРНС и характера всей его деятельности.

Статья поступила в редакцию 27.07.2020.

¹ Соборные слушания Всемирного русского народного собора по теме «Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий» // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата [сайт]. URL: <https://mospat.ru/archive/1998/03/pr180381> (дата обращения 10.05.2020).

² Раздел XIV. Светские наука, образование и культура // Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Республика, 2002. С. 371.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерёмин А. В. Формирование социальной концепции Русской православной церкви в современной России. Ярославль, 2010. 230 с.
2. Кобринский А. Л. Политические партии и депутатские группы в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации в 1990-е гг.: дис. ... док. ист. наук. М., 2004. 467 с.
3. Иерусалимский Ю. Ю., Рудаков А. Б. Роль Всемирного русского народного собора в консолидации российского общества в 1990-х годах // Дом Романовых и Ярославский край: мат-лы конф. / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2019. С. 437–444.

REFERENCES

1. Eremin A. V. *Formirovanie sotsialnoi kontseptsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi v sovremennoi Rossii* [Formation of the social concept of the Russian Orthodox Church in contemporary Russia]. Yaroslavl, 2010. 230 p.
2. Kobrinskiy A. L. *Politicheskie partii i deputatskie gruppy v Gosudarstvennoi Dume Federalnogo sobraniya Rossiiskoi Federatsii v 1990-e gg.: dis. ... dok. ist. nauk* [Political parties and deputy groups in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the 1990s: D. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2004. 467 p.
3. Ierusalimskiy Y. Y., Rudakov A. B. [The role of the World Russian People's Council]. In: Ierusalimskiy Y. Y., ed. *Dom Romanovykh i Yaroslavskii kraj* [The House of Romanovs and Yaroslavl Territory]. Yaroslavl, 2019. P. 437–444.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;

e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Рудаков Александр Борисович – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории, Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;

e-mail: arudakov@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuriy Yu. Ierusalimskiy – Dr. Sci. (History), Prof., Departmental Head, Department of Russian Medieval and Modern History, Yaroslavl State University;

e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Alexander B. Rudakov – post-graduate student, Department of Russian Medieval and New History, Yaroslavl State University;

e-mail: arudakov@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иерусалимский Ю. Ю., Рудаков А. Б. Вопросы образования, науки и культуры в деятельности Всемирного русского народного собора в конце XX столетия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 117–124.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-117-124

FOR CITATION

Ierusalimskiy Yu. Yu., Rudakov A. B.. Issues of education, science and culture in the work of the World Russian People's Council at the end of the twentieth century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 117–124.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-117-124

УДК 94, 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-125-138

“BLACK LEGEND” AS A TOOL OF THE GEOPOLITICAL STRUGGLE IN THE SIXTEENTH CENTURY AND ITS INTERPRETATION TODAY: THE DENIGRATION OF THE ENEMY-COUNTRY AND THE STRATEGY OF “DEMONIZING” THE ENEMY

K. Ashrafyan¹, M. Beznosov²

¹ *Moscow Region State University*

24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Russian Federation

² *University of West Georgia (UWG)*

30118 Carrollton, 1601 Maple St., Carrollton, GA, USA

Abstract

Aim. To comprehensively study the real historical events that took place in 1562–1567 in Spanish Florida, when Spain was vilified by its enemies, while the illegal actions of the French themselves were presented in a different light to the society of France and Europe.

Methodology. The following important works formed the basis of this research: Bennett’s publications, including the memoirs of the French who participated in the events; the letters from the kings of Spain and France, as well as Spanish ambassadors in France; the memoirs of the contemporaries of those events and published manuscripts. The research was conducted using the methods of comparison, historical analysis, and expert assessment.

Results. The history of the struggle between Spain and France on the shores of modern Florida and in the West Indies in 1565 allows drawing a historical parallel between the development of manipulative methods of influence today and the methods of denigrating the enemy 450 years ago. Both then and today the “image of the enemy” is used to justify any illegal actions. The examples from 450 years ago show how bribery and the economic incentives of the “fifth column” of traitors within the country can cause irreparable damage to an entire state.

Research implications. The historic examples show and reveal the myths about Spain, as well as the methods and scale of the information war aimed at creating an image of the enemy for the society of France and European countries. A comparative analysis of these historical events of 1563–1565 and contemporary technologies of information warfare sets a prospect for further studies.

Keywords: Black Legend, Spanish Florida, French Florida, pirates West-India, Jean Ribault, Menendez, La Carolina, information war, enemy image, fifth column, mythological model, demonization strategy

«ЧЕРНАЯ ЛЕГЕНДА» КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В XVI ВЕКЕ И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕГОДНЯ: ОЧЕРНЕНИЕ СТРАНЫ-ВРАГА И СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЯ «ДЕМОНИЗАЦИИ»

Ашрафьян К. Э.¹, Безносов М.²

¹ Московский областной государственный университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Университет Западной Джорджии (UWG)

30118 Carrollton, 1601 Maple St., Georgia, USA

Аннотация

Цель. Всесторонне изучить реальные исторические события, происходившие в 1562–1567 гг. на Земле испанской Флориды, когда Испания была очернена врагами, а незаконные действия самих французов были представлены в ином свете обществу Франции и Европы.

Процедура и методы. Для исследования были отобраны важные работы: публикации Беннета, в т. ч. мемуары французов, участвовавших в событиях, письма королей Испании и Франции, испанских послов во Франции, воспоминания современников тех событий и опубликованные рукописи. В работе использованы методы сравнения, исторического анализа, экспертной оценки.

Результаты. Проведена историческая параллель между событиями развития техники манипулятивных методов воздействия сегодня и методами работы по очернению врага 450 лет назад. Показана история борьбы между Испанией и Францией на берегах современной Флориды и в Вест-Индии в 1565 г. И тогда, и сегодня «образ врага» распространяется, чтобы оправдать любые противоправные действия. На примерах 450-летней давности видно, как подкуп и экономические стимулы «пятой колонны» предателей внутри страны могут нанести непоправимый ущерб всему государству.

Теоретическая и/или практическая значимость. На реальных примерах рассмотрены и раскрыты мифы об Испании. Показаны методы ведения и масштаб информационной войны, направленный на создание образа врага для общества Франции и европейских стран. Проведён сравнительный анализ исторических событий 1563–1565 гг. и современных технологий информационной войны.

Ключевые слова: чёрная легенда, испанская Флорида, французская Флорида, пираты Вест-Индии, Жан Рибо, Менендес, Ла Каролина, информационная война, образ врага, пятая колонна, мифологическая модель, стратегия демонизации

Introduction

Although the term «Black Legend» was used by the French writer Arthur Levy in his work *Napoléon Intime* in 1893 A.D., and Emilia Pardo Bazan y de La Roi-Figueroa¹ wrote the work «Spain yesterday and today. The end of the legend» in 1899 A.D., but it became widespread in the 20th century when in 1914, Julian Juderias y Loyot already ac-

cused all European thinkers that «they were completely purposefully involved in slandering the Spanish nation as a historical community» and that «everything negative said about Spain and the Spaniards are slander and malice of all Europe» [1, p. 232].

However, the term «Black Legend» best fits the «defamatory propaganda» that was waged against Spain and the Spaniards in the XVI century by Italy, France, England, and the Netherlands.

In this investigation we considered the events which took place opposed both sides

¹ Emilia, condesa de Pardo Bazán. Spanish writer. In: *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Emilia-condesa-de-Pardo-Bazan> (accessed: 8.03.2020).

of the Atlantic Ocean. The main point is that the French crown used «slandering propaganda» («negative propaganda») among the French in the relationship to Spain to cover her own pirate's activities against Spain and Portugal.

Outright lies, hiding of their illegal actions, and inflating events in the spirit of modern «information war» high probability led to the justification and unrestrained growth of piracy between the Old World and New World in the 16th century and flowed into the 17th century. Studying one of the most striking examples in history from 1562–1567, we fulfilled, according to Soviet scholar Fursov A. I., the task of «historians as detectives of world history», relying on primary sources and documents from different countries that became available to us in the era of the technical revolution, and compared it with the current state of things in the vast modern information struggle.

The global reach of society by slanderous propaganda led the high intensity of hatred of Spain, which has made the image of Spain as the main threat to other European countries very permanent, and this has led to the existing fear of European society from Spain. The propaganda of the enemy countries told about Spanish laziness, which was the result of the belligerence, pride. All of these was an obstacle to the development of society and trade and industry, according to French enlighteners. [1, p. 232].

Russian scholar E. Yurchik claims that writers from Italy, such as Petrarch, Valla, and Boccaccio, began to portray the Spaniards very unpleasantly because Spain was becoming a dangerous rival for Italy. Italian philosophers represented the Spaniards as semi-Saracens and stated that the Christianity of the Spanish people was very doubtful, and every Spaniard was not of pure blood, but had the blood of Jews and Muslims and said that the Spaniards were more barbarians or semi-barbarians. And all these efforts were aimed at cultivating the image of the Spaniards as outsiders in Europe.

The image of Spaniards as scarecrows existed in many countries, even far from Spain (for example, in Russia) from 1492 to the present. Countries that were enemies of Spain needed this image to show the public examples of horror (the Inquisition), callousness (the killing of thousands of natives), and plundering of peoples (sending gold and silver to Spain and destroying the Aztec, Mayan, and Inca civilizations). It was very profitable for them to hide their crimes, to justify their piracy and violence, to say that their illegal actions were only a step of revenge against Spain, but in fact, these steps covered real attacks, robberies, murders of hundreds and thousands of people around the world and were just a justification for the war for their interests in different countries.

As said E. Yurchik in the interview if we look at the other side, we will find that Spain has been under the pressure of information wars for more than 500 years and has suffered humiliation from European enemies. And these situations increased during anti-Spanish behavior in different countries at different times (this was in Italy, France, England, the Netherlands, the United States, etc.) and depended on the political and economic courses of the aristocracy and business in these countries. An example is the Netherlands, where the book «The apologize or defense of the noblest Prince William, by the grace of God, Prince of Orange... against the proclamation and edict, published by the King of Spain...» was published in 1580 in French, accusing the Spanish king Charles V (Charles I) of aggression and tyranny as said E. Yurchik in the interview.

E. Yurchik said that when Spain appeared on the international arena all enemies used, again and again, the same methods, techniques, and the same stereotypes: enemies told about Spain as a neighbor which haven't any good characteristics and that Spaniards are fanatics and have non-Christian representations of the world and are the enemy for all Europe. And Spaniards is they are lazy, proud, arrogant, and their main occupation is war.

Antonio Perez¹, the former private secretary of Philip II, who had access to many state secrets, as befits a renegade, once in France, writes his «Relaciones» [13] which published in 1598, where he creates the image of Philip II, embodying all the vices of the Spanish nation. Unfortunately, these attacks achieved their goal – all generations in Europe grew up and had very real forms of false ideas about Spain and the Spaniards. This lie was very strong, and even the intelligentsia in Spain repented of their history [1, c. 233], although Spain was no different from other countries, and sometimes the Spaniards were more humanists than other Nations as said E. Yurchik.

Thus, today we can show the course of history and how to create various myths of the image of the enemy from Spain in contrast to the supposedly more enlightened Europe. This reminds us of the situation with the creation of myths about Russia described in the book of V. E. Baghdasaryan about anti-Russian historical myths [2].

We have seen the wrong exculpatory policy of Spain in relation to the hyped false and aggressive policy of France when the French accused the Spaniards of anything to cover up their own crimes and murders. Also, France itself kept silent about its economic interests during the colonization of Florida under the guise of supposedly peaceful settlers, who quickly turned to pirate attacks on Spanish possessions in the New World.

We showed the «Fifth column» from traitors of Spain who preferred their enrichment and growing personal accounts instead of serving their Motherland.

We believe that will be a more comfortable presentation of material if we follow the next steps during describing events:

- information attack;
- the event which took place;
- motivations and own goal;
- economic reasons for an event;
- main aspects.

¹ Antonio Perez. In: *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Antonio-Perez> (accessed: 8.03.2020).

Analysis of historical events of 1562–1567 on the land of Spanish Florida

Information attack

The allegation of the massacre of peaceful French Huguenots, including men, women, and children, in a settlement on Florida land at Fort La Carolina by the Adelantado (Spanish governor) of Florida², Pedro Menendez de Aviles, and his troops [6, p. 118–122].

This story was written by the cartographer and artist Jacques Le Moyne de Morgues³ [6, p. 2–7], who escaped with the head of La Florida expedition René Goulaine de Laudonnière [6, p. 18] from the captured Fort La Carolina [6, p. 162]. Le Moyne wrote that this story was allegedly written by an eyewitness to the events of an unknown (his name is not given) French sailor from Dieppe [6, p. 118]. This sailor was allegedly in the second group with Ribault and surrendered to the Spaniards a few days after the murder of Ribault's Huguenot soldiers on the «Cape of carnage». Strangely, the source doesn't even have a first or last name, but we should trust it as the current unproven «highly likely».

Events 1562–1565

French fort La Carolina (near the modern city of Saint Augustine) was captured by Spanish soldiers on the coast of Spanish Florida (Pascua de Florida), which was discovered by conquistador Ponce de Leon [1, c. 61; 3, c. 320–341; 11], his navigator Anton de Alaminos during the expedition [12] in 1513 [10].

Spaniards really killed 450 French soldiers under the leadership of Jean Ribault but kept the lives for all Frenchmen who were Catholics' which with women and children from Fort La Carolina which were sent to Havana by ships of Spain.

² Adelantado. In: *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/search?query=Adelantado> (accessed: 8.03.2020).

³ Daniels G. C. Le Moyne's Florida Indians. In: *The New World*. Available at: <http://thenewworld.us/le-moynes-florida-indians> (accessed: 8.03.2020).

The motives and real purposes of France

The purpose of the propaganda was to seek to consolidate French society since France has divided into two warring camps – the Huguenots and the Catholics, who waged religious war for many years inside France.

The second goal was to conceal and justify their actions in violating the Treaty of Cateau-Cambrésis 1559¹ and to justify their French piracy in the New World, which was funded by the French crown.

The third goal was to justify the illegal seizure of land in Spanish Florida and the occupation of territories strategically located near the Bahamas channel as a unique route for all Spanish ships coming from the New World.

Economy reasons for an event

There was full control for the routes of Spanish ships with gold and silver from New World in case of successful founded the settlement and established of French Florida. In this case, Frenchmen could take the money as toll and have the possibility of sinking all ships of Spain in the case of disobeying [17].

So, if the defense of the Fort La Carolina by French Huguenots was successful there was a strategic position in Florida, and France could take the money for toll without occupied territories of natives' people and fights with them.

Also, this side was a very nice place for piracy bases for all types of ships that rob and carried on the illegal trade and shared half of the loot with the French crown.

Also, this point was a very convenient point to organize rebellions in West-India by black slaves and disaffected local leaders (caciques) for the purpose of bringing the administration of the West-India under the jurisdiction of France.

Florida was the strategic point to find the settlement of French Huguenots on the territory of Spanish Florida.

¹ Treaty of Cateau-Cambrésis. In: *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/search?query=Treaty+of+Cateau%E2%80%91Cambr%C3%A9sis> (accessed: 8.03.2020).

France needed Florida as a strategic base for an attack on the trade ships of Spain which led from the New World and the point to conduct piracy activity. If this point could function so this led to control under all Atlantic coast from Florida to Newfoundland and declaring territory as territories of France in 1535, Jacques Cartier (French: Jacques Cartier, Bret. Jakez Karter), who discovered the country Canada and declared it to belong to France².

What's happened really?

France broke the peace accord that was developed in the Treaty of Cateau-Cambrésis 1559. This was done under pressure from Pope Pius IV (Giovanni Angelo Medici)³, who was at war with Spain in Italy. The French landed twice on the coast of Florida. The first time France did it in 1552 A.D. and founded Fort Charlesfort and the second time it was in 1564 A.D. when French Huguenots founded fort La Carolina.

Spain sent several ships to Florida under the command of the Adelantado of Florida, Pedro Menendez de Aviles.

France sent 7 ships with 600 soldiers led by Viceroy of the French Florida Jean Ribault in 1565 to fight the Spanish and supported a new Fort that was built in 1564 there and was named La Carolina. The French expedition consisted of 600 men, 52 captains, 7 Huguenot priests [7, p. 60] and women, artisans, and others [6, p. 111].

Spaniards and French fleets reached the beach of Florida simultaneously on 25 August 1565. The Frenchman had more fast and better ships, they had a nice Fort La Carolina and a big garrison. There were more soldiers of France than Spaniards.

Soon the Spaniards' ships entered in the water near the La Carolina and the enemies saw each other but the Spaniards left this place without a fight.

² Jacques-Cartier. In: *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Jacques-Cartier>. (accessed: 8.03.2020).

³ Pius IV. In: *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Pius-IV>. (accessed: 8.03.2020).

6 September 1565 the French soldiers embarked on the 4 ships and followed to a fleet of Spain to try to find them. They wanted to kill all of Spaniards. But a hurricane sank all French ships 10 September 1565 [9, p. 149]. Both fleets were wrecked [9, p. 149]. One ship from seven was found in September 2015 near the coast of Florida¹.

In this time Menendez and 150 the Spaniards made march by the land and attacked fort La Carolina 12 September 1565. The fort was captured in the result of several moments and mistakes of Frenchmen [9, p. 149] and by guide Frenchman Jean François. The Spaniards killed all men and kept the life for women and children under 15 years. 70 people were spared and except fifty or sixty who jumped from the walls of the fort and took refuge in the woods from which the Adelantado had come [8, p. 62]. During the attack were only 150 Spaniards included without any support ships under the head of Menendez.

The aborigines found the first group of 127 French people who were on the inlet and immediately told about it for Menendez. Frenchmen offer 50.000 (fifty thousand) ducats if Menendez spared all their lives. «But Menendez said that they belonged to the new religion, he considered them enemies. He had a war of blood and fire with them, and he would wage it with all cruelty against those he found on that sea or land where he was viceroy and captain general for his king» [8, p. 66]. The Spaniards tied up the surrendered French by 10 men and took them behind the dunes and stabbed them [8, p. 67]. The Spaniards killed 111 from 127 Frenchmen every one [21] but excluded persons who had catholic faith [8, p. 63–68].

12 October 1565 native people found the second group which was about 200 French soldiers under head Jean Ribault who was the Viceroy of French Florida. Menendez

killed 134 Frenchmen with Ribault [21] everybody excluded people with catholic faith [6, p. 111; 8, p. 69–73].

1 November was found in the third group by Indians. This group is surrounded and taken prisoner and all captures from this group and La Carolina sent to Havana [8, p. 74–78].

There were the memories of cartographer and painter Le Moyne which wrote about Spaniards as very crude people and he describes some cruelties during the fights and after. Many of his describe stories were taken from the Frenchman was taken prisoner by the Spaniards. It was only words and emotions. There was not describing the fact that was kept alive 50 women and children and were surrounded and kept lives for 100 French soldiers from the third party which was detected by aborigines and surrounded [8, p. 75].

The covert mission of Frenchmen in Florida

When the fort La Carolina was captured Spaniards was found the box in the room of Jean Ribault. There were documents there. And in one of them was written that admiral of France Gaspard Coligny ordered for Ribault executed special mission. The mission had the plan to defend the Fort from the Spaniards and send Frenchmen in all parts of West-Indies by ships and release all black slaves to raise the rebellions for the purpose to capture lands of Spaniards and kill all of them. The goal of this raising of rebellions was to capture the lands and forts of Spaniards by France fleet and to create a government of Frenchmen and let black men, mulattoes, and mestizos take the Huguenot religion and began the pirates' wars and trade between France and new lands which must take from the Spaniards. So, there were the orders from the admiral of France – Gaspard Coligny to Viceroy of the French Florida Jean Ribault to mass murder and expulsion of Spaniards from their territories in the West Indies, Florida, and other territories. Many people saw this document [8, p. 222].

¹ La Trinité, le navire du corsaire Jean Ribault, émerge des flots en Floride. In: Lire le journal. Culture. Available at: <https://www.lefigaro.fr/culture/2016/12/01/03004-20161201ARTFIG00232-latrinite-emerge-des-flots-en-floride.php> (accessed: 8.03.2020).

The cheat of the society about peaceful settlements and the mission of Huguenots

Menendez and his soldiers found a little coffer of documents that Jean Ribault, the general of the French troops, had in his room [8, p. 207]. So, there were the orders from Admiral Gaspard Coligny to Viceroy of the French Jean Ribault and for the founder of fort La Carolina – René de Goulaine de Laudonnière to protect fort La Carolina and held the coast of Florida and did not allow the Spaniards to harm them [8, p. 205–207]. So, we can see that France announce war to the Spaniards.

Before arriving in Florida from France, several Frenchmen raised a toast to the heads of Pedro Menendez and his men, whom the French called «Spanish pigs», and French soldiers said they want to hang them in their shipyards and the shipyards of Spanish ships: «I drink to the heads of Pedro Menéndez and his men, who are Spanish pigs! We shall punish them by hanging them from the yards of their ships and our own, and they shall not come back to look for us in this, our land!» [8, p. 75].

Cover own crime in 1562–1567

Frenchmen disembarked in 1564 and built the fort La Carolina and immediately shown their plans.

From 4 to 10 September 1564 the ship under the head of very famous French pirate Bourdet Jean Bontemps [15, p. 33–34] visited Huguenots in La Carolina [14, p. 265]. This ship did not participate in the expedition and Bontemps was privateer and back to France from the piracy voyage in West-India which took place every year. He had a plan to visit the previous fort of Frenchmen in Florida – Charlesfort, which was left by Huguenots in 1563 not far from La Carolina [7, p. 53]. And he had news to Laudonnière about the expedition of Ribault. There were several sailors and two carpenters left in Huguenots colony from the ship of Capitan Bourdet Jean Bontemps [14, p. 265].

1563. King Charles IX wrote the letter about captain Bourdet where he calls the pirate Bourdet Jean Bontemps «my captain»

who keeps in touch between Florida and France and brings news from there about the creation of Charlesfort [6, p. 129].

From this letter, we understand that the king was well aware of the piracy and construction of an illegal French settlement in Florida in both 1562 and 1564.

Pirate captain Bourdet robbed the Spain territories since 1550th years. He took place in piracy, illegal trade of negroes from Africa, kidnapping, etc. in the New World on the territories of Spain.

In 1559, the Huguenot Frenchman Bourdet Jean Bontemps and Jean-Martin Cotes attacked Santa Marta, Cartagena, and ravaged them receiving in their robber attacks 100,000 pesos and as it turned out constantly went to rob and illegal traded with Hispaniola and other territories of Spanish New World every year. He changed the Catholic faith to the Huguenot's faith in 1562 [8, p. 167].

After he visited many officers and sailors from the new settlement La Carolina in Florida went to pirates' voyages from Florida to West-India. [14, p. 265].

6 (or 9) December 1564. 60 Huguenots took two ships which were built in the colony and sailed to the south from fort La Carolina [9, p. 146] to capture Spanish ships with gold and silver from New World. They reached Cuba and captured several Spain ships [9, p. 145–146].

Huguenots-pirates from Florida returned to Fort La Carolina on March 25 with captured the Spanish brigantine [14, p. 266].

Soon they began again to plunder and attack Spanish ships at sea and captured the Governor of Havana. The Governor offered a large ransom for himself and his two sons. The French sent one son to the Governor's wife and waited for the money. The woman understood her husband's secret plan, which the governor told his son in his ear when he was alone with him. And the ships and the soldiers from Cuba surrounded pirates and attacked them. 26 French pirates-Huguenots out of 60 withdrew from the battle and returned to La Carolina. Six Frenchmen were

killed, and others were captured and sold as galley slaves. The pirates which back to La Carolina in Florida were noble Fourneau, Teen de Genovese, La Croix, Navigator, and sailors [6, p. 108–109].

Only after this piracy attack administration in West India and king Phillip II understood the very big danger from the settlement of French Huguenots in Florida. King Philip II decided to find the constant settlement and remove France from the Florida coast. The Queen-Mother Catherine Medici of French king Charles IX wrote the letter in 1566 to Philip II about punish Pedro Menendez for killing French Huguenots in Florida and the ambassador forced to excused for Menendez actions [6, p. 179].

There were explanations of the actions of Adelantado by the Spanish Ambassador in France on the French crown's demand to punish Menendez [6, p. 131]:

- The French who settled in Spanish Florida were not regular soldiers but were armed pirates.

- The French greatly outnumbered the Spaniards of Menendez (French soldiers of Ribault and René de Goulaine de Laudonnière from the first expedition).

- There were no ships to send prisoners (all the ships were destroyed by the storm), and there were no food supplies to feed everyone [7, p. 60], and there was a clear threat of starvation. There was a threat of an Indian uprising and the capture of Fort La Carolina and then the Indians and the French would kill all the Spaniards (which happened two years later – during the revenge expedition of captain Gourgues [6, p. 202–227]).

- All the women and children of the settlers from fort La Carolina and 100 people who surrendered on 1 November 1565 were rescued

- All the Catholics were also spared.

*The activities of «Fifth column»
in 1565–1566*

There was a very interesting work of the «Fifth column», which we can observe from the evidence during the struggle of the

Spanish and French in Florida. Adelantado Pedro Menendez de Aviles [8, p. 165] was shocked by the actions of rich people in Hispaniola when he tried to organize a fight against French pirates. There were enemies within the West-India who were traitors to the interests of Spain.

Menendez found that the pirate-privateer Jean Bontemps many years since 1550th visited Hispaniola and Puerto-Rico to illegal trade by goods and black slaves, especially in 1564–1565.

Menendez kept the garrison about 50 arquebusiers and four good bronze artillery pieces, to protect the town Puerto-de-Plata on the Hispaniola Island [8, p. 165].

Soon the 4 ships of piracy under the head of Jean Bontemps tried to disembark to Puerto-de-Plata but they were repulsed from town by the garrison under the head of captain Aguirre.

It was a big surprise that no one helped soldiers except for only 5 volunteers. And Adelantado Menendez investigated this question. He discovered that the French pirate Jean Bontemps (Jean Botempt) very often conducted illegal trade with the citizens of this city with their consent [8, p. 165]. They traded in gold, silver, pearls, sugar, leather, etc. Many wealthy citizens believed that Menendez closed this channel of trade to enrich the citizens.

But the main point was that the wealthiest man in the city, Francisco de Ceballos, each traded more actively with the French, Portuguese, and other pirates, especially with Jean Bontemps. This Francisco de Ceballos owned a factory, cattle, and other wealth. Soon de Ceballos sent false reports to the Supreme court of Hispaniola that captain Aguirre and his soldiers were unruly and a threat to the city [8, p. 165–166].

The Supreme Court of Hispaniola Island asked King Philip II to replace captain Aguirre Francisco with de Ceballos, and appoint Ceballos as caretaker of the tower, and the king granted his request. Menendez wrote afterward that Francisco de Ceballos was conducting illegal trade with pirates from

France, Portugal, and England, who often visited the New World without permission and first plundered and then sold what they plundered, and this was contrary to the edicts of king Philip II [8, p. 165–166].

Menendez wrote that Francisco de Ceballos always avoids the court because he married the sister of Royal Judge (Licenciado) Lucas Vazquez de Ayllon [8, p. 165] and had family relations with members of the Supreme Court.

This was a personal hatred and dislike since in 1561 it was because Adelantado's position (Spanish governor) was transferred from De Ayllon's family to Menendez. This was done by king Philip II due to the delay and refusal of the son of De Ayllon to organize the settlement in Florida.

From that moment personal hatred and greed made Francisco de Ceballos a personal enemy of Menendez and at the same time a traitor to the interests of Spain. Francisco de Ceballos was outraged by the king's decision to appoint Menendez at the position as Adelantado but hid his hatred. He gradually began to harm and destroy the «fruits of the Spanish crown's labor». But he did it in secret, causing irreparable damage to Menendez and the Spaniards.

For example, when the ships of Menendez's nephew, Pedro Menendez Marquez, passed through Puerto de Plata to Florida with a fleet from Spain (Asturias and Vizcaya), Francisco de Ceballos wrote to the Adelantado to send him some ships and he would load them with supplies and cattle and many things, for the port was suitable and had supplies. The Adelantado, thinking this to be true, sent six of his ships there. Ceballos detained some of them until they were riddled with worms and became unseaworthy. The others sailed because he did not load them, and the one he did load went down on the second day after leaving the Harbor [8, p. 166].

At the same time, the traitor to the Spanish nation did not suffer any punishment, since the Supreme court of Hispaniola was headed by a man who had direct family ties with Ceballos and Don Cristybal Colyn

(Don Cristybal Colyn) and mutual ties and friendship bound all families [8, p. 167].

This is how the «Fifth column» of traitors of Spain operated, filling their pockets with illegal trade with pirates and preventing the eradication of French piracy in the Caribbean in 1565–1570.

Conclusion

Thus, we analyzed the original documents and their translations about the events in Spanish Florida in 1562–1567. We have seen how the propaganda machine of France worked, justifying its illegal actions against Spain and waging a bloody and brutal war through its pirates. We have seen the French attempt to establish a strategic base in Florida to intercept and plunder Spanish ships.

Fort La Carolina was created to promote its plans to expand the French borders and replace the Spanish administration in the New World with the French one. To do this, it was planned to raise uprisings among the black population of the New World. Also, French piracy ships were sent to attack Spanish ships near the coast of the West-India, as well as other parts of the Spanish and Portuguese controls. French pirates committed piratical attacks, captured of Spaniards for ransom, and the plundering of Hispaniola and Cuba. All these were purposeful steps taken by the French from the territory of their new Fort La Carolina.

During and after successful military operations against the French Huguenots and their successful expulsion from their territories, the Spaniards were called barbarians, savages, murderers of unfortunate Huguenot settlers, etc. At the same time, the mass murder during acts of piracy, the destruction of cities and settlements, the burning of houses, violence against women, and other acts that were committed by French Huguenot pirates against the Spaniards and natives for many years throughout the sixteenth century were completely ignored. Their actions took place in all the overseas territories from Cuba, Puerto Rico, and other cities in the West Indies to New Spain.

Using «denigrating» the Spaniards as a nation and creating myths in negative style as «Black Legend» about them was the norm in literature and was often used by France, Netherlands, and England for the propaganda among their own population.

We can also see work the «Fifth column» of traitors, such as Francisco de Ceballos, who preferred to get rich for illegal trade with pirates of France and easily evaded responsibility through family connections in the judicial system.

This reminds us of today's events and today's history in many parts of the world.

The strategy of demonizing the enemy

Historically, the geopolitical situation has been determined by the fact that any country in the world needs to create an effective system to counteract the formation of its negative image on the world stage. Thus, conducting a large-scale information war has always been an effective tool for implementing the foreign policy of states that play an important role in the global international system.

Methods of manipulative influence have been actively used in the process of information warfare since ancient times. Manipulation in relation to politics and ideology is often understood as a process and result of the formation of a myth or a mythologized picture of the world in a special way. This definition is based on the mythological model of Roland Barthes, who defined myth as the basis of mass culture and ideology [4; 5].

The main mythologeme used during information warfare is the «enemy image» created by various manipulative methods¹ [19].

In contrast to the internal (positive) active image, which is created by the state itself, an external passive (and often negative) image is formed abroad as a kind of cognitive

pattern used a framework for the perception of the state by the world community.

This image is always evaluative in nature: it contains an assessment of the role of the state in the world arena. The «enemy image» is of particular interest. It is truly one of the most contradictory images, dominating to one degree or another during the existence of different systems of international relations.

The opponent's discreditation has been a common practice and a part of the informational warfare throughout history and it remains a very important element of modern domestic and foreign policy. This practice is based on the use of multiple communication strategies and methods of propaganda [18].

The focus of this article is the phenomenon of «demonization of the political or geopolitical enemy». This phenomenon is defined as the utilization of the broad scope of the tools of manipulation of the mass consciousness, which aim to identify the opponent as a «universal evil». This eventually leads to the «dehumanization» of the opponents whether those are represented by the political movements, political parties, military forces, or the entire polities [20].

Thus, it creates an opportunity to justify any hostile and ethically questionable actions against domestic as well as foreign rivals, and it provides a perfect tool for legitimization of such actions among your own supporters. While the typical or «regular» political discreditation usually intends to win the political competition or defeat the opponent in political discussion, the goal of «demonization strategy» is more radical. It aims at a total enemy's destruction, both morally and physically.

Nowadays, we can observe this practice in many countries, including recent cases in a number of nations. The use of «demonization strategy» also is evident in the way the Great Powers tend to demonize its geopolitical rivals to achieve its pragmatic goals [16].

This strategy still relies on the concept of «universal evil», historically fixed in the mass consciousness, as well as on such a

¹ PICA C.E. Manufacturing the enemy. From trade war to the pandemic spat, the impossible cohabitation of China and the US. In: Asia Power Watch. 2020. Available at: <https://asiapowerwatch.com/manufacturing-the-enemy-from-trade-war-to-the-pandemic-spat-the-impossible-cohabitation-of-china-and-the-us>. (accessed: 8.03. 2020).

basic characteristic of mass consciousness as religiosity. However, at the present stage, religiosity in secular society takes on a completely different, very unusual form.

It is no longer exclusively associated with traditional religion, since it has an inversion, transformed, sometimes even bizarre character. Modern mass consciousness (at least in Western society) is largely based on the values of the so-called secular «quasi-religions», a significant ideological ingredient of which is a fair amount of political mythology.

In North America and Europe, such a secular quasi-religion, with its axiological dogmas and moral imperatives, is democracy. In the eyes of the Western political elite, it is endowed with the status, if not absolute, then, in any case, the highest Good. Any political arrangement that does not quite fit the Western template of democracy is considered a global evil that must (sooner or later) be destroyed.

Although, it should be noted that the idea of democracy often acts not so much as a real ideal of freedom, as a convenient political screen that allows one to pursue one's geopolitical and economic interests. Thus, the Western political elite today begins to act as a special, almost priestly caste of this new quasi-religion, whose representatives endow themselves with the sacred right of the final and supreme interpretation of Good and Evil.

In fact, the Western political establishment today claims moral positions that the Vatican once lost. Now it is the collective West who determines what is the world's evil and what means should be used to fight it. At the same time, the religious and mythological properties of mass consciousness (uncritical and emotional perception of reality, submissive adherence to authorities, vivid xenophobia, lack of understanding of the deep causes of social processes, etc.) allow the ruling elite to successfully manipulate public opinion through controlled media to achieve their mercantile goals.

The strategy of demonizing the opponent is carried out using several special tech-

niques that involve the use of various both verbal and non-verbal instruments. It is useful to consider some of these techniques, which are currently most actively used.

The first technique can be conditionally designated as identifying the opponent with the biblical Evil or the devil. Western civilization has developed in the mainstream of the Christian religion for almost two thousand years. And if the basic moral norms of Christianity in the mass consciousness have long been overthrown, then biblical archetypes and symbols, paradoxically, still retain their significant influence on the worldview of the average person in the West.

The devil, as the personification of universal evil in the mass consciousness, is usually associated with such images as blood, violence, death, murder, debauchery, the torment of hell, torture, and suffering. The main psychological features of this character, unconsciously recognized by the consciousness of the individual, also have clearly negative content.

This is soullessness, cruelty, resourcefulness, cunning, deceit, fighting against God. Therefore, the repeated comparison of the political leader or the polity with the devil, as a rule, achieves its goal. This image in the mass consciousness takes on something sinister. And the emerging fear is one of the psychological sources of aggression.

Sooner or later, the consistent propaganda message to the audience reaches its goal, and the undesirable leader or entire country is transferred from the category of normal political opponents to the category of soulless villains, evil non-humans, and political monsters. From here there is only half a step to the «fair» call for reprisals against such a «villain». This is the hidden goal of manipulating the mass consciousness in the cases under consideration.

The second technological method of the demonization strategy under consideration is about opposing the political system, which includes an unwanted opponent, to the model proclaimed as the most moral and effective with its specific standards and values.

Another effective technique of the strategy of demonizing a political leader is the tactic of artificially criminalizing the opponent. Its main goal is to show a mass audience that an inconvenient leader or a polity is a global criminal.

All these techniques have been used with the impressive efficiency contributing to the creation of the «Black Legend».

Статья поступила в редакцию 02.09.2020.

REFERENCES

1. Akimov Yu. G. [The discovery of Florida and the beginning of Spanish expansion in the southeastern part of the North American continent in the 1510s]. In: *Latinskaya Amerika*, 2013, no. 9, pp. 58–69.
2. Bagdasaryan V. E. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. S.Petersburg., Piter Publ., 2016. 384 p.
3. Kofman A. F. *Pod pokrovitelstvom Santyago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sudby znamenitnykh konquistadorov* [Under the patronage of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of famous conquistadors]. S. Petersburg, Kruga Publ., 2017. 1032 p.
4. Svetlakova O. A. [Montesquieu and Spain]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2019, vol. 20, no. 4, pp. 231–243.
5. Barthes R. *Mythologies*. New York: The noonday press, 1991. 83 p.
6. Benett C. E. *Settlement of Florida*. Gainesville: University of Florida Press, 1968. 253 p.
7. Gorman M. Jean Ribault's Colonies in Florida. In: *The Florida Historical Quarterly*, 1965, vol. 44, no. 1/2, pp. 51–66.
8. Meras G. S. Pedro Menendez de Aviles and the conquest of Florida: a new manuscript. Gainesville: University Press of Florida, 2017. 432 p.
9. Milanich J. T. *Florida Indians and the invasion from Europe*. Gainesville: University Press of Florida, 1995. 290 p.
10. Peck D. T. Misconceptions and myths related to the fountain of youth and Juan Ponce de Leon's 1513 exploration voyage. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.403.8989&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 8.03. 2020).
11. Peck D. T. *Ponce de Leyn and the Discovery of Florida: The Man, the Myth, and the Truth*. Sarasota: Pogo Press, 1993. 87 p.
12. Peck D.T. Reconstruction and analysis of the 1513 discovery voyage of Juan Ponce de Leon. In: *The Florida Historical Quarterly*, 1992, vol. LXXI, no. 2, pp. 133–154.
13. Perez A. Relaciones de Antonio Perez secretario de estado, que fue, del Rey de Espana Don Phelippe II deste nombre. 1598. 38 p.
14. Quinn D. B. *Explorers and Colonies: America, 1500–1625*. Edition 1. New York: Bloomsbury Academic, 2003. 500 p.
15. Rogozinski J. *Pirates! Brigands, Buccaneers, and Privateers in Fact, Fiction, and Legend*. New York: Facts on File, Inc, 1995. 416 p.
16. Rowell D. The power of ideas: a political social-psychological theory of democracy, political development, and political communication paperback. Irvine, CA: Dissertation. Com, 2011. 312 p.
17. Salas R. S. Los piratas franceses en América: la respuesta española en el siglo XVI. In: *Credencial Historia*, 1997, no. 89. Available at: <https://www.banrepcultural.org/biblioteca-virtual/credencial-historia/numero-89/los-piratas-franceses-en-america> (accessed: 8.03. 2020).
18. Seitz J. Propaganda and war. In: *SOJ Psychol*, 2018, vol. 5, no. 2, pp. 1–7.
19. Stojanovic D. The Symbolic Construction of the Enemy: The Case of Serbia and Japan. In: *CALE Discussion Paper*, 2015, vol. 13, no. November. Available at: http://cale.law.nagoyau.ac.jp/_userdata/CALE%20Discussion%20PaperNo13.pdf (accessed: 8.03. 2020).
20. Tally R. Demonizing the Enemy, Literally: Tolkien, Orcs, and the Sense of the World Wars. In: *Humanities*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 1–10.
21. National Park Service. US Department of Interior. Fort Matanzas. The Massacre of the French. Available at: https://www.nps.gov/foma/learn/historyculture/the_massacre.htm (accessed: 8.03. 2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Ю. Г. Открытие Флориды и начало испанской экспансии в юго-восточной части Североамериканского континента в 1510-е годы // *Латинская Америка*. 2013. № 9. С. 58–69.
2. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
3. Кофман А. Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Крига, 2017. 1032 с.
4. Светлакова О. А. Монтескье и Испания // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2019. Т. 20. № 4. С. 231–243.
5. Barthes R. *Mythologies*. New York: The noonday press, 1991. 83 p.
6. Benett C. E. *Settlement of Florida*. Gainesville: University of Florida Press, 1968. 253 p.
7. Gorman M. Jean Ribault's Colonies in Florida // *The Florida Historical Quarterly*, 1965. Vol. 44. № 1/2. P. 51–66.
8. Meras G. S. Pedro Menendez de Aviles and the conquest of Florida: a new manuscript. Gainesville: University Press of Florida, 2017. 432 p.
9. Milanich J. T. *Florida Indians and the invasion from Europe*. Gainesville: University Press of Florida, 1995. 290 p.
10. Peck D. T. Misconceptions and myths related to the fountain of youth and Juan Ponce de Leon's 1513 exploration voyage [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.403.8989&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 8.03. 2020).
11. Peck D. T. Ponce de Leyn and the Discovery of Florida: The Man, the Myth, and the Truth. Sarasota: Pogo Press, 1993. 87 p.
12. Peck D.T. Reconstruction and analysis of the 1513 discovery voyage of Juan Ponce de Leon // *The Florida Historical Quarterly*. 1992. Vol. LXXI. № 2. P. 133–154.
13. Perez A. Relaciones de Antonio Perez secretario de estado, que fue, del Rey de Espana Don Phelippe II deste nombre. 1598. 38 p.
14. Quinn D. B. *Explorers and Colonies: America, 1500–1625*. Edition 1. New York: Bloomsbury Academic, 2003. 500 p.
15. Rogozinski J. *Pirates! Brigands, Buccaneers, and Privateers in Fact, Fiction, and Legend*. New York: Facts on File, Inc, 1995. 416 p.
16. Rowell D. *The power of ideas: a political social-psychological theory of democracy, political development, and political communication* paperback. Irvine, CA: Dissertation. Com, 2011. 312 p.
17. Salas R. S. Los piratas franceses en América: la respuesta española en el siglo XVI // *Credencial Historia*. 1997. № 89 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.banrepcultural.org/biblioteca-virtual/credencial-historia/numero-89/los-piratas-franceses-en-america> (дата обращения: 8.03. 2020).
18. Seitz J. Propaganda and war // *SOJ Psychol*. 2018. Vol. 5. № 2. P. 1–7.
19. Stojanovic D. The Symbolic Construction of the Enemy: The Case of Serbia and Japan // *CALE Discussion Paper*. 2015. Vol. 13. № November [Электронный ресурс]. URL: http://cale.law.nagoyau.ac.jp/_userdata/CALE%20Discussion%20PaperNo13.pdf (дата обращения: 8.03. 2020).
20. Tally R. Demonizing the Enemy, Literally: Tolkien, Orcs, and the Sense of the World Wars // *Humanities*. 2019. Vol. 8. № 1. P. 1–10.
21. National Park Service. US Department of Interior. Fort Matanzas. The Massacre of the French [Электронный ресурс]. URL: https://www.nps.gov/foma/learn/historyculture/the_massacre.htm (дата обращения: 8.03. 2020).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin E. Ashrafyan – Postgraduate student, Department of Archaeology, Ancient History and History of Middle Ages of the Faculty of History, Political Science, and Law, Moscow Region State University; e-mail: kea6465@gmail.com

Mikhail Beznosov – Prof., Instructor of Civic Engagement and Public Service University of West Georgia (UWG); e-mail: mbeznosov@westga.edu

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ашрафьян Константин Эдуардович – аспирант кафедры археологии, истории Древнего времени и Средних веков факультета истории, политологии и права Московского областного государственного университета;

e-mail: kea6465@gmail.com

Безносков Михаил – преподаватель, профессор университета гражданской активности и государственной службы Университета Западной Джорджии;

e-mail: mbeznosov@westga.edu

FOR CITATION

Ashrafyan K., Beznosov M. “Black legend” as a tool of the geopolitical struggle in the sixteenth century and its interpretation today: the denigration of the enemy-country and the strategy of “demonizing” the enemy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 125–138.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-125-138

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ашрафьян К. Э., Безносков М. «Черная легенда» как инструмент геополитической борьбы в XVI веке и её интерпретации сегодня: очернение страны-врага и современная стратегия «демонизации» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 125–138

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-125-138

УДК 930.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-139-148

ЭМАНСИПАЦИЯ ИСТОРИИ ПО К. ДЖЕНКИНСУ

Егоров Д. И.

Независимый исследователь

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить практическую значимость рекомендаций К. Дженкинса по развитию теоретико-методологического содержания исторической науки.

Процедура и методы. В статье представлены основные положения работ К. Дженкинса по теории истории. Проведён критический анализ проекта исторических исследований в русле восприятия и внедрения постмодернистских концептов, подходов и идейных установок, которые предложил осваивать британский историк.

Результаты. Определена методологическая несостоятельность предложенных К. Дженкинсом реформаторских нововведений, обусловленная преувеличением значения «лингвистического поворота» в современной западной историографии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение постмодернистской исторической мысли.

Ключевые слова: эмансипация, постмодернизм, «лингвистический поворот», мета-нарратив, эмпиризм, объективизм, деконструкция

EMANCIPATION OF HISTORY BY K. JENKINS

D. Yegorov

Independent researcher

Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the practical significance of K. Jenkins' recommendations on the development of the theoretical and methodological content of historical science.

Methodology. The research follows the main provisions of K. Jenkins' works on the theory of history. A critical analysis of the project of historical research is conducted in line with the perception and implementation of postmodern concepts and approaches, which the British historian proposed to master.

Results. The findings determine the methodological inconsistency of the reformatory innovations proposed by K. Jenkins, due to the exaggeration of the significance of the "linguistic turn" in modern Western historiography.

Research implications. The research contributes to the study of postmodern historical thought.

Keywords: emancipation, postmodernism, “linguistic turn”, meta-narrative, empiricism, objectivism, deconstruction

Введение

Современный британский специалист по теории истории и историограф Кит Дженкинс – популяризатор идей постмодернистской философской мысли и деконструктивистских исследовательских подходов. В его работах изложены ключевые концепты представителей постмодернизма, рассмотрено их значение применительно к целям и задачам будущего развития историографии. В первую очередь, они предназначены для студентов-историков с целью критического пересмотра ими усвоенных из университетского образования критериев и принципов исторического познания, для разработки саморефлексивного мышления, для адекватного понимания социокультурных тенденций настоящего времени. Достижение этого открывается через радикальную релятивизацию эпистемологических, методологических, этических оснований академической традиции историописания, эмансипацию истории – освобождение её от охранительной опеки профессиональной гильдии и её бенефициаров¹.

Критический анализ работ Дженкинса, являющегося самым истовым идеологом постмодернистского направления в историографии, даёт возможность в целостном виде понимать деструктивные аспекты практики внедрения отдельных лингвистических подходов в историческую науку. В борьбе за теоретическое лидерство они были использованы постмодернистами в дискуссиях с оппонентами с целью обосновать, что историописание – это разновидность литературного творчества, для анализа которого наиболее приемлема литературная критика. Представление о содержании данных дискуссий позволяет иметь представление о важных теоретико-методологических проблемах современной западной

историографии, испытавшей сильное влияние «лингвистического поворота».

Основная концепция работ К. Дженкинса

Руководствуясь социологическими взглядами Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Бодрийяра, Дженкинс убеждён, что период постмодерна предваряет кардинальные преобразования во всех сферах общественной жизни. Согласно данным взглядам, наша современность являет собой этап перманентной неопределённости, ярким выражением которой является разочарование во всех теориях социального освобождения:

- просветительского варианта – свобода путём преодоления невежества;
- буржуазного варианта – свобода путём победы над бедностью;
- марксистского варианта – свобода путём отказа от эксплуатации человека человеком и др.

В силу того, что стала очевидным невозможность реализации какого-либо проекта прогресса модернистского типа, сформировалось специфическое мировосприятие – жизнь после конца истории. Точнее, после разрушения иллюзии об историческом развитии, которое стремится к намеченной цели. Отныне исторический опыт не может восприниматься массовым сознанием в качестве источника фундаментальных ценностей, использоваться в прогностических целях и для раскрытия закономерностей социального развития. Наступил крах любых видов мета-нарративов – великих мессианских идей и историй о них («верхний регистр» в работах Дженкинса). Универсализм в философии истории уступил место релятивизму².

Другим выражением постмодерна в общественном сознании стало снижение

¹ Jenkins K. Re-thinking History. L., N.Y.: Routledge, 1991. P. 19.

² Jenkins K. Why History? Ethics and postmodernity. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 56–64.

авторитета и интереса к так называемой научной, «правильной истории» («нижний регистр»). Под ней подразумевается модифицированное наследие позитивизма XIX в., в основе которого – строгий эмпиризм, систематизация данных по индуктивному принципу, объективизм и стремление к непредвзятому описанию средствами логически непротиворечивых понятий. Данный вариант историографии особенно характерен для Великобритании и является главным объектом критики Дженкинса. Дело в том, что академические историки (например, Р. Эванс, Дж. Тош, А. Марвик) не только не видят проблемных мест в собственных убеждениях, но и публикуют труды по теории и методологии для студентов, в которых демонизируют постмодернизм, хотя мало что в нём понимают. Их критику Дженкинс считает безграмотной, нерелексивной и реакционной. Вопросы, поставленные «лингвистическим поворотом», оказались для них бессмысленными. Позиция «правильной истории», лишённая всякой самокритики, оберегает очередную иллюзию о возможности непредвзятого изучения и описания прошлого. Дженкинс полагает, что это лишь иная форма маскировки идеологических убеждений. Эмпиризм, объективизм, обезличенное повествование и т. п. – излюбленные средства кембриджской интеллектуальной элиты в скрытой пропаганде буржуазных ценностей, а точнее – взглядов консервативных тори¹. Поэтому он обращает внимание своих студентов на то, что первой проблемой исследователя должно являться не определение степени достоверности содержания исторических работ, а понимание того, в чьих интересах они написаны².

В совокупности с кризисом в «верхнем» и «нижнем» регистрах, социокультурные потребности настоящего поставили перед историографией необ-

ходимость коренного пересмотра основ исследовательской и образовательной деятельности, по масштабам соответствующего преобразованиям XVIII в., когда провиденциализм уступил место просветительскому рационализму. Необходима новая секуляризация знания, или эмансипация, в определении Дженкинса, освобождение исторической мысли от мифов объективизма на философско-теоретическом и эмпирическом уровне, которые старательно конструировали профессиональные историки с XIX в. с целью замаскировать своё идеологическое измерение прошлого. Конечно, Дженкинс осознаёт, что каким-либо образом устранить тесно связанную с субъективной моралью исследователя идеологию из историописания невозможно. Его проект эмансипации предлагает отказаться от регулятивной функции дискредитировавшей себя установки на объективность и вооружиться прагматической иронией (почерпнуто у Р. Рорти), руководствуясь которой историк отчетливо разграничивает созданную им историю и прошлое, а личную мораль освобождает от опеки определённой этической системы³.

Выполнение задач современных критиков по пересмотру предшествующей историографической традиции иное, чем у рационалистов XVIII в. Просветителям, как им представлялось, достаточно было показать несостоятельность отображённых в тексте религиозных воззрений автора, и «очищенный» разум определит истину и вымысел. Постмодернисту же необходимо выявить идеологические значения текста, которые скрылись под различными «научностями», «реализмами», «объективностями». Речь, правда, уже идёт не о поиске истины и вымысла, а о «практичном» и «непрактичном», и даже не знании, потому что и к этому понятию у постмодернистов настороженное отношение, а в значении.

¹ Jenkins K. On «What is History?» From Carr and Elton to Rorty and White. L., N.Y.: Routledge, 1995. P. 65–71.

² Там же: P. 180–181.

³ Jenkins K. Why History? Ethics and postmodernity. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 1–5.

Эффективное средство на пути к эмансипации истории Дженкинс усмотрел в разработанном Ж. Деррида подходе деконструкции текста. Используя его, критик определяет в произведении характер бинарных оппозиций (варварство/цивилизация; Возрождение/«темные века» и т. п.). Бинарные оппозиции – способ выстраивания иерархии смыслов в обыденном языке, они создают стереотипы восприятия и формируют самоидентификацию их носителя. Поскольку историки используют главным образом обыденный язык, то их тексты выстроены по логике бинарных оппозиций. Однако естественное состояние обыденного языка не иерархическое, а хаотическое – игровое. В нём абстрактные понятия являются аллегорическими. Критик может изобразить их в другом контексте, разрушить стереотип, выявив в нём противоречивые свойства и качества, предложить альтернативную (читательскую) интерпретацию смысловых значений текста. Путей деконструкции много, и все они показывают, что описание историком изучаемого явления в ракурсе бинарных оппозиций отсылает к точке зрения, а не к фактическим реалиям, как бы он не пытался это скрыть якобы непредвзятым повествованием. Сама по себе деконструкция не нацелена на раскрытие новой информации, но она позволяет разрушить иерархическую вертикаль смысловых значений, что особенно присуще линейным мета-нарративам «верхнего регистра». Деконструкция также способствует формированию самосознания критика как этического и идеологического релятивиста, и это лучше, чем лицемерная беспристрастность¹.

Путь к эмансипации истории проходит через вскрытие лингвистических проблем историописания, и в этом плане Дженкинс, в первую очередь, обращает внимание своих читателей на работы Х. Уайта и Ф. Анкерсмита. Концепцию

Уайта он считает несколько устаревшей, возможно, потому что она не полностью соответствует духу постмодернизма. Однако Дженкинс находит её в высшей степени полезной против самоуверенности историков-эмпириков «нижнего регистра», полагающих, что какие-то абстрактные проблемы в постмодернизме не имеют отношения к их практике. Факты истории в равной мере составлены историком, сколь и открыты [5, р. 56–61] – это умозаключение выведено им в ходе изучения образно-эстетического аспекта исторических сочинений, роль которого не ограничивается созданием художественной формы, но является определяющей в процессе конструирования смыслового содержания конкретных данных.

На примере анализа работ историков XIX в. Уайтом было определено, что в предпочтении тех или иных лексических средств выразительности (тропов) находится причина различий взглядов историков и конфликты интерпретаций одних и тех же событий. Данная точка зрения подрывала убеждение о формировании историографии в качестве научной дисциплины в тот период. Прошлое как политический проект – вот тот фундамент, на основе которого историописание, ранее считавшиеся частью литературной традиции, предстало в виде автономной профессионально-исследовательской деятельности. Разорвать связь академического знания и политической идеологии, устранить противопоставление научного исследования художественному творчеству, вернуть в историописание категорию «возвышенного» – таковы важнейшие послылы работ Уайта созвучные с представлениями Дженкинса об эмансипации².

Ф. Анкерсмит сделал акцент на семантической неопределённости даже самых строгих исторических понятий (промышленный переворот, буржуазная

¹ Jenkins K. Why History? Ethics and postmodernity. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 28–38.

² Jenkins K. On «What is History?» From Carr and Elton to Rorty and White. L., N.Y.: Routledge, 1995. P. 139–148.

революция и пр.). В зависимости от избранной автором цели и структуры повествования в них могут вкладываться совершенно различные значения и их могут репрезентировать различные данные. В связи с этим он полагает, что это даже не понятия, а нарративные субстанции. Логика же исторического мышления – не научного типа (дедуктивного, индуктивного и др.), а нарративная. Изучить тезисы нарративной философии истории Анкерсмита, которые утверждают неограниченность правдоподобных интерпретаций прошлого и раскрывают историю как форму литературы [1, с. 117–130], Дженкинс рекомендует историкам для рефлексивного осознания специфики собственного дискурса. В эмансипационных же целях данные тезисы позволяют историку принять себя в качестве литератора, ведь именно литераторы наиболее ответственны к средствам выражения своих мыслей и свободны от руководствующих критериев академизма¹.

Наиболее ценные советы, способствующие приспособлению практики историографии к социокультурным реалиям постмодерна, Дженкинс усмотрел в работах Р. Рорти, философские взгляды которого характеризует философией освобождения – освобождения от устаревших, обременяющих значений как в теории познания, так и в социально-политическом дискурсе². Например, понятие «рациональная истина» появилось чуть более 200 лет назад в результате вхождения в обиход дихотомического способа словоупотребления (разумное/чувственное, духовное/материальное, объективное/субъективное и т. п.), как выражение классификационного образа мышления. В каждом историческом периоде формируются свои правила построения логики высказывания, и нет какого-либо правильного словаря. Функ-

ция абстрактных понятий инструментальная, а не отражательная. Более того, Рорти полагает, что высшей формой отображения мышления является метафора, а не умозаключение. Так, истина – это метафора, лишь закоснелая от частого употребления и ошибочно воспринимаемая в буквальном значении. Буквальное толкование метафор происходит во времена господства платонического мировоззрения и его разновидностей (картезианство, кантианство, гегельянство), но ему всегда противостоит софизм³.

Эпоха постмодерна – победа софизма, время, в которое ключевым познавательным средством является скепсис, а доминирующей языковой формой – ирония. Ирония разрушает буквальное значение метафор, мифов и идолов, построенных на их основах. Нации, классы, архетипы – эти и другие метафоры модернистских исторических картин уже крайне условно участвуют в становлении мировоззрения и в самоопределении современного человека. Жить в иронии не просто, но отказ от внесубъективных значений расширяет пространство выбора, развивает привычку жить в условиях случайности и умение лично созидать перспективу. Выбор должен быть прагматичным, и ответственность за выбор должна исключить из сознания историка любой фундаментализм. Таким образом, Дженкинс выводит из взглядов Рорти, что эмансипированная история – это прагматическая оценка вклада одних людей в жизнь других, а не в раскрытие действительности прошлого. Определяющими векторами развития исторического знания в его «верхнем регистре» становится релятивизм, а в «нижнем» – прагматизм⁴.

Анализ взглядов Дженкинса

Время актуальности взглядов Дженкинса пришлось на период 90-х – нача-

¹ Jenkins K. *Why History? Ethics and postmodernity*. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 99–106.

² Jenkins K. *Re-thinking History*. L., N.Y.: Routledge, 1991. P. 115–119.

³ Рорти Р. *Философия и зеркало природы*. Новосибирск, 1997. С. 276–279.

⁴ Jenkins K. *Re-thinking History*. L., N.Y.: Routledge, 1991. P. 102–114.

ло 2000-х гг. Философы постмодернизма сумели дать проницательные характеристики культурным тенденциям общества потребления. На фоне развития СМИ и визуализации информации возрос интерес к разновидностям семиотической критики, в особенности применительно к анализу металогических (образно-эстетических) способов подачи информации. Историки к предложению перекалфицироваться в литераторов отнеслись настороженно, но даже самые убеждённые противники «лингвистического поворота» более чутко стали относиться к противоречиям между нарративом и реальностью, а также позитивно восприняли сокращение объёма политической пропаганды в исторических работах, в чём в некоторой степени есть заслуга постмодернизма. Однако сформулировав массу неразрешимых вопросов и сомнений, большая часть постмодернистских концепций к данному моменту устарела, поэтому уже не может восприниматься историками в качестве средств по переоценке предшествующего опыта, тем более быть теоретической основой для исследовательских подходов.

Прежде всего, следует отметить, что первоначально в ситуации постмодерна усматривался момент зарождения посткапиталистического, постбуржуазного мира, черты которого ещё не были ясны. Это характерно и для Дженкинса, поэтому его эмансипированная история – проект развития исторического знания в принципиально новой среде – можно сказать, в иной формации общественных отношений. В поздних работах он уже соглашается со взглядами Ф. Джеймисона о постмодернизме как культурной логике позднего капитализма¹. При

этом Дженкинс возлагает надежду на то, что постмодернизм включает в себе альтернативу ещё пребывающей в пережитках модернизма современности. Однако остаётся только догадываться, каким образом она себя проявит. Можно многословно и красочно указывать на недостатки общества потребления, но выявлять ему альтернативу в идейных воззрениях угнетаемых социальных слоёв (а не маргиналов, являющихся органической частью бытующих общественных отношений), антиглобалистских движений и т. п. постмодернисты не стали.

Историческая наука – это в первую очередь разновидность социального знания, теоретической основой которого служат реалистичные социологические концепции. Виртуальная вселенная симулякров Бодрийяра, управляемое технологической элитой «атомизированное» общество Лиотара, – эти и другие постмодернистские представления сейчас более похожи на научную фантастику. Их проекция в историческую науку, что не отрицает и Дженкинс, подразумевает презентизм, а это главное препятствие в разработке необходимого историчу рефлексивного мышления.

Оставляя социальные и философские доктрины постмодернизма на усмотрение любителей, обозначим ключевые методологические проблемы «лингвистического поворота», вследствие которых данному направлению не удалось стать полноценной научной парадигмой, способной конкурировать с профессиональной историографией. Конечно, сторонники постмодернизма могут возразить, что причина – политическая, и они не намерены обслуживать государственные интересы, поэтому довольствуются периферией. Но это односторонний аргумент, ведь познавательный потенциал, например, в ядерной физике не сводится лишь к милитаристским целям. Неоднократно упоминалось, что на основе совокупности постмодернистских концепций затруднительно сформировать исследовательскую и учебную программы

¹ В ставшей общепризнанной работе Ф. Джеймисона присутствует анализ исторических и экономических истоков постмодернизма. Архитектура, литература, искусство постмодернизма представлены в тесной взаимосвязи с развитием мультинационального капитализма, что противоречит ранним представлениям о его идеологических основах, как варианте «третьего пути» [2].

с определённой терминологией, предметом анализа и набором идентичных методов обработки информации. Так, например, в исследовании может заявляться, что изучаются социальные мифы в исторических нарративах определённого периода с пониманием мифа в интерпретации Р. Барта, но сам семиотический подход Р. Барта не используется; или что рассматриваются особенности исторического воображения, но риторико-тропологический подход Х. Уайта, который обозначил данное явление, не применяется. Данная бессистемность, когда на какого-либо классика постмодернизма делается ссылка с целью обозначить проблему, но каждый сам «изобретает» методику её анализа, является характерной чертой подавляющего числа работ в духе «лингвистического поворота». От Дженкинса, который предостерегает студентов руководствоваться теоретико-методологическими пособиями Р. Эванса и Э. Карра, т. к. те устарели¹, следовало бы ожидать равноценную замену. Однако его работы также представляют собой нагромождение зачастую противоречащих концептов, отдельные положения которых выдергиваются из контекста лишь с целью критики взглядов оппонентов, а не для предложений того, как следует осуществлять историческое исследование.

Ни одна из деконструктивистских методик анализа текстов не нацелена на получение новой информации. Деконструкция – это игра с текстом, субъективная читательская критика образных компонентов и авторских мотивов в нарративе, написанного на обыденном или художественном языках [4, с. 232–236]. Действительно, можно увидеть справедливую критику националистических, социал-дарвинистских и подобных политизированных исторических мета-нарративов, но всё это начало устаревать ещё с конца XIX в. и без помощи «лингвистического поворота».

¹ Jenkins K. On «What is History?» From Carr and Elton to Rorty and White. L., N.Y.: Routledge, 1995. P. 2.

Большинство профессиональных историков нацелены на проверяемые и достоверные результаты, подчеркивают субъективный характер интерпретаций, выносят личные замечания в комментариях.

Пытаясь сохранить значимость своих методик, постмодернистам приходится утверждать, что историки до сих пор занимаются исключительно нарративным творчеством, причём понятие «нарратив» теперь обладает настолько неопределёнными чертами, что под него можно подогнать даже инструкцию по эксплуатации бытового прибора. В связи с этим нарратив определяется уже не по характерной структуре (завязка–середина–эпилог), а по наличию в нём элемента авторского замысла. Якобы из-за того, что прошлое не является наблюдаемым объектом, авторское воображение обязательно будет конструировать нарратив. При этом, например, за археологическими описаниями ими признаются вполне научные основания, т. к. они имеют дело с материальными объектами.

Подобные утверждения указывают на поверхностное изображение практики исторического исследования. Во-первых, интерпретация данных письменных источников в качественных исследованиях подкрепляется материалом вспомогательных исторических дисциплин. Во-вторых, наиболее продуктивные исторические концепции базируются на материальных основаниях и массовых источниках, изучение объектов которых позволяет получать инвариантное знание [3, с. 145].

Дженкинс сам признает, что к результатам конкретно-исторических работ критикуемого им Р. Эванса он не имеет претензий, но ознакомиться с принципами и критериями его исследовательской практики своим студентам он категорически не рекомендует. Сомнительно, что Эванс достиг бы хороших результатов с акцентом на деконструкцию источниковой информации, отказавшись от установки на объективность.

Деконструктивистская критика оказывается полезной в тех случаях, когда историки используют реальные факты вперемешку с надуманными допущениями, риторическими оборотами с целью настроить читателя на восприятие информации определённым образом. Такая подача исторического материала действительно распространена в СМИ, но это имеет условное отношение к профессиональной историографии и тем более не может являться аргументом отрицания эпистемологических оснований исторического знания. Крайне ограничены возможности деконструкции в критике исторических произведений XIX в., т. к. за скобки необоснованно выносятся теоретико-методологические наработки того времени.

Заключение

В целом постмодернизму присуща иллюзия, что возможно всецело отрицать накопленный опыт и создать принципиально отличную парадигму, хотя в действительности каждая новая парадигма включает в себя рациональное зерно прежней системы знания, лишая её универсальных черт, но сохраняя частную значимость. Эта иллюзия исходит из ошибочного допущения, что логика мышления обусловлена особенностями языка, соответственно речь определяет мировоззрение и практику. Дженкинс предлагает овладевать инструментарием риторики, менять лексикон историков, и таким образом будут создаваться новые представления о событиях и процессах. Разумеется, это не имеет никакого отношения к реалиям научного подхода, и повлечёт лишь конструирование симулякров. Проблема в том, что критика политизированного, по мнению Дженкинса, академизма и объективизма в историографии не способствовала возвращению историческому знанию статуса «возвышенного» и общественно полезного, но рекомендации постмодернистов сводят его к уровню информационного мусора, которого предостаточно.

Проект эмансипации истории возможно в определённой мере сопоставить с секуляризацией знания в просветительской историографии. Как с XVIII в. начали исключать теологическую аргументацию, так и в наше время стараются избегать разного рода политического фундаментализма. Тем не менее, постмодернистская историография, отказавшись от концептуального взгляда на социально-историческое развитие, не внесла продуктивного вклада в этом направлении. Работы в её «верхнем регистре» ограничиваются непрекращающимся пересмотром способов восприятия и отображения прошлого. Отдельные работы в «нижнем регистре» интересны анализом мировоззрения маргинальных социальных групп, но в большинстве своём это историческая беллетристика, иногда даже с вымышленными персонажами, перегруженная маловразумительными терминами, скрывающими эвристическую бедность. Эмансипированное не только от фундаментализма, но и от объективности историописание вынуждено откликаться на эстетические вкусы массового читателя: т. е., в отличие от просветительского рационализма, стремившегося к раскрытию факторов социально-исторического развития с целью влияния на него, постмодернизм лишь приспосабливается к современным реалиям.

Ознакомление с работами Дженкинса может быть полезно студентам-историкам для понимания отдельных лингвистических проблем историописания. Однако важно не упускать из вида, что саморефлексия – это не споры о словах, но умение историка соотносить личное сознание с общественным, а общественное – с социальным бытием. А также то, что собрание исторических взглядов постмодернистов не может заменить собой теоретико-методологические пособия, в которых представлено многообразие методов, а также сфера их ограниченности.

Абсолютизация Дженкинсом значения деконструктивистских подходов в конечном итоге убедила его в непознаваемости прошлого, в будущей «смерти истории» как вида профессиональной деятельности¹. Он излишне восторженно откликнулся на самые смелые постмодернистские идеи, критикуя также цитируемых авторов, если те пытались умерить их радикальность. При этом его способ подачи материала представляет собой «засыпание» читателя массой вопросов и парадоксов, оставляемых даже без попытки разобраться в их сути. В целом

весь пафос «лингвистического поворота» в историографии, представляемого в 80–90 гг. в виде «оживления теории истории», «сокрушение традиций и догм» и пр. ограничился умеренным признанием вклада его деятелей в справедливую критику излишне абстрактных, а потому и антиисторических понятий, бытующих главным образом в философско-спекулятивных и пропагандистских исторических произведениях. Отсутствие ощутимых результатов в сфере конкретно-прикладных источниковедческих исследований оставляет данные методологические подходы невостребованными.

¹ Jenkins K., Munslow A. Introduction // *The Nature of History reader* / K. Jenkins, ed. L., N.Y.: Routledge, 2004. P. 15–17.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
3. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
4. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
5. White H. Interpretation in History // *Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism*. Baltimore: The Johns Hopkins University press, 1978. P. 51–80.

REFERENCES

1. Ankersmit F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2003. 496 p.
2. Dzheimison F. *Postmodernizm, ili Kulturnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow Gaidar Institute Press, 2019. 808 p.
3. Kovalchenko I. D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 486 p.
4. Medushevskaya O. M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii* [Cognitive history theory and methodology]. Moscow, RGGU Publ., 2008. 358 p.
5. White H. Interpretation in History. In: *Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism*. Baltimore: The Johns Hopkins University press, 1978. P. 51–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Денис Иванович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Москва); e-mail: denyegov1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis I. Yegorov – Cand. Sci. (History), Independent Researcher, Moscow; e-mail: denyegov1981@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егоров Д. И. Эмансипация истории по К. Дженкинсу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 139–148.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-139-148

FOR CITATION

Yegorov D. I. Emancipation of history by K. Jenkins. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 139–148.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-139-148

УДК 327 (091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-149-158

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аксеничев А. О.

Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Анализ текущей стадии германо-французских отношений.

Процедура и методы исследования. Автором рассмотрены основные направления сотрудничества двух ведущих европейских государств на современном этапе и дан прогноз его будущего развития с учётом следствий подписания нового документа, регламентирующего германо-французские отношения – Ахенского соглашения. При проведении исследования использовались метод анализа, сравнительно-исторический и институциональный подходы для получения необходимой информации. Особое внимание уделяется знаковым событиям, оказывающим влияние как на отношения ФРГ и Франции в общем, так и на внешнюю политику каждой из стран в частности. В статье приведён анализ взглядов исследователей данной тематики как из России, так и из-за рубежа. Затронут также вопрос современных российско-французских и российско-германских отношений.

Результаты. По итогам исследования автором сделан вывод о том, что в столь динамичное время взаимоотношения ФРГ и Франции в значительной степени влияют как на внешнеполитический курс ЕС, так и на определённые события за его пределами. Через призму сотрудничества и соперничества этих государств можно наблюдать борьбу за лидерство в Европе, которая во многих направлениях предопределяет специфику отношений ФРГ и Франции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование помогает дополнить представление о современном состоянии германо-французских отношений с учётом самых последних событий.

Ключевые слова: Германия, Франция, Россия, внешняя политика, Евросоюз, германо-французский тандем, Меркель, Макрон, Путин, Ахенское соглашение, современные международные отношения, европейская интеграция

FEATURES OF THE CURRENT STAGE OF GERMAN-FRENCH RELATIONS

A. Aksenichev

Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry

53/2 Ostozhenka ul., Moscow 119121, Russian Federation

Abstract.

Aim. To analyze the current stage of relations between France and Germany.

Methodology. The research was conducted studying the main areas of cooperation between the two leading European countries at the contemporary stage; the prospects for their future cooperation are given, considering the signing of a new document regulating Germany's and France's relations – the Aachen Treaty. The necessary information was obtained using the analysis method, comparative historical and institutional approaches. Particular attention is paid to significant events that affect both the relations of Germany and France in general, and the foreign policy of each country. Additionally, the research provides relevant opinions of researchers both from Russia and other countries and raises the issue of contemporary relations between Russia and France, as well as Russia and Germany.

Results. The findings show that, in such a dynamic time, the relations between Germany and France affect to a large extent both the EU foreign policy and certain global events. Through the prism of cooperation and rivalry of these states, one can observe the struggle for leadership in Europe, which in many aspects predetermines the specifics of relations between Germany and France.

Research implications. The study helps to supplement the idea of the current state of relations between Germany and France considering the latest events.

Keywords: Germany, France, Russia, foreign policy, European Union, tandem of Germany and France, Merkel, Macron, Putin, Aachen Treaty, current international relations, European integration

Введение

Федеративная Республика Германия и Французская Республика традиционно являются теми государствами, которые принимают участие в разработке международных решений, определяющих будущее европейского пространства и даже всего мира. В то же время франко-германские отношения с начала XX в. прошли сложный период, отягощённый существенными разногласиями и конфликтами. В течение многих лет Германию и Францию то разделяли фундаментальные расхождения во внешнеполитических взглядах, что приводило к войнам, то объединяли общеевропейские экономические и политические интересы. В начале прошлого века Германия фактически явилась зачинщиком двух мировых войн, поставив свои интересы выше интересов остальной Европы. Соответственно, отношения обоих государств крайне обострились. Однако к концу двадцатого столетия именно Германия и Франция стали основоположниками европейской интеграции, общих процессов, которыми характеризуется современное развитие государств европейского континента. На сегодняшний день ФРГ и Французская

Республика находятся на стадии активного политического диалога, совместно работая над решением многих спорных вопросов, в частности в рамках Европейского Союза [4, с. 56].

Германо-французский тандем за несколько десятилетий зарекомендовал себя одной из основ западноевропейской интеграции. С 1963 по 2019 гг. он был закреплён Елисейским договором, подписанным канцлером ФРГ К. Аденауэром и президентом Франции Ш. де Голлем¹. В те годы отношения между Францией и ФРГ не были безоблачными: в зависимости от внешнеполитической ситуации, они изменялись то в лучшую, то в худшую сторону. Ту же ситуацию можно было наблюдать и в 1990-е гг. прошлого века, и в 2000-е гг. века нынешнего, когда происходили ключевые для обеих стран события: объединение Германии, создание Экономического и валютного союза, расширение ЕС [1, с. 27–38].

¹ Договор Федеративной Республики Германии и Французской Республики о немецко-французском совместном сотрудничестве (т. н. Елисейский договор) от 22.01.1963 // 100(0) ключевых документов по германской истории в XX века [сайт]. URL: https://www.100dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0016_ely&l=ru&object=translation (дата обращения 12.01.2020).

В современной научной литературе не так много исследований, посвящённых именно сотрудничеству Франции и Германии. Отдельные моменты затрагивались в работах Ю. И. Рубинского, Т. В. Кашириной, В. И. Васильева, С. М. Федорова [2; 4; 5; 8]. Проанализировав их и материалы современных источников, автор получил результат, в полной мере отвечающий научной новизне работы.

Задачей исследования является анализ особенностей современного этапа германо-французских отношений, политического и экономического партнёрства, договорённостей и разногласий между странами, а также влияние внешних факторов на это партнёрство, в первую очередь – подходов к отношениям с Россией. Обозначенные в исследовании сюжеты важны потому, что они являются основополагающими в совместной внешнеполитической деятельности двух ведущих европейских государств, от решений которых зависят многие аспекты европейского и мирового порядка.

Германо-французское партнёрство на современном этапе

О германо-французском партнёрстве писали многие российские учёные, но одну из самых ёмких его характеристик привёл историк и политолог Ю. И. Рубинский: «по мере расширения Евросоюза до 28 членов в его органах – Совете, Комиссии, Европарламенте германо-французский тандем не только сохранял, но отчасти усиливал свою роль в процессе принятия решений на основе негласного распределения ролей. ФРГ оказывала решающее влияние на экономическую сторону деятельности брюссельской бюрократии, тогда как Франция претендовала на лидерство в политических вопросах и защиту интересов ЕС во вне перед лицом ведущих центров силы глобального масштаба – США, КНР, РФ» [8, с. 71].

В 2017 г. во Франции прошли парламентские выборы, в результате которых президентом страны стал Э. Макрон.

Сразу было принято решение усилить роль Франции в партнёрском союзе с Германией и с ЕС в целом, предложив не столько политические, сколько экономические реформы в Евросоюзе. Э. Макрон признавал, что без содействия Берлина и лично канцлера ФРГ А. Меркель все данные реформы будет воплотить в жизнь достаточно трудно [6, с. 34]. Во время предвыборной кампании Э. Макрон заявлял о своём намерении «преодолеть дисбаланс сил и интересов Франции и ФРГ – экономических лидеров Евросоюза – через неолиберальную модернизацию французской экономики, взаимодействие и сотрудничество в еврозоне в сфере бюджетной, налоговой политики, регулирования государственной задолженности, а также поддержки капиталовложений в НИОКР, инновационную инфраструктуру и сферу образования» [3, с. 32]. Благодаря этим шагам Макрон намеревается и в дальнейшем продолжать процесс сближения французской экономической модели с германской.

О дальнейших шагах нового французского президента стало известно во время его выступления в Сорбонском университете в сентябре 2017 г. Эммануэль Макрон не только представил своё видение будущей политики Франции, но и заявил о желании разработать новый договор об отношениях с Германией, назвав его «знаком стабильности и символом, противостоящим кризисам в ЕС»¹. Немногим позже этого выступления, в январе 2018 г., отмечалась 55 годовщина подписания Елисейского договора, а, по сложившейся традиции, все новые предложения в его рамках за прошедшие десятилетия обсуждаются во время юбилейных дат [1, с. 30]. К этой годовщине и должен был быть приурочен новый договор.

¹ President Macron gives speech on new initiative for Europe // Elysee.fr [сайт]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/president-macron-gives-speech-on-new-initiative-for-europe.en> (дата обращения 12.01.2020).

Однако процесс разработки и принятия нового договора пришлось задерживать, поскольку в январе 2018 г. канцлер Германии А. Меркель провела достаточно нелёгкие переговоры с представителями социал-демократов о создании новой коалиции по итогам парламентских выборов в сентябре 2017 г. (последние на тот момент переговоры со Свободной демократической партией и партией «Зелёные / Союз 90», проведённые в ноябре 2017 г., не увенчались успехом) [7, с. 126]. До тех пор, пока не определился состав этой коалиции, итогом переговоров стало совместное заявление, что в планируемом договоре будет отражено ускорение интеграции обеих стран в экономической сфере и гармонизация законодательства Франции и ФРГ, усиление связей между гражданским обществом в двух странах, более конструктивный диалог по внешней политике и политике безопасности, сотрудничество в энергетической и технологической области. Поддержав это заявление, чиновники правительств обеих стран высказали тогда предположение, что новый договор будет разработан до конца 2018 г. [1, с. 35]

Планы руководителей обеих республик в итоге увенчались успехом. Проект нового договора – небольшой документ на английском языке – действительно увидел свет в декабре 2018 г. и был негативно воспринят экспертами-политологами, которые были недовольны тем, что он был разработан без публичных обсуждений. Поэтому он был в кратчайшие сроки переписан и оформлен в 16-страничный документ с преамбулой, 7 главами и 27 статьями.

Следующий этап отношений: Ахенское соглашение

Новый договор был подписан Э. Макроном и А. Меркель 22 января 2019 г. в немецком городе Ахене. В нём подтверждается наличие трёх основных сфер, формирующих ось «Берлин – Париж»: 1) внешняя политика, безопасность и

оборона; 2) экономика; 3) культура и развитие гражданского общества. На церемонии подписания документа Макрон заявил, что это «соглашение, которое открывает новую главу в сотрудничестве двух стран». Также он добавил, что «единство, солидарность и сплочённость – ключевые принципы этих договорённостей»¹. А. Меркель, в свою очередь, отметила, что подписание нового соглашения о сотрудничестве является «особенным днём» для ФРГ и Франции. По мнению канцлера, Ахенский договор «заложит фундамент для взаимодействия» двух стран².

Примечательно, что Ахенское соглашение было заключено в очень динамичный период в отношениях ФРГ и Франции. Страны схожи во мнении о необходимости продолжения процессов реформирования еврозоны и проведения реформы трудового законодательства. Они практически едины в отношении к предполагаемому выходу Великобритании из Евросоюза и к политике, проводимой президентом США Д. Трампом. Трамп оказывал давление на ЕС в интересах США, что, тем не менее, усиливало взаимопонимание между ФРГ и Французской Республикой в плане отстаивания европейских интересов. И Париж, и Берлин негативно относятся к евроскептическим тенденциям в Италии и ряде стран Восточной и Центральной Европы. Франция и ФРГ имеют общую точку зрения по отношению к Климатическому соглашению, к одностороннему выходу США из сделки с Ираном, к прекращению действия ДРСМД [6, с. 354].

Существуют общеевропейские вопросы и темы обсуждения, где не обойтись без мнения Франции и ФРГ. Так, к

¹ Макрон: Ахенское соглашение открывает новую страницу в отношениях Франции и Германии // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6026107> (дата обращения 12.01.2020).

² «Германия получила очень много. Франция – ничего». Ахенский договор вызвал споры в Париже // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6027503> (дата обращения 12.01.2020).

примеру, Иранский вопрос стоит на повестке дня не только у лидеров этих республик. Великобритания также крайне обеспокоена этой проблемой. В январе 2020 г. премьер-министр Великобритании Б. Джонсон, канцлер ФРГ А. Меркель и президент Франции Э. Макрон заявили, что они «глубоко озабочены» из-за принятых Ираном мер, противоречащим пунктам ядерной сделки 2015 г. [2, с. 109]. Лидеры стран отметили «значительную важность» возвращения Ирана к выполнению его обязательств в рамках ядерной сделки, и подчеркнули, что Германия, Франция и Великобритания, которые относятся к подписантам соглашения с Ираном, и в дальнейшем будут придерживаться его пунктов¹. Эту тему также не мог оставить незамеченной министр иностранных дел ФРГ Х. Маас. По его мнению, угроза Ираку санкциями со стороны США «не очень полезна»²: «Я не думаю, что получится убедить Ирак с помощью угроз, а не аргументов», – заявил Маас в интервью агентству Reuters³.

Но далеко не всё в отношениях двух ведущих европейских государств так безоблачно, как кажется на первый взгляд. В последние месяцы в германо-французские отношения снова закрались противоречия. Они связаны сразу с несколькими внешнеполитическими аспектами, в частности, отношения к НАТО и его роли в Европе.

В ноябре 2019 г. лидеры Франции и Германии участвовали в мероприятиях,

посвящённых 30-летию падения Берлинской стены. Канцлер А. Меркель выразила недовольство по поводу слов президента Эммануэля Э. Макрона о «смерти мозга» НАТО. По мнению французского президента, Европе следует перестать рассчитывать на помощь США в рамках альянса, потому что они «повернулись спиной» к союзникам⁴. Э. Макрон считает, что в альянсе нет на данный момент координации по принятию стратегических решений. Он также добавил, что Европе необходимо начать наращивать оборонный потенциал, поскольку она находится «на краю пропасти». А. Меркель заявила, что «понимает стремление к разрушительной политике Макрона», однако ей снова приходится «склеивать разбитые чашки, чтобы потом была возможность сесть и выпить вместе чая»⁵.

Но, несмотря на расхождения с Э. Макроном по вопросам отношения Европы к НАТО, А. Меркель поддерживает идею французского лидера по созданию альтернативной НАТО армии Евросоюза. Коллеги по ЕС такое решение пока что не одобряют. Но, по мнению канцлера ФРГ, «такая сила показала бы миру, что в Европе невозможна война»⁶. Можно предположить, что Ахенское соглашение в обозримом будущем будет способствовать если не созданию армии Евросоюза, то уж точно к введению новых мер по обеспечению европейской безопасности, принимая во внимание новые вызовы и угрозы.

Крайне важно затронуть такой аспект, как строительство газопровода «Север-

¹ Британия, Германия и Франция требуют, чтобы Иран вернулся к ядерной сделке // Деловая столица [сайт]. URL: <https://www.dsnews.ua/world/britaniya-germaniya-frantsiya-trebuyut-chtoby-iran-vernulsya-12012020221700> (дата обращения 13.01.2020).

² Германия, Великобритания и Франция ответят на заявления Ирана о ядерной сделке // Коммерсантъ [сайт] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4214681> (дата обращения 13.01.2020).

³ Sanctions threat against Iraq “not very helpful”, German minister says // Reuters.com [сайт]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iraq-security-germany-maas/sanctions-threat-against-iraq-not-very-helpful-german-minister-says-idUSKBN1Z50KM> (дата обращения 13.01.2020).

⁴ Макрон объяснил свой диагноз о «смерти мозга» у НАТО сигналом тревоги // EurAsia Daily [сайт]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/11/28/makron-obyasnil-svoy-diagnoz-o-smerti-mozga-u-nato-signalom-trevogi> (дата обращения 13.01.2020).

⁵ Склеить разбитые чашки: почему ссорятся Меркель и Макрон // Газета.ru [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/11/25_a_12831494.shtml (дата обращения 13.01.2020).

⁶ Смогут ли Франция и Германия создать Единую европейскую армию // Эхо Москвы [сайт]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/openmedia/2316294-echo> (дата обращения 13.01.2020).

ный поток-2». А. Меркель считает, что «введение экстерриториальных санкций, которые планируют США, не соответствует нашему пониманию закона и, следовательно, тем дискуссиям, которые ведутся в настоящее время. Тем не менее, мы должны признать, что процесс строительства затруднён. Мы по-прежнему считаем, что завершить проект правильно, и в этом духе мы будем работать», о чём она заявила на одном из заседаний Бундестага¹.

Э. Макрон, на удивление руководства ФРГ, имеет противоположное по данному вопросу мнение. В феврале 2019 г. французский лидер выступил против проекта «Северный поток-2» в период голосования по поводу поправок к газовой директиве ЕС. Предположительно, такой шаг Макрона можно объяснить давлением со стороны США, а также «реваншем» французского президента за то, что Меркель не восприняла его предложений насчёт реформ Еврозоны². Однако в итоге европейские власти утвердили в директиве компромиссный вариант, предложенный Германией. Доработанная директива распространяет требования Третьего энергопакета на морские газопроводы, приходящие в ЕС из третьих стран. Главным образом этот пакет ограничивает монополии поставщиков газа и электричества, которые владеют путями доставки ресурсов к потребителю — газопроводами, ЛЭП и т. д., чтобы они за счёт своего положения не могли блокировать поставки конкурентов³.

Фактор важности отношений с Россией

Ещё одним вопросом, в котором французский лидер занимает обособленную позицию, стали взаимоотношения с Россией. В одном из интервью Э. Макрон заявил, что Европе «пора проснуться» и перестать полагаться на США, в частности, в вопросах построения диалога с Москвой⁴. Президент Франции подчеркнул, что пересмотр отношений с Россией необходим во избежание новой холодной войны. Однако он не затронул крайне важный на сегодняшний день вопрос: готова ли Франция поспособствовать отмене антироссийских санкций. Но, несмотря на это, Франция остаётся одним из основных внешнеполитических и торговых партнёров России, и, как отметил президент России В. В. Путин, в этих направлениях будет проводиться все больше и больше работы, «если нормализация отношений между Россией и Евросоюзом будет полной и всеобъемлющей»⁵.

11 января 2020 г. российский лидер встретился с канцлером ФРГ Меркель. В ходе 4-часовых переговоров они обсуждали урегулирование ситуации в Ливии, Сирии и Украине, планы по сдерживанию ядерных разработок Ирана и строительство «Северного потока-2». Как сообщил российский обозреватель Deutsche Welle Ю. Решето, отношения Меркель и Путина, скорее всего, нельзя назвать дружественными, но они являются партнёрами в экономике и в политике⁶. Несмотря на многие разногласия, А. Меркель нуждается в В. В. Путине, а

¹ Меркель заявила, что Германия считает правильным запустить «Северный поток-2» // Life.ru [сайт]. URL: <https://life.ru/p/1332237> (дата обращения 01.07.2020).

² Spiegel: Макрон выступил против «Северного потока-2», чтобы отплатить Меркель за неприятие его реформ // RT на русском [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-02-08/Spiegel-Makron-vistupil-protiv-Severnogo> (дата обращения 01.07.2020).

³ Обновленная Газовая директива ЕС. Что она значит для «Северного потока-2»? // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6338679> (дата обращения 01.07.2020).

⁴ Макрон: Европе пора пересмотреть отношения с РФ // Корреспондент.net [сайт]. URL: <https://korrespondent.net/world/4133519-makron-evrope-pora-peresmotret-otnosheniya-s-rf> (дата обращения 13.01.2020).

⁵ Президенты России и Франции сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов // Aftershock [сайт]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/781100&full> (дата обращения 13.01.2020).

⁶ Меркель и Путин – не друзья, но партнёры // DW. Made for minds [сайт]. URL: <https://www.dw.com/ru/комментарий-меркель-и-путин-не-друзья-но-партнеры/a-51970449> (дата обращения 13.01.2020).

ЕС – в России. Сейчас с уверенностью можно сказать, что на последнюю встречу с В. В. Путиным А. Меркель приехала как единомышленница. Одним из итогов встречи Путина и Меркель стала договорённость о проведении в Берлине международной конференции с целью мирного урегулирования ситуации в Ливии¹. Конференция состоялась 19 января 2020 г. в ведомстве федерального канцлера ФРГ. По словам А. Меркель, на международную конференцию в Берлине пригласили обе стороны конфликта – и Ф. Сараджа, возглавляющего правительство Ливии, и противостоящего ему Х. Хафтара, а также представителей всех заинтересованных в урегулировании ситуации государств. «Мы не собираемся вмешиваться в суверенитет Ливии. Но в конечном итоге достичь результата можно только дипломатическими средствами»², – подчеркнула канцлер. Итогом конференции стал документ, в котором предлагается разбить процесс урегулирования в Ливии на шесть «корзин»: прекращение огня, выполнение оружейного эмбарго, политический процесс, реформа сектора безопасности, экономическая реформа, соблюдение норм гуманитарного права и прав человека³.

12 января 2020 г. президент России также провёл телефонные переговоры с президентом Франции, в ходе которых лидеры обсудили ряд актуальных международных вопросов. В. В. Путин и Э. Макрон уделили ливийскому вопросу особое внимание. Как сообщила пресс-служба Кремля, «подчёркнута важность

соблюдения обеими сторонами конфликта (в Ливии) объявленного с 12 января режима прекращения огня»⁴. Оба президента выразили намерение всемерно способствовать успешному проведению планирующейся конференции по Ливии, а также оказывать содействие политико-дипломатическому урегулированию кризиса. Таким образом, можно сделать вывод, что после принятия Ахенского соглашения позиции Франции и Германии касательно разрешения ситуации в Ливии совпадают, что подтверждает дальнейшее единство во взглядах обоих государств по ближневосточному урегулированию.

Новые вызовы

Рассказывая о современных франко-германских отношениях, нельзя не упомянуть такое явление общеевропейского масштаба, как Брексит. В полночь с 31 января на 1 февраля 2020 г. по центральноевропейскому времени Великобритания формально вышла из Европейского союза⁵. И это событие с большой долей вероятности может поспособствовать Франции стать лидером ЕС. Такое предположение можно сделать на основании того, что внутривосточная ситуация в Германии на данный момент обстоит далеко не лучшим образом. Хаос на выборах в Тюрингии и уход А. Крамп-Карренбауэр с поста председателя партии ХДС стал настоящим шоком и для жителей страны, и для Брюсселя⁶. Многие в то время задавались вопросом – что же вообще происходит в Германии? И тогда в Германии «царила растерянность». Именно так выразился

¹ Путин рассказал об итогах встречи с Меркель // МК.ru [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/01/11/putin-rasskazal-ob-itogakh-vstrechi-s-merkel.html> (дата обращения 13.01.2020).

² Меркель «наехала» на США, поговорив с Путиным о «Северном потоке-2» // МК.ru [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/01/11/merkel-naekhala-na-ssha-pogovoriv-s-putinym-o-severnom-potoke2.html> (дата обращения 14.01.2020).

³ Источник: окончательный текст итогового документа саммита в Берлине по Ливии согласован // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7554969> (дата обращения 19.01.2020).

⁴ Телефонный разговор с Президентом Франции Эммануэлем Макроном // Президент России [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62569> (дата обращения 14.01.2020).

⁵ Британия вышла из ЕС через 3,5 года после референдума. Как это было // BBC.com [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51335101> (дата обращения 12.03.2020).

⁶ Поражение канцлера: преемница Меркель покидает пост главы ХДС // Газета.ru [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/10_a_12954031.shtml (дата обращения 12.03.2020).

обозреватель Die Welt Кристоф Б. Шлицц, отметивший, что в немецкой политике больше нет постоянства¹. По мнению депутата Европарламента З. Краснодембского, процесс принятия решений в ЕС будет всё больше зависеть от Франции². Впрочем, его румынский коллега З. Мурешан придерживается другой точки зрения: он отмечает значительную роль Германии при разрешении финансового и миграционного кризисов, а также напоминает, что до нынешней поры внутриполитические события в ФРГ никак не влияли на общеевропейскую политику, а значит, Берлин продолжит играть значительную роль в ЕС³.

Следует также отметить явление, в короткие сроки охватившее всю планету – вирус COVID-19. По состоянию на конец марта 2020 г., в Германии было 29056 инфицированных, во Франции – 20104⁴. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, сразу несколько федеральных земель Германии (а также несколько кантонов Швейцарии) предложили Франции забрать на лечение часть тяжелобольных, заражённых коронавирусом. Речь шла о том, чтобы несколько разгрузить госпитали восточных регионов Франции, что позволило бы им освободить места с аппаратами ИВЛ. По словам президента Э. Макрона, Франция в эпоху коронавируса переживает самый

серьёзный кризис в области здравоохранения за последние 100 лет⁵. Между тем глава немецкого института вирусологии имени Р. Коха Л. Вилер 23 марта 2020 г. заявил о стабилизации ситуации с заражением коронавирусом в Германии, что говорит о более грамотном подходе властей к борьбе с этим вызовом⁶.

Заключение

Каково же будущее отношений Франции и ФРГ в новых условиях? Во взаимодействии двух государств прослеживается определённая диалектика сотрудничества и противоречий, связанная с борьбой за первенство в Европе. С одной стороны, можно заметить, что далеко не все новаторские идеи Э. Макрона находят поддержку у А. Меркель, которая остаётся твёрдой сторонницей старой модели неолиберального, глобалистского и проамериканского ЕС. Программа Э. Макрона, напротив, весьма амбициозна и нацелена на превращение ЕС в один из главных центров силы в многополярном мире. Но, с другой стороны, ясно намечены тенденции к обоюдному сотрудничеству, есть понимание политического, экономического и культурного сотрудничества. Обе страны пришли к заключению, что нужно общими усилиями искать возможности для сближения с Россией. Принимая во внимание Ахенское соглашение, Париж и Берлин договорились чётче координировать транспортное сообщение, взаимно признать дипломы о среднем образовании и создать совместные дошкольные учреждения. Соглашение также призвано продемонстрировать единение двух

¹ Es herrscht Fassungslosigkeit über Deutschland // Welt.de [сайт]. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus205749011/Bruessel-zu-AKK-Rueckzug-Fassungslosigkeit-ueber-Deutschland.html> (дата обращения 12.03.2020).

² Die Welt: политический хаос в Германии делает Францию европейским лидером // RT на русском [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2020-02-12/Die-Welt-politicheskij-haos-v> (дата обращения 12.03.2020).

³ Brexit и политический кризис в Германии: Франция становится европейским лидером // Правда-TV.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda-tv.ru/2020/02/12/449335/brexit-i-politicheskij-kризис-v-germanii-frantsiya-stanovitsya-evropejskim-liderom> (дата обращения 12.03.2020).

⁴ Коронавирус COVID-19 // Новости Mail.ru [сайт]. URL: <https://news.mail.ru/story/incident/coronavirus> (дата обращения 24.03.2020).

⁵ Коронавирус: Франция закрывает школы и вузы, Бельгия – бары и рестораны // DW. Made for minds [сайт]. URL: <https://www.dw.com/ru/коронавирус-франция-закрывает-школы-и-вузы-бельгия-бары-и-рестораны/a-52750368> (дата обращения 24.03.2020).

⁶ В ФРГ заявили о стабилизации ситуации с заражением коронавирусом // RT на русском [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/730986-germaniya-koronavirus-stabilizaciya> (дата обращения 24.03.2020).

крупнейших европейских экономик на фоне Брексита и миграционного кризиса. Всё чаще поднимаются вопросы о создании Францией и Германией Европейского валютного фонда, который будет помогать испытывающим финансовые и экономические трудности странам-членам Европейского союза¹. Таким обра-

¹ Германия и Франция создают Европейский валютный фонд // Sputnik Орбита [сайт]. URL: <https://ee.sputniknews.ru/politics/20180620/11255444/germany-france-sozdajut-evropeiskij-valjutnyj-fond.html> (дата обращения 13.01.2020).

зом, Ахенское соглашение может стать очень хорошей отправной точкой для совместной работы ФРГ и Франции по вопросам общеевропейского и мирового значения, но окончательный результат будет, конечно же, зависеть именно лично от Э. Макрона и А. Меркель, которые, несмотря на все обозначенные затруднения, ведут тандем своих стран в русло плодотворного сотрудничества.

Статья поступила в редакцию 06.05.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В. Б. Актуальные вызовы и задачи хозяйственно-политического тандема Германии и Франции // Современная Европа. 2017. № 2. С. 27–38.
2. Васильев В. И. Quo vadis Германия? // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 107–128.
3. Европа в эпоху перемен / отв. ред. Т. В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017. 484 с.
4. Каширина Т. В., Аватков А. В., Феофанов К. А. Политические проблемы современных международных отношений. М.: Проспект, 2019. 444 с.
5. Рубинский Ю. И. Франко-германский тандем: прошлое и будущее // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. 1 / отв. ред. Е. А. Маслова, О. Ю. Потемкина. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. С. 53–61.
6. Современная Германия: экономика и политика / под ред. В. Б. Белова. М.: Весь Мир, 2015. 720 с.
7. Современная мировая политика / под ред. Е. П. Бажанова. М.: Дашков и К°, 2018. 450 с.
8. Федоров С. М. «План Макрона» для Европы: новый старт европейского проекта в XXI веке? // Современная Европа. 2017. № 2. С. 30–39.

REFERENCES

1. Belov V. B. [Priority Challenges and Tasks of the Economic and Political Tandem of Germany and France]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2017, no. 2, pp. 27–38.
2. Vasil'ev V. I. [Quo vadis Germany]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [The International Affairs], 2017, no. 2, pp. 107–128.
3. Zvereva T. V., ed. *Evropa v epohu peremen* [Europe in the Time of Changes]. Moscow, Diplomaticheskaya akademiya Publ., 2017. 484 p.
4. Kashirina T. V., Avatkov A. V., Feofanov K. A. *Politicheskie problemy sovremennykh mezhdunarodnykh ot-noshenij* [Political Problems of Modern International Relations]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 444 p.
5. Rubinskij Yu. I. [The Franco-German Tandem: the Past and the Future]. In: Maslova E. A., Potemkina O. Yu., eds. *Sovremennaya Evropa: 60 let posle Rimskih dogovorov*. Ch. 1 Contemporary Europe: 60th anniversary of the Treaties of Rome. Vol. 1]. Moscow, European University of RAS Publ., 2017. pp. 53–61.
6. Belova V. B. *Sovremennaya Germaniya: ekonomika i politika* [Contemporary Germany: Economics and Politics]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2015. 720 p.
7. Bazhanova E. P. *Sovremennaya mirovaya politika* [Modern World's Politics]. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2018. 450 p.
8. Fedorov S. M. ["Macron's Plan" for Europe: a New Start for a European Project in the XXI Century?]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2017, no. 2, pp. 30–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аксеничев Александр Олегович – аспирант кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России;
e-mail: orel1295@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander O. Aksenichev – Postgraduate Student, Department of International Relations, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry;
e-mail: orel1295@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аксеничев А. О. Особенности современного этапа германо-французских отношений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 149–158.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-149-158

FOR CITATION

Aksenichev A. O. Features of the current stage of German-French relations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 149–158.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-149-158

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 94(44)

ЦЕЗАРИЗМ. КАКИМ ОН БЫЛ В 1865 ГОДУ¹

Уолтер Баджот

Аннотация. Проблема соотношения просвещения, демократии, эффективной политической власти и качественного государственного управления до сих пор не теряет своей актуальности среди современных политологов. Британский политический философ Уолтер Баджот (1826–1877) как раз затрагивал такого рода аспекты в своей работе, которая, по сути, является критическим очерком развития феномена цезаризма во Франции. Оттолкнувшись от прецедента в Древнем Риме, автор сосредоточился на сравнительном анализе преимуществ и недостатков имперского режима. Интересны замечания мыслителя о зарождении явления «полуправды», взаимосвязи политики, просвещения, образования. Баджот делает вывод, что противоречия цезаризма связаны с проблемой концентрации власти.

Ключевые слова: цезаризм, Французская империя, государственное управление, концентрация власти, Уолтер Баджот, просвещение, Наполеон III

CAESARISM. AS IT WAS IN 1865

Walter Bagehot

Abstract. The problem of the ratio of education, democracy, effective political power and high-quality public administration has not yet lost its relevance among modern political scientists. The British political philosopher Walter Bagehot (1826–1877) discussed such questions in his critical essay on the phenomenon of Caesarism in France. Starting from an analysis of precedent in ancient Rome, the author had focused on a comparative study of the advantages and disadvantages of the imperial regime. The thinker's comments on the emergence of the phenomenon of half-truth, the connections between politics and education are of particular interest. Bagehot concludes that the contradictions of Caesarism are associated with the problem of concentration of power.

Keywords: Caesarism, French Empire, public administration, concentration of power, Walter Bagehot, enlightenment, Napoleon III

Чтобы не сложилось впечатление, будто предыдущие сочинения г-на Баджота выражали его окончательное мнение о характере имперского режима Луи Наполеона, было сочтено правильным опубликовать статью, написанную им для журнала Economist после визита во Францию в 1865 г. Настоящая статья была призвана скорректировать

¹ Перевод осуществлён Я. Ю. Моисеенко по изданию: Bagehot W. Caesarism as it existed 1865 // Literary Studies. W. Bagehot. Vol. III. Longmans, Green, and Co. 1903.

те ложные впечатления, что могли спровоцировать его предшествующие эссе, ещё несколько юношеские. Данный текст появился вскоре после публикации Emperor's Life of Julius Caesar¹.

Это поразительно, что французский император располагает свободным досугом и его разум не слишком обременён делами, чтобы писать биографию, но если уж он примется её писать, то выбор предмета этого сочинения весьма очевиден. Юлий Цезарь был первым императором, кто строил свою власть на характерных принципах Французской империи, потом уже Наполеон I возродил их, а Наполеон III – окончательно закрепил. Феномен правителя-демагога и сражающегося, и вместе с этим дискутирующего, был известен греческим республикам, но размеры этих республик были невелики, а история их невыразительна.

На большой странице всемирной истории Юлий Цезарь – первый пример народного деспота. Он свергнул аристократию, погрязшую в коррупции и, возможно, пребывающую в упадке, но всё же аристократию, с помощью простого, неорганизованного народа. Он обратился к большинству римских граждан со словами: «Я ваш защитник и ваш лидер: сделайте меня верховным правителем, и я буду править для вашего блага и от вашего имени». И это точная иллюстрация принципа Французской империи.

Невозможно понять его просвещённый деспотизм, если ясно и точно не разграничить его от феодальной доктрины власти предшествующей эпохи и её претензий на легитимность. Монархи давнишних времён требовали подчинения народа на основании долга. Они неустанно взывали к людской преданности. Они апеллировали к совести, даже к религии. Но не Луи Наполеон, он – бентамовский деспот. Он выступал за «величайшее сча-

стье наибольшего числа людей». Он говорил: «Я нахожусь на своём месте, потому что я знаю лучше, чем кто-либо ещё, что хорошо для французов, и они знают, что я знаю это лучше них». Нет, он не помазанник Господа Бога, он – проводник интересов народа.

Мы не можем здесь обсуждать, как проявляла себя эта система в древние времена. Страницы научного журнала не лучшее место для развёртывания исторической диссертации, но мы вправе очень кратко изложить результаты недавних наблюдений за ней в том виде, в каком существует она сейчас, как эта система действует во Франции. Некоторые её проявления хорошо изучены в Англии, но мы думаем, что часть из них остаётся в тумане и не до конца осознана.

Во-первых, Французская империя – действительно самая завершённая демократия, которую когда-либо видел мир. Того, что многие сейчас только желают, уже воплощено в ней с такой живостью, точностью и полнотой, что не имеет аналога ни в истории прошлого, ни в настоящем опыте. Абсолютное государство с народным «инстинктом» беспрепятственно управляет людьми, известными своей готовностью ему служить. Пока англичанин продолжает совершать одну ошибку за другой, а немец предаётся размышлениям, француз организует систему управления, реальную и эффективную. Конечно, американец действует так же быстро и, в какой-то мере, так же эффективно, но несколько опрометчиво, а исполнение его очень грубо; его действия напоминают «забег с препятствиями», что он не стремится перепрыгнуть, а сокрушает всё на своём пути. Француз не суетится: он преднамеренно добивается совершенства в деталях, на что можно положиться, поскольку эта работа никогда им не откладывается.

Бюрократизм французского правительства не просто терпим, он может быть даже приятен. Обыватель, который хочет, чтобы политические вопросы ре-

¹ Bagehot W. Caesarism as it existed 1865 // Literary Studies. W. Bagehot. Vol. III. Longmans, Green, and Co. 1903.

шались без его участия, получает это от него. Благополучие масс – искомое благо нынешнего большинства – воспринимается им как задача правительства и как закон любого политического устройства. Империя даёт французам полное удовлетворение их главных желаний и, можно сказать, художественный уровень исполнения государственного управления, шлифованного настолько тонко, как только одни французы способны сделать, и чего никто прежде не добивался.

На такое правительство возложена большая забота о материальном благополучии, и оно действительно заботится об этом. Это приносит людям такой комфорт, какой они могут себе позволить. Если им не становится комфортнее, это уже будет на их совести. Государство предоставило бы им свободу торговли, что, как следствие, принесло бы им облегчение, если бы могло. Ни одно бывшее французское правительство не сделало столько для установления свободной торговли, как это. Ни одно правительство не стремилось развивать железные дороги и промышленность, как это. Франция сильно изменилась за последние 12 лет. И это не только заслуга Империи, поскольку последняя вступила в права великого наследия; сейчас она пожинает плоды безмолвного труда свободной монархии, разрушенной революцией. В те времена были заложены ростки перемен, обещавшие «богатый урожай»: они были готовы вот-вот проявиться, взойти, но при неразумном правительстве этого бы не случилось, они просто бы погибли. При ловком обращении нынешнего правительства они выросли такими, чтобы поразить всю Европу и саму Францию.

Если бы, действительно (и как это часто утверждается), главной озабоченностью правительства было бы *счастье* наибольшего числа людей *здесь и сейчас*, то нам было бы трудно представить какое-либо другое французское правительство, что было бы лучше нынешнего в этом аспекте или хотя бы таким же. Осведомлённость

императора в экономических вопросах – о хлебе и мясе для народа – действительно превосходит знание об этом противостоящих ему классов. Он даёт нынешней нации французов больше благ, чем кто-либо другой дал бы им, и он дарует их от собственного имени. У них есть столько, сколько они хотят. Но стоит нам представить, что истинной целью государства будет не текущее благополучие большинства, а его *грядущее возвеличивание*, наша оценка Империи странным образом изменится. Это правительство прекрасно годится для решения грубых, сиюминутных задач, но отвратительно для достижения будущих, изысканных целей.

Во-первых, правительство препятствует распространению образования, останавливает действенное внушение важной мысли массам. Все другие интеллектуальные усилия Империя не только разрешает, но и поощряет. Высокий интеллект Парижа столь же активен и представлен также широко, что и интеллект Лондона, он даже более проницателен. Интеллект по-прежнему занимает (и всегда занимал) здесь особую позицию. Быть членом Института Франции (*Membre de l'Institut*) во Франции почётно; но в Лондоне это означает быть «умником», и это неоднозначное определение. Мысль высокого порядка обсуждается в парижском обществе гораздо лучше, чем в лондонском, и аргументируются лучше в *Revue des Deux Mondes*, чем в любом английском периодическом издании. Философствование во Франции не было уничтожено Империей: мысль всё также находчива, строга, остра, какой и была всегда. Но хотя она ещё жива, её больше нельзя назвать всемогущей – она не способна учить массы. Пусть *Revue* разрешено, но газеты – самый действенный инструмент воздействия на широкие умы – под запретом. Курс открытых бесплатных лекций на популярные темы в Париже невозможен. Публичное обсуждение запрещено, но только оно способно научить. Невежественные массы пропускают мимо ушей философские трактаты,

изысканные статьи, изящную литературу. Есть только два инструмента, достаточно проницательных, чтобы преодолеть смутность их умов – газетная статья и публичное выступление, но оба они запрещены.

В Лондоне всё обстоит ровно наоборот. Мы можем сказать, что только самое громкое выражение мысли имеет должный эффект. Одна популярная литература наполняет умы людей незавершёнными мыслями, при этом хорошо обдуманный материал, тщательное исследование, тихая мысль так и остаются не услышанными. Люди настолько оглушены громким повторением множества полуправд, что у них нет ни любопытства, ни энергии для тщательного изучения предметов. Сами слова «подробный», «тщательный» превратились в упрёк: глубокое изучение производит знание, что не нравится массе людей, потому что оно выше их, оно утомительно, потому что требует от них усердия, требует внимания, сложно, потому что несёт правду. В целом, пожалуй, английская мысль едва ли ещё когда была такой незавершённой, такой разрозненной, рваной, как сейчас. Мы ведём так много мелких дискуссий, что нас не хватает на полноценное обсуждение, мы так много едим «на ходу» в течение дня, что портим себе полноценный ужин. Соответственно, на континенте философская мысль Англии презируется. Считается, она скудна, невозделана и незрела. Нам остаётся возразить лишь одно. Наша мысль может быть скудной, грубой и фрагментарной, но она действительна. С нашими газетами и нашими выступлениями, с нашим множеством шумных, но равнодушных болтунов мы вбиваем идеи немногих в умы многих. Пусть «голова» Франции поумнее нашей, но она не управляет собственным телом. «Голова» же Англии грубая и неотёсанная, но она хозяин своему телу и регулирует всю его жизнь.

Франция, как она есть сейчас может чувствовать себя счастливее благодаря Империи, но в будущем её ждёт невеже-

ство из-за той же Империи. Театр высшего ума для просвещения низших умов отныне закрыт. Нынешнее правительство предоставило людям подобие свободной торговли, но оно не могло вынести публичного обсуждения в защиту этой свободной торговли. Демократический деспотизм подобен теократии; он подразумевает свою собственную непогрешимость. Он как будто говорит: «Если я представляю людей; я здесь, потому что осведомлён, чего они хотят, а осведомлён в этом, потому что знаю, что они должны иметь». Кавеньяк сказал однажды: «Правительство, которое позволяет ставить под сомнение свои принципы, это потерянное правительство». Все публичные дискуссии, чему бы они ни были призваны *научить* правительство, в корне противоречат самой гипотезе Империи. Она гласит, что всеведущий Цезарь – не-правильный Цезарь, он не годится на эту роль, поскольку Цезарь представляет не-ведущий народ.

Вырождение будущего – неотъемлемый порок имперского порядка, но не единственный, пока ещё не величайший. Величайшее преступление – это настоящее. Оно ложится на человека настолько большим бременем, что его природа не способна этого вынести. Всё требует поддержки, помощи, поощрения со стороны правительства, и тем не менее ожидается, что это правительство сохранит чистоту. Железнодорожные концессии, концессии с ограниченной ответственностью – по сотне предметов, разрешение по суду, административная помощь, всё это необходимо для зарабатывания денег. Небольшая группа официальных лиц наделена властью превращать людей в богачей, и наивно полагать, что они не будут озадачены собственным обогащением. Сам принцип этой системы – концентрация власти, а власть – это деньги.

Сэр Роберт Уолпол говорил: «Ни один честный человек не может быть министром», а во Франции соблазны побеждают честность всех людей. Эта система

требуется, чтобы в ней работали ангелы и, возможно, ей не повезло найти таковых. Один кивок министра на бирже может стоить состояния и, так или иначе, министры наживают свои состояния. Парижская биржа всё ещё настолько мала, что капиталист, имеющий большие шансы преуспеть, может произвести на ней большой шум, а капиталист, находящийся в контакте с большим министром – колоссальный шум. Соответственно, всё, что сопровождается внезапным обретением богатства, является следствием обивания порогов императорского двора.

Император исправил бы многое, если бы мог, но что он может сделать? Говорят, он сказал, что не изменит своих подданных. Он не заменит вечно жадных до крови блох теми, что хотя бы иногда насыщаются. И он прав. Сама система содержит в себе дефект, и это не вина людей; огромная концентрация власти в индустриальной системе чревата преследованием материальных выгод.

Это два основных недостатка, от которых Франция страдает, благодаря своему нынешнему правительству; это большая часть цены, которую она должна заплатить за счастливый момент настоящего. Каждый день она вынуждена ощущать действительную безнравственность, она жертвует образовательным процессом, который мог бы возвысить французскую нацию, особенно ещё не родившихся её представителей. Но эти два недостатка не единственные.

Франция имеет материально обеспеченное, прочное настоящее, но ей не светит такое же прочное будущее. Всем, что обеспечивает нынешнюю промышленность, наделяет её правительство; во всём, что требует уверенности в завтрашнем дне – она бессильна. На взгляд англичанина, ещё немного, и Франция будет нуждаться в кредитовании. Депозиты страны в Банке Франции составляют всего 1 млн фунтов стерлингов; у этого банка 59 отделений, и он является крупнейшим национальным банком Франции.

Все дискуссии о валюте возвращаются к идее установления принудительного курса (*cours forcé*), неизбежной необходимости предоставления неконвертируемым банкнотам безвозвратного тендера на период революции. Если вы предложите простейшие кредитные операции французскому банкиру, он скажет: «Вы не помните 1848 год? Я помню». И каков ответ?

Нынешнее правительство явно зависит от Цезаря и демонстративно сосредоточено на его фигуре. Существование этого правительства зависит от того, является ли постоянным резидентом дворца Тюильри человек неординарный. Демократический деспот – представитель народа, он должен обладать прозорливостью, чтобы угадывать волю народа, и проницательностью, чтобы исполнять её. Какова вероятность того, что эти качества будут переданы по наследству? Можно ли ожидать их от следующих наследников: ребёнка в качестве Императора и женщины в качестве его регента?

Настоящее счастье Франции – это счастье краткосрочное, оно может закончиться вместе с жизнью немолодого человека, который не щадил себя, который всегда думал, который всегда жил, а не существовал.

Таковы характеристики Империи как она есть. Такова природа правительства Цезаря, каким мы знаем его в настоящее время. И вряд ли следует ожидать в исторической ретроспективе, что даже исключительные способности Наполеона III позволят сгладить те болезненные впечатления, что были оставлены соприкосновением с нынешней действительностью.¹

¹ Прим. ред. оригинального издания: В качестве любопытной иллюстрации оценки характера Третьей Империи г-ном Баджотом, я могу упомянуть, что предыдущие части этой статьи – всё то, что выступало апологией имперского режима в вопросах материального процветания – были опубликованы во французских официальных журналах, в то время как столь же правдивая и даже более полезная критика его моральных недостатков в этой части была аккуратно опущена.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уолтер Баджот (1826–1877) – британский политический философ.

INFORMATION ABOUT THE A UTHOR

Walter Bajot (1826–1877) – the British political philosopher.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Моисеенко Ян Юрьевич – младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

INFORMATION ABOUT THE A UTHOR OF THE TRANSLATION

Jan Yu. Moiseenko – Research Assistant, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баджот У. Цезаризм. Каким он был в 1865 году / пер. с англ. Я. Ю. Моисеенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 159–164.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-159-164

FOR CITATION

Bagehot W. Caesarism as it existed in 1865. (Russ. ed.: J. Yu. Moiseenko, transl. *Tsezarizm. Kakim on byl v 1865 godu*). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 159–164.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-159-164

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-165-168

НОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ХРОНОТОП. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ИСТОРИИ ЕВРО-АЗИАТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (300–1914) / ПОД ОБЩ. РЕД. А. В. МУРАВЬЕВА. М.: ИМА-ПРЕСС, 2019. 12 С.

Фукус А. Н., Сухов В. В., Ковригин В. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

A NEW TEXTBOOK ON HISTORY

BOOK REVIEW

CHRONOTOP. A CHRONOLOGICAL MAP OF THE HISTORY OF THE EURO-ASIAN SPACE (300–1914). ED. BY A. V. MURAVYOV, MOSCOW: IMA-PRESS, 2019. 12 P.

Fuks A. N., Sukhov V. V., Kovrigin V. V.

Moscow Region State University

24 Vera Voloshina ul., Mytischki 141014, Russian Federation

Рецензируемое издание «Хронотоп» представляет собой актуальное и необходимое для осмысления логики истории учебное пособие. Вне хронологии не может быть эффективного изучения истории и понимания причинно-следственных связей и закономерностей исторического процесса. Особенно это важно на современном этапе, когда проблема формирования исторического сознания молодежи выступает на первый план в

свете современных внешних и внутренних вызовов. К сожалению, система «натаскивания» к ЕГЭ выпускников общеобразовательных школ приводит к потере понимания сущности целостного исторического процесса, временных рамок и, соответственно, к невозможности полноценно реализовывать воспитательный потенциал курса истории. «Хронотоп» может быть эффективным инструментом в руках учителя для развития концепту-

альных, интегративных представлений учащихся об истории, изучаемой в разных классах. Издание даёт возможность увидеть не только исторический путь локальных цивилизаций в рамках одной эпохи, но и законы развития государств, цивилизаций, народов на ленте времени, не ограничиваясь рамками одной эпохи, показать роль государственного строительства в сохранении и укреплении суверенитета страны.

В отечественной учебно-методической литературе ранее осуществлялись успешные попытки презентации ленты времени. Так, синхронистические таблицы были представлены в некоторых томах Всемирной истории, которые издавались в 50-е годы прошлого века. В 1997 г издательствами Фонд «Книжный союз» (РКС) и «Авизон» была издана книга-атлас «История Москвы», основой которой стали синхронистические таблицы исторического процесса в Московском регионе. Сочетание «горизонтального» и «вертикального» восприятия способствует созданию целостного представления истории нашей столицы. Это и другие аналогичные издания готовят читателя к работе с многолинейными лентами времени, к которым можно отнести и представленный «Хронотоп».

«Хронотоп» декларирует новую идею в изучении истории: представление на основе её визуализации. Научно-исторический проект предлагает девиз: «Чтобы понять историю, её надо увидеть». Можно ли «увидеть» историю, события прошлого, скрытые от читателя и зрителя пластом времени? Авторы учебного пособия убедительно доказывают, что историю можно увидеть.

Исторический и просветительский проект «Хронотоп» стал плодом коллективного творчества известных специалистов по отечественной и зарубежной истории, работающих в ведущих вузах страны: Российском университете дружбы народов, Высшей школе экономики и т. д. Книга даёт возможность понять

историю на основе сравнительного изучения исторического пути и судеб народов, цивилизаций, стран, государств. Особое внимание уделено процессам взаимовлияния, взаимопроникновения разных культур. Цивилизация – словно цветок, рождается, развивается, цветёт. Но короткое цветение навсегда истощает силы организма – так говорил о цивилизациях О. Шпенглер («Закат Европы»). В «Хронотопе» в полной мере показан этот процесс рождения, развития, цветения и перерождения цивилизаций.

Авторы презентуют «Хронотоп» как модель истории. С этим можно в полной мере согласиться, ведь модель – не просто конгломерат фактов, событий, явлений, но связь между ними, иерархическая, многоаспектная. Именно этой связи прежде всего уделено основное внимание в книге. В «Хронотопе» читатель не найдёт миллионов фактов, детального описания событий – для этого есть другая литература. Авторы, прежде всего, стремились представить историю в виде взаимосвязанной ленты времени для разных культур, народов, государств. «Хронотоп» – не последовательное описание событий, а карта исторического процесса, визуализирующий его. История любой цивилизации никогда не бывает замкнутой, она открыта для влияния и взаимовлияния других цивилизаций.

Не следует рассматривать данное учебное пособие как отдельный инструмент изучения истории. Без учебника в данном случае не обойтись. Но инструментарий «Хронотопа» как никакой другой даёт возможность эффективно объяснить и понять смысл, причины и последствия калейдоскопа исторических процессов в мире.

Авторы прямо заявляют, что не претендуют на объективную модель истории. Да и возможно ли это, даже если нанести ключевые события мировой истории на хронологическую систему координат? Ведь субъективизм историка проявляется не только в том, как он оценивает те

или иные исторические события, но и в том, каким векам истории он уделяет основное внимание, а какие опускает, считая неважными. Сама лента времени, безусловно, не может быть субъективной. Но вот отбор событий, их презентация не лишены доли субъективности. Цель «Хронотопа» другая – дать возможность понять взаимосвязь параллельных во времени исторических процессов.

Особое внимание в пособие уделено символике государств и народов, их маркерам, характеризующим своеобразие цивилизации: образу жизни, известным правителям, достижениям в науке, технике, культуре. И это правильно: визуализируя историю, читатель всегда акцентирует внимание на том, что окрашивает эпоху, придаёт ей своеобразие.

Вполне справедливо, что в центре «Хронотопа» – история России. Книга создана для российских читателей, которые с точки зрения цивилизационного подхода в школе и вузе изучали или изучают, прежде всего, российскую историю, а уже «вокруг неё» – события в мире. Издание позволяет подчеркнуть российскую идентичность и особенности отечественной истории в контексте мировой.

Учебное пособие снабжено качественными и понятными читателю указателями (политические процессы, миграция народов, объединение территорий и распад государств, правители государств, конфликты и битвы, мирные договоры и т. д.), знаками и другими компонентами методического сопровождения. Всё это позволяет эффективно ориентироваться в многоаспектном мировом историческом процессе, каждая линия которого имеет свой цвет, соответствующий стране и территории, что позволяет без ошибок определять принадлежность событий истории конкретного государства или региону. Сама хронологическая схема имеет разветвленную систему координат: меридианы, пунктирные линейки времени вверху и внизу страницы, а по горизонтали разноцветные линейки векторов

мирового исторического процесса. Перед использованием «Хронотопа» читателю необходимо внимательно ознакомиться с инструкцией пользования.

Издание будет полезно методистам, учителям истории, а также школьникам при подготовке к урокам, контрольным и экзаменам. В структуре контрольно-измерительных материалов ЕГЭ несколько лет назад был введён блок вопросов по зарубежной истории, которые вызывают наибольшую сложность у экзаменуемых. Зарубежная история необъятна, но в сравнении с историей Отечества в школьной программе ей уделяется значительно меньше внимания и времени. Это приводит к тому, что учащиеся для подготовки к ЕГЭ вынуждены просто заучивать предложенные Рособрнадзором ключевые даты Всемирной истории, не понимая их смысла. «Хронотоп» призван решить эту проблему: ключевые события мировой истории, нанесённые на ленту времени, дают возможность легче понять их взаимосвязь с историей Отечества и мировым историческим процессом.

Книга также будет полезна и интересна всем интересующимся историей. Ведь историческая наука – это не просто «красивый» рассказ о прошлом, а системная взаимосвязь событий. «Хронотоп» позволяет визуализировать эту взаимосвязь. История в таком ключе предстаёт перед читателем как научная дисциплина, объясняющая причины, цели, смыслы, вектор исторических процессов.

Импонирует постановка проблемных вопросов, затронутых в книге. Прежде всего, интересны ответы на «вечные русские» вопросы: «Кто мы такие – русские?», «Откуда и когда пошло противостояние с Западом?», «С кем Россия дружила, а с кем и почему воевала?», «Когда и чем прирастала страна?», «Откуда пошла русская земля?».

Научный руководитель проекта А. Муравьёв в предисловии к изданию справедливо отмечает: «При работе с Хронотопом надо понимать, что это схе-

ма со всеми присущими ей упрощениями и условностями. Ни одна схема не способна передать всей сложности исторического развития. За пределами Хронотопа пока осталась история культуры, а также многие экономические и социальные процессы. Все они в будущем найдут своё место в последующих изданиях и в электронной версии. Хронотоп – это живой и открытый проект, в который можно бесконечно добавлять идеи и смыслы».

Хочется пожелать авторам успеха в развитии проекта.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фукс Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Историко-филологического института, заведующий кафедрой методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Сухов Василий Владимирович – доцент кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: vv.suhov@mgou.ru

Ковригин Вадим Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander N. Fuchs – Dr. Sci. (History), Prof., Director, Institute of History and Philology, Departmental Head, Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Vasily V. Sukhov – Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: vv.suhov@mgou.ru

Vadim V. Kovrigin – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Фукс А. Н., Сухов В. В., Ковригин В. В. Хронотоп. Хронологическая карта истории Евро-Азиатского пространства (300–1914) / под общ. ред. А. В. Муравьева. М.: Има-Пресс, 2019. 12 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 165–168.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-165-168

FOR CITATION

Fuks A. N., Sukhov V. V., Kovrigin V. V. Chronotop. A chronological map of the history of the Euro-Asian space (300–1914) / Muravyov A. V., eds.. Moscow: IMA-Press, 2019. 12 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 165–168.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-165-168

К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СМОЛЕНСКОГО

В этом году отмечает 80-летний юбилей один из крупнейших отечественных учёных-историков, автор глубоких исследований по проблемам истории и методологии исторической науки, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского областного государственного университета Николай Иванович Смоленский.

Николай Иванович родился перед самым началом Великой Отечественной войны. Родители-колхозники даже и предположить не могли, что ребенок, переживший сложные годы войны, с раннего детства тяжело и много работающий в колхозе, решит связать свою жизнь с наукой и станет автором более 60 уникальных работ!

В 1958 г. Николай Иванович закончил Городищенскую среднюю школу Погарского района Брянской области и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского университета. Даже в советские годы при существовавшем тогда «социальном лифте» поступить выпускнику сельской школы в престижное высшее учебное заведение было делом чрезвычайно сложным.

Уже на первом курсе Н. И. Смоленский делает первые шаги в научной студенческой работе. В 1961 г. после окончания 3-го курса он переводится в Томский университет на историко-филологический факультет вслед за своим научным руководителем профессором А. И. Даниловым, который был туда назначен на должность ректора. Среди учителей Н. И. Смоленского в Томском университете были: А. И. Данилов, Б. С. Жигалов, К. П. Ярошевский и др.

В 1964 г. Смоленский заканчивает обучение по специальности «История с правом преподавания на иностранном

языке» и поступает в аспирантуру. Под руководством своего бессменного научного руководителя профессора А. И. Данилова подготовлена и в 1967 г. успешно защищена кандидатская диссертация «Леопольд фон Ранке. Методология и методика исторического исследования», в которой молодой учёный сформулировал и предложил решение ряда проблем, имеющих важное значение в области исторического познания.

В 1970 г. Н. И. Смоленский приступает к работе в Горьковском государственном педагогическом институте. Начинается период его интенсивной преподавательской и научно-исследовательской деятельности: разрабатывает и ведёт курс новой истории стран Западной Европы и Америки, с 1972 г. читает курс истории средних веков и становится заведующим кафедрой всеобщей истории; организует методологический семинар, в рамках которого рассматривались теоретические вопросы исторической науки, концепции, взгляды и позиции зарубежных историков; по инициативе Н. И. Смоленского на кафедре открывается аспирантура по специальности «Историография и источниковедение всеобщей истории».

Несмотря на большую административную и преподавательскую деятельность, Н. И. Смоленский находит время для работы над докторской диссертацией на тему «Категории национально-политической историографии в Германии (1848–1871 гг.)» и в 1980 г. успешно её защищает на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, став одним из самых молодых в стране докторов исторических наук.

Молодого учёного и руководителя кафедры высоко ценили в коллективе университета, и в 1981 г. Н. И. Смоленский был назначен проректором по научной работе.

В марте 1985 г. Н. И. Смоленского переводят на должность ректора Пензенского педагогического института им. В. Г. Белинского. Новый ректор серьёзно занимается развитием учебного заведения. Под его руководством произошёл ряд структурных преобразований. Историко-филологический факультет был разделён на исторический факультет и факультет русского языка и литературы. В 1986 г. факультет общественных профессий был преобразован в факультет дополнительных педагогических профессий, а в 1987 г. в институте был создан факультет переподготовки и повышения квалификации организаторов народного образования. В 1988 г. начинают обучать русскому языку стажеров-студентов Пномпеньского университета (Камбоджа), что стало впоследствии основой создания факультета по работе с иностранными учащимися. Был создан ряд новых кафедр: кафедра информатики и вычислительной техники, кафедра русского языка как иностранного и др. В институте впервые стала выходить многотиражная газета «Педагог», сформировалась полиграфическая база, институт получил право издательской деятельности.

Н. И. Смоленский проявлял особую заботу о студентах и преподавателях. На базе общежития начала действовать первая в Пензе студенческая поликлиника. Для преподавателей и сотрудников института был построен 70-квартирный дом. Позднее, учитывая большой вклад в развитии ПГПУ им. В. Г. Белинского, Н. И. Смоленский учёным советом этого университета был единодушно избран Почётным доктором университета.

В 1989 г. Н. И. Смоленский был приглашён Министерством народного образования РСФСР на должность начальника Главного управления высших и средних специальных заведений Министерства народного образования РСФСР (с 1990 – Министерство образования РСФСР, с 1991 – Министерство образования РФ), где и проработал до 1993 г.

С 1989 г. Н. И. Смоленский – профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии истории Московского городского педагогического института (затем – университета). Избирался деканом факультета истории, политологии и права этого университета (1994 г.). Н. И. Смоленский также являлся профессором кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова.

Где бы и кем бы ни трудился Николай Иванович Смоленский – старшим преподавателем, доцентом, профессором, заведующим кафедрой, проректором, ректором, наконец, руководителем крупного структурного подразделения российского министерства образования – он везде демонстрировал высочайшую ответственность и преданность порученному делу.

Значительная часть яркого жизненного пути Николая Ивановича Смоленского связана с историческим факультетом Московского государственного областного университета (МГОУ). В 1993 г. он пришёл в университет в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории. В 1995 г. был избран деканом исторического факультета. За время работы деканом (1995–2009) на факультете произошли важные позитивные изменения: исторический факультет был преобразован в факультет истории, политологии и права; была основана кафедра политологии и права; кафедра отечественной истории разделилась на кафедру истории России средних веков и нового времени и кафедру новейшей истории России; факультет открыл новые специальности: «история и право», «история и английский язык», «политология»; начал действовать диссертационный совет по присуждению учёной степени кандидата и доктора политических наук; существенно выросло число аспирантов и докторантов.

Работу декана Н. И. Смоленский совмещал с должностью заведующего ка-

федрой новой, новейшей истории и методологии, которая была создана на основе кафедры всеобщей истории. И дело заключалось не в простой смене названия, а в новом выборе научного вектора деятельности. Речь идёт о совмещении изучения новой и новейшей истории стран Запада и Востока с разработкой теоретических проблем исторического познания, с методологией исторической науки. Подобных кафедр на исторических факультетах тогда не было, да и сегодня это большая редкость. Николай Иванович руководит кафедрой уже почти 25 лет. За это время она стала хорошо узнаваемой среди научно-педагогических коллективов вузов в Москве и за её пределами.

Долгие годы Н. И. Смоленский руководит диссертационным советом по историческим наукам, который дал «путёвку в жизнь» многим соискателям учёных степеней.

Имя учёного Николая Ивановича Смоленского хорошо известно в среде историков-методологов нашей страны. За обширным списком его научных публикаций (более 60 работ) стоят годы кропотливой исследовательской деятельности, проникнутой неиссякаемой любовью к своей профессии. Область научных интересов Николая Ивановича – историография, методология истории, немецкая историография, историческая биография.

Немало лет Н. И. Смоленский является научным руководителем журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки». За годы своего существования эта серия стала уважаемым и известным в научной среде изданием.

Николай Иванович – талантливый педагог, трепетно относящийся к своей профессии; мастерски владеет предметом, любит и знает студентов. Он требователен и строг, но пользуется большой популярностью и уважением у студентов за широту научного подхода, обоснованность выводов и суждений, глубоким содержанием лекций, за открытость, общительность, жизнелюбие и оптимизм.

Н. И. Смоленский – прекрасный руководитель и коллега, в котором удивительным образом сочетаются самые разные достоинства: твердость характера с житейском мудростью, инновационные подходы в принятии решений с умением найти подход к каждому, высокая требовательность и организованность с доброжелательностью и теплотой.

Друзья и коллеги факультета истории, политологии и права МГОУ от души поздравляют Николая Ивановича с юбилеем, желают крепкого здоровья, научных свершений и талантливых, благодарных учеников!

*Друзья и коллеги факультета
истории, политологии, права МГОУ*

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчики А. С. Барминова, Н. Г. Попова, Н. Г. Юрышева
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 13, усл. п.л. 10,75.

Подписано в печать: 30.04.2021. Выход в свет: 11.06.2021. Заказ № 2021/04-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А